

**КРЫМСКОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ-2017**

сборник

Выпуск третий

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2017

ББК 82. 2 (2 Крым=Рус).

К 852

*Одобрено Издательским советом, выпускается при поддержке
Министерства внутренней политики, информации и связи
Республики Крым за счёт средств бюджета РК.*

Книга выпущена по итогам Третьего республиканского литературного конкурса Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым при содействии крымской редакции газеты «Московский комсомолец», Межнационального Союза писателей Республики Крым и Литературной студии «Депо Пегаса».

Главный редактор Майкл Львовски.

Редактор Юрий Иваниченко.

Вёрстка и дизайн ТПО «Вариант».

К 852 КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ-2017. Сборник.
Выпуск третий. Составитель В. И. Демченко. Симферополь:
ИТ «АРИАЛ», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-906962-87-4

ББК 82. 2 (2 Крым=Рус).

ISBN 978-5-906962-87-4

© Демченко В.И., 2017

© ИТ «АРИАЛ», 2017

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

И снова «Крымское приключение».

И снова со страниц нашего сборника брызнут солёные капли с хвоста морского чудовища, вспорхнут не то птицы, не то сирины, донесётся громогласное: «Ур-ра!» и «Viva l'Imperatore!» атакующих колонн, а на чих квартирной хозяйки, варящей страшное зелье для отдыхающих, отзовется: «Будьте здоровы, бабушка!» — говорящий пёс миллионщика Коваленко...

И если на вашей книжной полке это ещё не третий том «Крымских приключений», но уже первый, напомним его предысторию:

Идея открытого республиканского литературного конкурса авантюрной прозы «на крымскую тему» пришла в голову руководства Керченской молодёжной литературной студии «Депо Пегаса»; была деятельно подхвачена крымской редакцией «Московского Комсомольца» и воплощена в жизнь Министерством внутренней политики, информации и связи Республики Крым. Вот так, можно сказать, «глас народа», усиленный рупором СМИ, был услышан властью народной, претворён ею в жизнь, и в народ же и возвратился, чтобы сделать её, жизнь конечно, лучше и веселее...

Конечным продуктом совместных усилий министерства, редакции и редколлегии и стал (пока) трёхтомник «Крымских приключений-2015, — 16, — 17...» и далее и впредь. И это уже итог не просто республиканского конкурса, не только даже Всероссийского, но «де-факто» и международного. Что и не удивительно.

Где теперь только не носит жизнь чёрно-белых карапузов в панамках, ковыряющих лопаточкой гальку «...в Ялте 1968 г.», пионеров-артековцев, закапывавших в 1977-м году капсулу — послание: «пионерам 2017 года» под монумент Ильича, студентов-археологов, машущих лопатами через кепку «Олимпиада 80»...

Только поройся детской крымской лопаточкой в истории судеб — и где только не нароешь её обладателя. Ладно, за соседс-

ким забором из белорусских сосен, украинского плетня, а то и в Германии, Израиле, за океаном, в этих, как их там... и не вспомнишь теперь. В Майями.

И нет, конечно, «Крымское приключение» — это никак не сборник воспоминаний для чтения у камина в плетёном кресле с любимым котом, пледом, квартирантом... Очень удачной оказалась мысль задать конкурсу не столько краеведческий, мемуарный, сколько всеобъемлющий приключенческий тон. То есть, если и не приключилось вам повидать в Долине Призраков призрака, — милости просим в главу «Мистические приключения»; не говорили вы с древними эллинами о засолке будущей «Керченской» сельди, — поговорите в главе «Исторические»: померещился на дне Голубиной бухты инопланетный корабль — сначала к доктору, а потом и к нам, в главу «Фантастические приключения». Лишь бы достало литературных способностей. Ну, а если уж никак не забывается та девушка в голубом из 1999-го? Что ж, дело житейское, и «приключения» соответствующие.

Впрочем, в этом году, например, как раз для девушек в голубом и юношей под алыми парусами к «Крымским приключениям» вышло ещё тематическое приложение «Крым романтический», где таких вот романтических историй от корки до корки. Ищите. Ждите. Следите за новостями в «МК в Крыму». Наверняка и в следующем 2018 году дело не ограничится одними только «приключениями» вообще, да выйдет приложение — сборник «Крым...». А вот какой? Это пока интрига.

И кстати, об интриге. Не в порядке отступления от правил, а как раз таки интриги ради, в сборник «Крымское приключение-2017» помещена работа автора, которому всего-навсего 16 лет. Ниже нижней возрастной планки для авторов. Попробуйте определить, кто это юное, но подающее надежды, дарование?

А? Нет, что вы... Этой даме 29 уже последние девять лет, а этот уважаемый господин — член дюжины писательских союзов.

Угадаете верно, напишите нам — и трёхтомник «Крымских приключений» ваш, обещаем!

P.S.

Традиционно корпус текстов разбит на следующие главы или жанры, в каждой из которых определен (или не определен) свой победитель:

Это приключения, конечно, прежде всего крымские, но кроме того:

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ

(победитель Михаил Кормин. Санкт-Петербург).

ИСТОРИЧЕСКИЕ

(победитель Евгения Дериземля. Украина. Кременчуг).

ВОЕННЫЕ

(победитель Андрей Лободинов. Крым. Севастополь).

ЖИТЕЙСКИЕ

(победитель Ульяна Кирина. Воркута).

и МИСТИЧЕСКИЕ

...победитель — на ваш выбор.

И победитель всего конкурса, невзирая на жанр и писательский ранжир, но исключительно взирая на литературное качество произведения:

Ксения Нели.

Фантастический рассказ «Жемчуг для русалочки».

Крым. Феодосия.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ

Ксения НЕЛИ

г. Феодосия. Крым.

ЖЕМЧУГ ДЛЯ РУСАЛОЧКИ

Помощница из Машки была аховая.

За пять минут она сплела венок из водорослей, напугала снулым бычком спица начальника экспедиции и разбила три мидии ручкой амфоры. В ракушках живёт жемчуг, это все знают! Ой, в этой не живёт... И в этой... Ну в следующей-то — верняк!..

Просьбу не портить улов она пропустила мимо ушей. Как и запрет подходить к находкам.

Ну а чё такого? Черепки две тыщи лет на дне пролежали, от них не убудет!

Этим летом Машка просто помешалась на жемчуге. То ли переиграла в «Ариэль», то ли обезьянничала подружкам, но только и разговоров было, что о бусиках из жемчуга, который сама же и добудет. О покупных украшениях она и слушать не хотела — в магазин-то любой пойти может!

Уверения, что жемчуг в мидиях бестолковый, и не получатся из него бусики, эта вредина проигнорировала.

Подзатыльник помог. Как всегда, ненадолго.

Зарывшись в мидии чуть не с головой, Машка вытащила пустую раковину. Большую, с шесть своих кулаков. Такие крупные моллюски если в Чёрном море и водились, то в доисторические времена. Выглядела эта ровесница Тетис непрезентабельно. Вся в трещинах — вот-вот развалится, невысокие кили сточены, когда-то яркое устье выцвело, вершина обломана. Кто из дайверов нашёл на месте античного кораблекрушения — не признаются. Что с ней делать — непонятно. Хотя нет, понятно. Выбросить, и весь разговор.

Девочка скорчила гримасу — не везёт с жемчугом! — прижала находку к уху и встрепенулась.

— Ух ты! Шумит! — воскликнула она. — Ксюш! Тут море шумит!

Я промывала керамику и оборачиваться не собиралась. За месяц подводной экспедиции море мне уже снилось, и я вполне могла прожить без его шума час-другой. Тем более, когда на ладони — фрагмент пелики с профилем амазонки.

Шершавая раковина царапнула мне щёку, и... первобытная стихия встряхнула привычный мир. Колыбельная цивилизации нашла отклик в каждой клетке тела. Глухой рокот замирал, копя силы для наката, и тут же обрушивался, увлекая в неизведанные глубины...

— Крутяк, да? — Глаза Машки разгорелись.

— Тебя с каким уговором взяли? — спросила я, едва наваждение схлынуло. — Вроде, брату помочь, а? И под ногами не путаться.

— Это рог Посейдона! — будто не слыша, девчушка погладила раковину. — Глянь, какой! Как на нашей эмблеме! Бог морей в него трубил, а рыбы исполняли его желания! Я сейчас ка-а-ак затрублю...

Я кивнула на две сетки с мидиями и рапанами под навесом «кухни».

— Глянь, какие! Вот я сейчас Юрку ка-а-ак позову...

Плов или шашлычок с дарами моря Машка наворачивала так, что за ушами трещало. С готовкой же помогала по настроению. Сегодня настроения у неё не было. В плове-то проглотишь жемчужину, и не заметишь!

— Ксюшка — вреднюшка! — пропела она, разглядывая меня сквозь отверстие в раковине.

Я отложила черепок с головой лошади.

— Машка, я ведь тоже могу дразниться. И тебе это — ой, не понравится...

В свои семь лет Машка, дочь археологов и сестра дайвера, была девочкой умненькой. Обидевшись, она, зачем-то нацепив ласты, пошлёпала из-под навеса, где мы сушили гидрокостюмы и сортировали находки. Пустынный по обеденному времени пляж

огласил хрип «рога Посейдона». Шпиц, оклемавшийся от нападения бычка, поджал хвост и юркнул в ближайшую палатку. Машка уселась на прибрежный камень, рядом с поднятыми амфорами, и вспенила ластами воду. Ни дать ни взять — русалка в изгнании.

Махнув на бездельницу рукой, я вернулась было к пелике... Но взгляд притянуло небо, вскипевшее белыми росчерками.

Чайки, непременный атрибут Черноморского берега, нам не досаждали. Днём они обсиживали крыши Керченского рыбколхоза, ожидая улова и ухахатываясь с рыбаков. А вечером перебирались в наш палаточный лагерь, к мусорному контейнеру. Однако сейчас этих попрошаек сорвало с мест. За ними, как по команде, ринулись голуби и вороны.

Лебедь-подранок, оставленный зимовавшей стаей и весной прибившийся к рыбколхозу, заметался по берегу, взмахивая искалеченным крылом.

Чайка, не вписавшись в поворот, поцеловалась с лобовым стеклом экспедиционного микроавтобуса. Понаблюдав, как птица набирает высоту, я заглянула под соседний навес.

— Там у пернатых аврал, — сказала я коллегам. — Никому не интересно?

Юра вопрос не расслышал. У них с Машкой это семейное. Всё ещё бледный после вчерашнего отравления, он вдумчиво перебирал мидии. Птичьи закидоны были ему до лампочки.

Оба реставратора, Димыч-большой и Димыч-мелкий, играли в «Остров сокровищ». Отвоёванные у моря артефакты обещали месяцы кропотливой работы, и ребята отрывались напоследок. Вчера я легла спать за полночь — они ещё играли. Сегодня в пять утра я застала их за тем же занятием. Спрашивать, как прошла ночь, не имело смысла.

Тем временем чёрно-белая пелена закрыла солнце. Птичье сумасшествие начало пугать.

Я окликнула Светлану, пресс-секретаря нашего Центра подводных исследований. Вдруг мой голос привлечёт внимание на фоне мужского ворчания?

— Осень близко, — буркнула Светка.

С ног до головы покрытая солнцезащитным кремом, она, не отрывая взгляда от планшета, вслепую склеивала конверты

для найденных боспорских монет. На экране из развороченной могилы лезли мертвецы. Вместо того чтобы удирать, будущая жертва самозабвенно визжала.

Я кивнула. Да, не придерёшься. Осень не за горами.

— Причём здесь осень?

— Тёплые края манят, — отозвалась она.

— Чаек?!?

Визг сменился чавканьем. Поглощённая ужасиком Светка выдавила:

— З-з-зомби...

— ??!

Она попыталась сбросить конвертик в общую кучу, но он приклеился к пальцам.

— Блин, Ксанчик, ну чего пристала! Обычно на юге inferнальная активность сильнее. Тут и влажность, и всякие микроорганизмы, и длительная вегетация...

Я почесала в затылке глиняным черепком. Птицы в моей голове никак не стыковались с длительной вегетацией. Возможно, мешали трапезничающие зомби.

— Свет, а чайки могут представлять inferнальные силы?

— Все могут. Даже ты. Вот дай мне изоплеты поведения птичек в зависимости от их размеров и прожорливости...

— Как только, так сразу! — пообещала я.

Увернувшись от мидии, брошенной Юркой через плечо, я выглянула из-под навеса... и обомлела.

По инерции захотелось объяснить поведение птиц какой-нибудь банальщиной, вроде акустических волн, вызванных ядерным взрывом или цунами... Даже цунами в Чёрном море было реальнее того, что я увидела.

По небу вальяжно летел — или плыл? — косяк рыб, возглавляемый дельфином.

Я крепко-крепко зажмурилась. Потом осторожно приоткрыла один глаз.

Всё верно. Именно косяк. Именно дельфином.

Следом перелётными птицами тянулись катраны, скаты и морские коты. Никакой субординации — крупные рыбины перемежались мелкими, одни виды — другими. С краю этого не-

возможного парада-алле блестящие стайки хамсы, сине-зелёных шпрот и серебрястой тюльки.

Глотая воздух, как вытянутая из воды рыба, я шла по обжигающему песку.

Птицы ополоумели. Пикируя, они склевывали мелюзгу и шарахались от крупных особей. На моих глазах катран перекусил обнаглевшую чайку, вызвав негодование пернатой армии.

Таращиться на это можно было бесконечно. Но последней каплей стала камбала. Вихляясь, она проплыла в свите пятнистых скумбрий, скользнув по мне перекошенными глазами.

На ум пришло новое объяснение — галлюцинация. С разгону меня даже не смутило, что птицы от моих видений слетели с катушек. Ну а чё такого? Есть ещё порох в пороховницах...

Русалка, как ни в чём не бывало, загорала на валуне. Слово вокруг не творилось никакого непотребства.

— Маш, а Маш... — Голос подвёл, и я закашлялась.

Девочка посмотрела на меня сквозь дыру в раковине.

— Маш, ты тут... ничего странного не видела?

— Тут? Странного?

— Особенно странного, — с нажимом уточнила я.

Машка задумалась, глядя на небо и почёсывая ракушкой обгоревший нос. Роняя солёные капли, рыбы делали над нами круг почёта и устремлялись к горизонту. Стайки теней спешили за ними, не разбирая дороги.

— Неа! — наконец сказала она.

— А ты не хочешь...

— Не хочу!

— Но ты же не знаешь, что я спрошу!

— Знаю я всё! — фыркнула Машка. — А мидии чистить не пойду. Потому что не хочу. Я на тебя обиделась. И на Юрку обиделась. Я на вас на всех обиделась!

Показывая тонкую душевную организацию, обиженная Машка вновь распласталась на камне. Похоже, морской хоровод её ничуть не беспокоил. Её, которая из ловли краба разыгрывала целое представление!

Разве может беспокоить то, чего нет?

Я потёрла лоб. К брату-археологу — а временами даже к сестре! — переутомление подкрадывается незаметно. Кто-то засы-

пает на конференции под монотонный доклад. Кто-то твердит, что гидрокостюм сам переползает из палатки в палатку. Кто-то клянётся, что за отчётом о его экспедиции гоняются иностранные спецслужбы... А я всех обошла в четвертьфинале. У меня наплыв глюков. Да каких!

В том, что это так — или нет — убедиться несложно. Для чистоты эксперимента надо попросить двух-трёх человек посмотреть на небо. Только потактичнее, а не то коллеги решат, что я схлопотала солнечный удар. В лучшем случае...

И я пошла в народ по второму кругу.

— Юр! — позвала я. — Юрка, там... там рыба!

Ругнувшись, он забраковал ещё одного моллюска.

— Ты уверена?

— На все сто! — по инерции ответила я, но спохватилась. — Ни в чём я не уверена... Но выглядит совсем как настоящая. Да ты сам посмотри!

— Моментик! — Он умоляюще поднял руку. — Походу, тут ещё тухлятина...

Обнадёженная, я взялась за игроманов. Достучаться до парней можно было одним-единственным способом. Взяв свободный шлем, я подключилась к игре.

— Ксень, а не отплыла бы ты в сторонку? — тут же завёлся Димыч-большой. — Ты по курсу моих орудий! Тысяча чертей и хромой чертёнок! Я из-за тебя водолаза прозевал!

Я «отплыла», не собираясь, однако, сдавать позиции.

— Димуль, всех водолазов не перетопишь...

— Я их не топлю, — пояснил он. — На конкурентов я выпускаю осьминогов.

— А я его дайверам баллоны взрываю, — информировал Димыч-мелкий. — Ни один гад сокровищ не получит!

Меня заинтересовали способы уничтожения себе подобных.

— А не проще ли взрывать самих дайверов?

— Не, пусть всплывают. Там у меня, — он заговорщицки понизил голос, — акулы...

Акулы вернули меня к исходной тематике. Я сняла шлем. Вдруг все галлюцинации растаяли, как тени в полдень?

Аж два раза! Ветерок надо мной игриво колыхал стайку медуз. Машка, устав загорать, на пару с лебедем бродила по

мелководью, собирая в панамку то ли ракушки, то ли камешки. Пенистые языки волн облизывали забытый аксессуар Посейдона.

— Димки, над нами рыба! — не на шутку перепугалась я. — Пропасть, сколько рыбы!

Димыч-большой даже не вздрогнул.

— Спокуха! — сказал он. — Я видел.

— Да ну?

— Ага. Меры приняты! Я все иллюминаторы забаррикадировал...

— То-то в трюм не пролезть! — взвыл его противник. — На, получи! Не нравится! Ха-ха! А так?

Его руки мелькали в воздухе, активируя невидимое оружие.

Я отошла на цыпочках. В небе птичками порхают рыбы, а этим помешанным хоть бы хны! Хотя... может, коллеги, подобно Машке, не обращают внимания на то, чего нет?

Следующим под руку мне подвернулся капитан судна. Вкусая чай с пряниками, он прикидывал, в какую копейчку влетит модернизация нашей посуды.

— Пал Палыч, у меня проблема! — рванулась я на всех парусах.

— Слушаю, деточка.

— Дано: тонна бесхозной рыбы...

— Свежей? — спросил он, тыча пальцем в калькулятор.

— Нет, свежемороженой! — процедила я.

— Есть у меня кореш в Керченской полиции, — известил Пал Палыч. — Если надо, я вас сведу. После его консультаций любая проблема, в принципе, перестает быть принципиальной...

Реальность, расправив плавники, уходила от меня всё дальше.

— А чем тут поможет полиция?

Пал Палыч так изумился, что написал «Исправленному верить» на буклете с техническими характеристиками подъёмного крана.

— Деточка, я думал, это и есть ваша проблема! — буркнул он, не достаивая меня взглядом.

— Какая?

— Пропажа рефрижератора.

— Какого, на хрен, рефрижератора?!

— С тоннами мороженой рыбы, конечно. Это не совсем по части кореша, он из убойного. Но если что, он перенаправит, куда надо...

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, деточка! — Капитан взял очередной пряник. — Обращайтесь, если что. Вместе мы любые проблемы расщёлкаем.

Тысяча чертей и хромой чертёнок! И это передо мной — подводные археологи! Люди, готовые погрузиться в Марианскую впадину, если их поманит Её Величество Загадка! В кошмарнейшем сне — в нём и только в нём! — могло привидеться, что коллеги не захотят меня слушать. Ладно, пусть не слушают... Но от дел отвлечься можно?

Я бросилась из палатки, как на штурм вражеского ДОТа. Ничего не изменилось. Смотр ихтиофауны Чёрного моря продолжался. Сонмище рыб... нет, разномастной нечисти, справляло шабаш.

Хорошо, пойду другим путём.

Достав из поясной сумки телефон, я включила камеру...

«Батарейка разряжена. Видеокамера в режиме ожидания», — пожаловалась верная «Нокия». И отключилась.

Злая, как чёрт, я повернулась к коллегам. Подпрыгнула на месте, и, хлопая в ладоши, закричала под этот аккомпанемент:

— Э-ге-гей! Сенсация! Все из палаток! Это пот-ря-са-ю-ще-е зрелище! Вы будете гордиться, что стали очевидцами! Вы расскажете о нём своим потом-кхам-кхам...

Закашлявшись, я умолкла. Несolidно на четвёртом десятке скакать и драть глотку, но... что толку? Сопение Юрки, скрежет зубов Димыча-большого и шелест бумаги в руках Светы и Пал Палыча только подчеркивали глупость моей выходки.

— Ксанчик, у тебя всё в порядке? — спросила Светка. — Ты ходишь, как сомнамбула.

— Не думала, что это заметно, — отозвалась я.

— Да я бы не заметила, но ты наступила мне на ногу.

— Позор на мои седины! — буркнула я.

— Эти птички так на тебя повлияли, — утешила она.

— Птички? Какие птички?

— Чайки, вроде... — Светка наморщила лоб, не отрывая взгляда от планшета. — Или скворцы... Кого там понесло в тёплые края?

— А! — Я поняла, о чём речь. — Да, конечно.

— Ксю, ты права! — провозгласил Юра. — Это рыба!

В моём сердце затеплилась надежда. Вдруг не все у нас глухи и слепы? Обойдя вытянутые ноги Светланы, я, как акула на дайвера, набросилась на Юрку.

— Точняк! — ликовал он. — Это паскудный бычок!

Я привычно метнулась взглядом к небу. Редкие облака сшивали рыбы-иглы.

— Взял и сдох в мидиях! — разорвался Юрка. — Потому и воняло. Теперь можно куховарить... У кого какие пожелания?

— Чтоб ты подавился!

Зажигая фитили пушек, готовясь брать встречные корабли на абордаж и не шадить пленных, я выскочила из-под тента. Встретится же мне хоть кто-нибудь?

Палатки волонтеров пустовали. Я вспомнила, что несколько ребят пошли сметать полки ближайшего — километрах в трёх от лагеря — магазинчика. Может, они увидят зарыбленные небеса?

Дальше на моём пути встал отведённый под столовую навес.

Археологи и волонтеры, не занятые погружением или обработкой находок, сгрудились у ноутбука. На экране булькал воздух, и фонарь обшаривал мутную взвесь. Я остановилась, решив, что заснята сенсационная находка.

Секунды превращались в минуты, вода булькала, муть клубилась, метался луч фонаря. Заскучав, я толкнула локтем волонтера Кольку, заедавшего бутербродом однообразие сюжета.

— Ты не в курсе, что это за ерунда?

Парень смущенно чавкнул.

— Да это мы «Ил-2» весной поднимали... Я запись привез... Это вот кабина, смотри, остекление целёхонькое...

— Ух ты! Круто! — перебила я. — Слушай... Там полным-полно рыбы... и мне хотелось бы...

— Где? В воде?

— Нет, в воздухе! — призналась я. — Летит себе, понимаете...

— Ксюш, мы тут делом заняты! — проворчал кто-то из парней. — Не морочь голову, ага?

— А камбала есть? — шепотом уточнил Колька.

— Всё есть! — Я тоже понизила голос. — Даже катраны!

— Странно, не сезон ведь... Небось, протухла?

— Она живая! — оскорбилась я за рыбу. — Я хочу...

— Ещё бы ты не хотела! Месяц у моря жить, а рыбу в магазине брать или у рыбаков клянуть! Наличка у тебя есть?

— Нет... — опешила я. — Какая, к водяному, наличка? Мне надо, чтобы вы...

— Совсем торгаши обнаглели! — восхитился Колька. — В лагерь припёрлись! Вот, держи, возьми на всех. Только смотри, чтобы свежая! Хватит нам Юрки...

Ошарашенная, я зажала деньги в кулаке. Николай всё блуждал в мутных глубинах, зрители обсуждали сохранность фюзеляжа и качество записи. Меня пробило на «хи-хи».

Вот последователи Кусто, прошу любить и жаловать! Они фотографируют подводный мир Шарм-эль-Шейха и Шпицбергена, исследуют затопленные города и античные суда, поднимают затонувшие самолёты... Кто я такая, чтобы терзать их дурацкой летающей рыбой?

Может, заглянуть к начальнику экспедиции? Ему страждущих по должности выслушивать полагается...

Пока я раздумывала, дать ли человечеству ещё один шанс, мимо рыжей кометой пролетел шпик. Из пасти паршивца что-то торчало. Следом выскочил начальник, раскрасневшийся и взъерошенный.

— Держите! Держите Ричи! У него мой заграничник!

Это стало последней каплей.

Хохоча, я вышла под солнце. И от невероятного облегчения еле устояла на ногах.

Небо сияло голубизной. Над испещрённым влагой песком, перекрикиваясь, металась чайка. Они знали наверняка, видела ли я то, что видела.

Не успела я отдаться амазономахии, как влетел запыхавшийся волонтёр.

— Эй, вы! Новости откройте! Любую местную ленту! Там тако-о-ое!!!

— Интересно, интересно... — Юра отложил недочищенную картофелину. — Что там?

— Не поверишь... Сенсация!

Закатив глаза, волонтер умчался.

Решение гастрономических проблем благотворно сказало на Юрке. Обретя интерес к жизни, он включил ноутбук. Едва загрузился новостной портал, облегченно вздохнула Света. Она, наконец, досмотрела свой ужастик. В гору склеенных ею конвертов можно было упрятать всю продукцию Монетного двора Гознака.

Оба Димыча, разом сняв шлемы, пожали друг другу руки. Не спрашивая, кому подфартило на этот раз, я скептически покосилась на экран. Сенсации не очень жалуют провинцию, но...

После смены кадров мне захотелось ополовинить спирт, которым Пал Палыч протирал судовую оптику. Из глоток Димычей вырвался единый стон.

Ну да, и я была на грани истерики... когда полчаса назад поймала взгляд замшелой камбалы.

— ...словно каприз Посейдона поменял местами две стихии! — квохтал репортёр. — Невероятным парадом прошли гидробонты над Керченским проливом...

Подталкивая друг друга, коллеги разглядывали мелькающую в кадре живность. Меня заинтересовало — если неведомая сила извлекла обитателей моря из родной стихии, почему в авангарде не дефилировали водолазы и дайвера? Вот была бы потеха!

— Монтаж? — почесал затылок Пал Палыч. — Но уж больно профессионально... Да и не первое апреля, чтобы шутки шутить.

— Чего не придумают ради рейтинга! — буркнул Димыч-большой. — Небось с фильмов кадров надёргали...

— Например? — Света-киноманка выгнула бровь. — Я вот смотрю побольше тебя, а таких киношек не припомню!

Димыч-большой, бескомпромиссный в виртуальных играх, в жизни не любил споры.

— Ну, или из игрушки какой...

— Да из какой игрушки? Смотри, там, левее! Видишь, парашютиста на катер спускают? Чтобы в рыбок не врезался!

— И ничего не из игрушки!

Мы не заметили, как подкралась Машка. Руки она прятала за спиной.

— Ничего вы не понимаете! Это... это всё взаправду было!

— Маш, тебе сколько говорили — не мешай взрослым? — нахмурился брат. — Говорили? И точка. О, глянь, глянь, дельфин по встрече!

— На обгон идёт! — заржал Димыч-мелкий.

Губы Машки задрожали.

— Погодите, ребята! — Светка наморщила лоб. — Ксанчик, как ты можешь пялиться на черепки! Посмотри сюда! Ты такого никогда не видела! Там же рыба!!!

Её интонация показалась мне знакомой. До дрожи.

— Конечно, — согласилась я. — Там — рыба. А здесь — подводные археологи. Я это постоянно повторяю, чтобы не забыть.

Юра перевёл на меня задумчивый взгляд.

— Точняк! Ты ведь о рыбе талдычила... Да?

— Нет! — Я стала воплощением любезности. — Если кто и зациклился на рыбе, то ты. Кто из-за бычков света белого не видел?

— Но деточка, я ведь не глухой! — вмешался Пал Палыч. — Вы точно говорили о мороженой треске. Или скумбрии, врать не буду.

Едва не своротив каркас тента, влетел Николай.

— Ксюш! Так ты об этом говорила, да?

— Ну, допустим... — осторожно созналась я.

Запрятать бы мне осторожность куда подальше! Коллеги набросились на меня, как стервятники на падаль. Взрыв эмоций едва не разорвал барабанные перепонки. Какофонию прорезал альт Светы:

— В кои-то веки здесь что-то стряслось, и ты нас не позвала?!?

Во мне вскипело раздражение.

— Да вы разве меня слушали? — Я саданула кулаком по ящичку с черепками. — Хоть кто-нибудь? Все отмахнулись от меня, как от надоедливой барракуды. — Я хотела сказать «мухи», но, что вылетело, то вылетело. — Димкам я, видите ли, стрелять

мешала. Юрка на бычках помешался... О тебе вообще молчу, — махнула я в сторону Светы, — ты скоро зомби станешь после своих ужастиков...

— Мне комплименты будут? — спросил Пал Пальч.

— Комплименты вышли. Остались благодарности.

— За что?

— За совет заявить в полицию о пропавшем рефрижераторе...

— Каким рефрижераторе, деточка? — Глаза капитана полезли на лоб.

— Мне-то откуда знать?!?

Отвернувшись, я увидела, как в полосе приборя начальник вырывает паспорт из пасти шпица.

Юрка тихо, но настойчиво кашлянул.

— Ксю! Ты хоть заснять успела? Нет?.. А фотки?.. Ни одной? Ксю, ты ду... Ты думай, что делаешь! Как теперь узнать, почему...

— Я! Я знаю! — подпрыгнула Машка. — А вы... Вы меня тоже слушать не хотите!

Подтверждая свои слова, она топнула ногой. Вернее, хотела топнуть, но только шлёпнула по брезенту ластой.

Юрка потрепал сестрёнку по голове.

— Мы всегда тебя слушаем. Но сейчас тут серьёзный разговор...

— Погоди-погоди, пусть скажет!

Светлана опустила перед Машкой на колени.

— Ты говоришь, что-то знаешь про эту рыбку?

Девочка глянула на неё, как на безнадёжную идиотку.

— Я про неё всё знаю! Она из-за меня и при... прилетела...

— Чё это — из-за тебя? — встрял братец. — Может, её ветром нагнало?

— Потому что я бусики хотела! Вот и дунула... Сюда... — Машка вытащила из-за спины многострадальную раковину и протянула Светке. — И пожелала...

— Чего ты пожелала, дурёха? — устало спросил Юрка.

Светлана повертела раковину в руках, щёлкнула ногтём по конусу, едва заметно пожала плечами и вернула девочке.

— Чтобы... чтобы мне жем... жем... жемчужинки-и-и...

Всхлипнув, Машка разжала кулачок. Мы рванулись вперёд, сшиблись лбами. На детской ладошке тускло блестела горсть мелкого, серовато-зелёного черноморского жемчуга.

— Откуда это у тебя? — нахмурился брат.

— Оттуда! — Сестрёнка мелодраматично всплеснула руками.

— Я говорю-говорю, а ты не слушаешь! Ну вот никто не слушает!

Света погладила девочку по голове, исподтишка грозя Юрке кулаком.

— Я слушаю, мне расскажи! Ну, пожелала ты и...

— И рыба ка-а-ак налетит! И каж... каждая мне жем... жемчужинку... И я... я их стала собирать и ракушку раз... раз... разбила-а-а...

От осознания потери по щекам Машки заструились слёзы. Подняв раковину, она дунула в неё что есть силы.

В свежих трещинах засипел воздух... для всех, кроме меня и Машки.

Я видела по её глазам — она тоже услышала песню моря. Колыбельную, которая баюкала корабли... и грохот шторма, который разбивал о скалы тех, кто бросал ему вызов.

Зажмурившись, девочка дунула вновь... но слишком стиснула хрупкие стенки. Прежде чем рог Посейдона развалился в её руке, на брезент откуда-то упал мелкий краб. Выронив из клешни серую жемчужину, он бочком поспешил к воде.

Андрей БОЧАРОВ

г. Москва.

Елена ЩЕТИНИНА

г. Омск.

ЭНГРАММА ЛЮБВИ

Глория Свенсон в роли Нормы Десмонд застыла, протянув руки к невидимым зрителям по ту сторону экрана. Поставленное на паузу изображение чуть подрагивает — планшет старенький, а тут ещё помехи от высоковольтного оборудования.

Пятый раз... да, пятый раз за последнюю неделю смотрю «Бульвар Сансет». Ничего символичного, просто руки никак не доходят закачать что-то ещё. Запомнил каждую фразу и каждое движение — у меня хорошая память. Сейчас Норма сделает несколько шагов, изображение поплывёт — и пойдут финальные титры. Я не досматриваю до этого момента. Не хочу. Не хочу видеть титры. Пустоту, которая заканчивает историю. Заканчивает все истории в этом мире...

Так, что за чушь лезет мне в голову?

Ладно, планшет в сторону, на край стола — пора и делом заняться.

Полная тишина, в полутьме разноцветными светлячками перемигиваются огоньки на процессорном блоке. Огромный экран на полстены. Под руками — навороченный режиссёрский пульт: шаттл, джог... потихоньку осваиваю управление. В молодости баловался любительским видеомонтажом — а память у меня хорошая, уже говорил. Но с таким профессиональным оборудованием сталкиваюсь впервые. Лезть в инструкцию для пользователя — как раз на неё и бросил планшет — характер не позволяет. Уж как-нибудь сам разберусь...

На экране мельтешат расплывчатые, блёклые картинки — посторонний человек вряд ли что-то поймёт. А в памяти, словно перед глазами, в который раз прокручивается другой видеоряд — яркий, чёткий, почти осязаемый...

Осенний пустынный пляж; с детства знакомый запах моря; солоноватый привкус на губах; волна, набегающая на берег, лениво лижет полузатопленные коряги...

Мы идём по влажному песку, взявшись за руки. Болтаем о чём-то, о всяких пустяках... ну или не о пустяках. Но какая разница? Послали лесом сегодняшние мероприятия, забили на всю идущие семинары, положили болт на мастер-классы — о, как бы там ужаснулись этому лексикону! — и, наверное, все удивляются, куда это мы подевались... неважно, нам это совершенно неважно. У нас было полдня вчера, полдня будет завтра — и, огромный как мир, целый день сегодня.

Чуть припекает солнце, лёгкий тёплый ветер ласкает лицо — такая погода частенько бывает в Крыму в это время года. Позавчера мой поезд провожали московские хлябь, сырость и промозглость — возможно, до сих пор поджидают, затаившись на Курском вокзале...

Цепочка следов тянется за нами еле заметной строчкой. Дальше, дальше, дальше... исчезая где-то там, далеко, у лестницы, что ведёт наверх, к пансионату «Аю-Даг».

Маленькая тёплая ладошка в моей руке... осторожно сжимаю твои тонкие пальцы, а ты смотришь на меня огромными карими глазами, в которых сейчас отражается весь мир. Хотя... ты сейчас и есть весь мой мир. И никакого другого мира мне не надо — и ныне и присно и во веки веков.

На больших часах у входа в столовую было 9:15, когда ты, перепрыгивая через две ступеньки, сбегала вниз — а я как раз вошёл с улицы в вестибюль. Прямо с пляжа, с влажными волосами. На табличке у кабинок для переодевания были свежие данные: температура воздуха — плюс пятнадцать, воды — плюс шестнадцать. Мог бы ещё поплавать — но не хотел опоздать к тебе.

Сразу после завтрака вышли на улицу и решили — до ужина в пансионат ни ногой. Если проголодаемся — перехватим что-нибудь по дороге, какие проблемы... Разве могут быть проблемы, когда мы — вместе?

Забавно, я в футболке и джинсах, а ты — в пальтишке и шапочке. Подшучиваю над этим — а ты непонимающе хлопаешь ресницами. Конечно, ты ведь растение южное, теплолюбивое. Для тебя — уже поздняя осень, а для меня — почти лето.

Расспрашиваешь меня о погоде в Москве, ты никогда не была в столице. Рассказываю о лете, когда горели торфяники, и дым полз по улицам удушливым туманом; потом о прошлогодней зиме, когда прошёл ледяной дождь, и город превратился в парк ледяных скульптур... Ты смеёшься — понимаешь, что приукрашиваю, присочиняю; что прямо сейчас, сию минуту, творю для тебя сказочные истории. Сам тоже смеюсь и фантазирую всё больше и больше. Ты подхватываешь ниточки моих идей, додумываешь их — и рассказываешь уже свою историю. Переплетаем байки с реальностью, продолжаем друг за другом фразы — полное понимание с полуслова... или мне это только кажется?

И впереди у нас ещё целое-прецелое сегодня...

Мы познакомились меньше года назад. Новогодний конкурс короткого фантастического рассказа на сайте «Литпозитив». А тема, как сейчас помню, — «Я тебя Лю...». Интересно получается: «ах, батюшки, сон в руку». Сегодня уже шутили на эту тему...

Сначала просто дружеская переписка. По письмишку туда-сюда через день-другой. Обычный сетевой трёп: где новый конкурс объявили; в какой сборник рассказ наудачу можно кинуть; вот у тебя в Судаче — солнечная погода, а в Подмосковье, в старом доме на краю леса, — опять за окнами дождь...

Изредка слегка фривольные нотки. Но так ты — не замужем, я — давно в разводе. Двусмысленные намёки, лёгкие подколки. Предложение пересечься летом на фестивале фантастики в Крыму. Тебе — совсем рядом, ну и мне не так далече. На том и порешили.

Учу тебя пускать плоскими камушками «блинчики» по воде. Забавно, если вдуматься. Москвич учит крымчанку пускать «блинчики». В детстве у меня получалось лучше — тренировался в пионерском лагере каждое лето — но и сейчас камушек иной раз долго-долго скачет по воде. Надо же, руки тоже

что-то помнят. Ты смеёшься, когда у меня получается хорошо; смеёшься, когда у меня получается плохо. Пробеешь кинуть камушек сама, он сразу ныряет в море... и ты опять смеёшься. Музыка этого дня — твой смех.

У меня с собой — маленький цифровой фотик, уютно лежащий в ладони. Снимаю тебя через каждые десять минут, иногда исподтишка. Один-два кадра. Старая привычка, оставшаяся ещё со времён плёночных фотоаппаратов, — экономить на кадрах. Экономить на воспоминаниях.

Поднимаемся от моря по дороге к посёлку, заходим в кафешку. На стенах потемневшие картины — то ли пейзажи, то ли натюрморты, не разобрать. Заказываю себе лишь кружку пива, и сам удивляюсь — уже обед, обычно я в это время ненасытно прожорлив. А перед тобой — здоровенный бифштекс с картошкой. Смотрю, как уплетаешь за обе щёки... и понимаю — совершенно не хочу есть. Только смотреть на тебя... Говорю об этом вслух — и ты снова смеёшься.

Вчера полдня просидел в холле пансионата — ждал тебя. Ты должна была приехать утром, а в результате — лишь в три часа дня. Странно, но сразу почувствовал сердцем, когда ты только вышла из автобуса у входа. Отождествил тебя моментально, хотя не видел ни одного фото — лишь забавную аватарку на форуме. Ты оказалась жгучей брюнеткой, что-то восточное скользит в чертах лица, в изящной худенькой фигурке. И ты тоже безошибочно взглядом выделила меня в толпе, заполнившей холл, сделала шаг навстречу, улыбнулась. И я словно погрузился в твою улыбку, как в море... растворился в ней... стал её частичкой.

Идём к рынку, там есть фирменный массандровский магазинчик. Надо купить нам хорошего вина на вечер. Ну и мне с собой, в Москву. У нас даже в большом супермаркете выбор крымских вин невелик. А тут — глаза разбегаются, больше половины названий мне не знакомы.

— Что возьмём? — спрашиваю у тебя. В магазине не работает кондиционер, продавец обмахивается газетой, рассеянно поглядывая на нас из-под очков в старинной роговой оправе.

— Бери «Мускатель чёрный», не ошибёшься, — ты небрежно поводишь рукой.

Продавец одобрительно кивает.

Ну да, ты — крымчанка, тебе видней. Беру литр в розлив, и две бутылки — домой, в Москву. Впервые в жизни эти слова звучат у меня в голове лёгким диссонансом. Дом — там, ты — здесь. Но ведь вы должны быть в одном месте?!

Долго поднимаемся в горку по ниткам тропинок — как не посетить местную достопримечательность, реликтовую оливковую рощу? Правда, весьма смутно понимаю, зачем та нам вообще сдалась — ведь и так хорошо? По дороге ты увлечённо, с горящими глазами, вываливаешь на меня кучу информации по психологии и психоаналитике. Тебе это безумно интересно, даже второе образование получила по этому профилю — вот и дождалась собеседника. Взхлёб рассказываешь, что недавно прочла статью про механизмы памяти — где и как мы храним воспоминания. Один учёный, ты даже его фамилию запомнила — а я мимо ушей пропустил, — высказал неожиданную гипотезу: воспоминания хранятся вовсе не в мозге, а вообще в ином пространственном измерении. И мозг — всего лишь некий транслятор, осуществляющий связь с этим, неведомым нам пространством. «Что за псевдонаучная ересь...» — думаю про себя, но киваю головой — мол, продолжай, продолжай, мне очень интересно. В конце концов, какая разница — что ты говоришь, главное — тебя можно в любой момент обнять за талию, притянуть к себе и поцеловать. И фиг с ней, с чушью антинаучной, если это лишний повод поцеловать тебя. Да и с рощей тоже — фиг. И с воспоминаниями-мозгом-пространством — аналогично.

Спускаемся по тропиночке к морю. Стоим на берегу, смотрим на волны. Молчим.

Ключевой момент — разговор, который мы оттягивали. Оба.

У нас вчера было полдня, полдня — будет завтра. Вчера — было рано. На завтра — нельзя откладывать. Нужно об этом говорить именно сейчас.

— Смотри, что думаю... — начинаю очень медленно, вдруг примешь всё за шутку. — Этот разговор нам нельзя откладывать

на потом. Или сейчас что-то решим. Или не решим никогда, согласна?

Ты молчишь, потом наклоняешься, срываешь травинку, начинаешь крутить её в руке.

— Да, нужно сейчас решать, — ты даже не спросила, что имею в виду, о чём будет разговор. Опять понимаешь меня с полуслова — как весь сегодняшний день. Как, верю в это, будешь понимать всегда.

— Ясно, что не я к тебе в Крым, а ты ко мне в Москву. Вот так сложилась игра, — делаю паузу и смотрю на тебя. Ты внимательно слушаешь и киваешь.

— И квартира у меня большая, и работу по душе в Москве тебе будет несложно найти.

— Да, ты прав, — снова киваешь. Ты говоришь очень скупно, без особых эмоций — но я понимаю, сейчас они не нужны, сейчас всё слишком серьёзно.

— Тогда ты приезжаешь на новогодние каникулы, своими глазами на всё посмотришь, и примешь окончательное решение. Если всё устроит — подаём заявление в ЗАГС. В нашей ситуации надо сразу отношения оформлять официально, пусть и не очень романтично всё это звучит. А если не устроит... ну что ж, значит, так тому и быть...

Ты задумываешься буквально на секунду, смотришь на меня своими большими глазищами, очень внимательно и серьёзно — и вдруг улыбаешься:

— Да, так и решим...

У нас ещё впереди половина завтрашнего дня. Мы будем сидеть рядом в автобусе, а потом в привокзальной кафешке в Симферополе. Такой же тёплый, почти летний день, как сегодня; а до отправления московского поезда — ещё целый час. Твоя рука — в моей. И в этот миг лучше не думать — что будет через час. Не думать, что это может быть финальная сцена в нашем фильме, а дальше пойдут только титры...

Но это будет завтра. А сейчас мы живём в целом-прецелом сегодня...

Возвращаемся в пансионат к ужину. Потом снова идём гулять по набережной. А потом... У меня отдельный номер. И нельзя терять целую ночь, когда впереди всего полдня.

Через два дня после возвращения в Москву получил от тебя письмо. Открываю, читаю...

И не понимаю, что случилось с той, с кем я был в то прекрасное «целое-прецелое сегодня».

Ты пишешь, что мы очень мило провели время, и ты это будешь помнить всегда. Но в Москву на Новый год ты решила не приезжать. Почему? Не видишь смысла в развитии наших отношений. Слишком далеко, слишком многое нужно менять кардинально. И нынешняя работа тебя вполне устраивает. Но мы с тобой навсегда останемся лучшими друзьями, правда ведь?

Не помню, что написал в ответ. Что-то очень резкое... Возможно, слишком резкое. Но когда вам по сердцу с нажимом проведут ржавым зазубренным ножом — вряд ли будете слишком деликатно подбирать слова.

Финальные титры нашего фильма пошли слишком неожиданно для меня ...

После этого письма я как-то продержался пару месяцев, а затем покатился под горку, стремительно набирая скорость. Закончилось всё тем, что не рассчитал с таблетками — промахнулся с дозой. Наверное, это простительно для первой попытки. Вовремя успел осознать, что вторую делать не стоит. Поэтому я сейчас здесь — в Центре нейрокомпьютерной хирургии.

Каждое воспоминание оставляет в мозге вполне осязаемый след — энграмму. И его можно удалить раз и навсегда, если идентифицировать и стереть эту энграмму. Так объяснял лечащий врач. Мне нужно поставить две реперных метки на полной мнемограмме моей памяти — начало и конец удаляемого фрагмента. Зафиксировать именно этот день. Ну и два дня до того, два дня — после. Включая твоё письмо...

Сию перед большим экраном, на который проецируются смутные образы из моей памяти. Посторонний человек ничего не поймёт, но я-то — не посторонний. И область памяти, в ко-

торой хранятся воспоминания о том самом дне, мне удалось однозначно отождествить. Твои письма и фотографии давно стёр со всех электронных носителей. Теперь осталось всего ничего — удалить воспоминания о тебе из моей памяти.

— Вы уверены, что хотите стереть воспоминания именно об этом дне? — спрашивает врач, рассеянно перелистывая какие-то бумаги.

— Да, и ещё два дня до того, и два дня после. Я зафиксировал этот отрезок на мнемограмме. Посмотрите.

— Тогда процедуру стирания планируем на завтра. На какое время дня вам удобнее?

— А нельзя — на сегодня?

Врач пожимает плечами — подготовка к процедуре дело не-долгое, можно и сегодня. Какие проблемы?!

Сажу в кресле, напоминающем зубо-врачебное, к голове приставлена сложная конструкция из нескольких десятков электромагнитных излучателей. Приложена не очень удобно, давит в висках и отчего-то чешется затылок.

— Импульс от одного излучателя при прохождении через мозг не приводит к каким-то нежелательным последствиям. И только в точке, где все лучи пересекаются... — бубнил мне вчера мнемотехник. Слушал его вполуха — ведь в своё время сам и рассчитывал геометрию излучателей для этой установки. Именно поэтому, благодаря знакомствам, удалось попасть сюда неофициально — без очереди и массы формальностей. Иначе пришлось бы проходить все инстанции — собирать бесконечные заключения и разрешения. Год, не меньше, на это ушло бы. И то в лучшем случае.

Вот и знакомое гудение высоковольтных генераторов. В руке пульт дистанционного управления с одной — большой и красной — кнопкой. Таково правило: сам выносишь своей памяти приговор, сам приводишь его в исполнение. Кстати, по статистике половина из тех, кто сидел в этом кресле до меня, нажимают кнопку, а вот другая половина — нет. Глупая, слабая, сентиментальная половина. Стоит ли хранить воспоминания, если они причиняют постоянную мучительную боль?

Передо мной загорается табло: «Полная готовность системы». И сейчас нужно лишь нажать на кнопку...

Просто нажать.
Как всё просто...

На столе в аппаратной валяется забытый планшет.
Внезапно он сам снимается с паузы и продолжает воспроизведение фильма.

Норма Десмонд уходит в экран и в безумие.

Начинаются титры.

Титры.

Титры.

Помехи.

Снова помехи.

Титры обрываются.

Норма Десмонд возвращается назад.

И смеётся.

После титров всегда что-то есть.

Всегда.

Нужно просто их переждать.

Евгений ПОЛЯКОВ

г. Москва.

НА ЗЛАТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ

На бетонных ступеньках кафе «Глициния» во втором часу ночи двадцать пятого июня сидели двое. Первый — Игорь Космо-Кармический, по паспорту Игорь Сергеевич Пашутин, по месту работы — системный администратор сети аптек «Не хвойрай», а по собственным ощущениям — не до конца ещё признанный мировым сообществом писатель-фантаст в жанре хоррор-фэнтези. Вторая была Светлана Пашутина, всего лишь его законная супруга.

Сидели они потому, что Игорю надо было привести в порядок мысли относительно своего нового романа, который в самое ближайшее время после написания должен стать несомненным бестселлером. Света же собиралась с силами, ведь именно ей предстояло тащить в номер туристско-оздоровительного комплекса «Маяк» тело мужа, мало реагирующее на внешние раздражители. А тащить надо было сначала в гору, а потом уже в самом «Маяке» по довольно крутой лестнице на четвёртый этаж (лифт в комплексе отсутствовал как класс). И помощи ждать было неоткуда, включая Игоря. Дело в том, что банкет по поводу завершения конвента любителей фантастики «Фанданго» закончился уже час как назад, и все более-менее могущие передвигаться участники форума дошли, добрали или доползли до своих или не своих номеров. И только Игорь со Светой оставались несжатой человеческой полоской на ступеньках феодосийского кафе.

Для Игоря высокое собрание «братьев по перу» несомненно удалось. Это ещё если не считать банкета. Рассказ его долго и очень внимательно разбирали на мастер-классе. Ну, орфографические и грамматические ошибки он во внимание не брал, на фигура — для этого корректор есть. Главное, что идея, как сказали, интересная и не шибко заезженная — про то, как нормальные люди охотятся на вампиров, кусают их и те в нормальных людей превращаются. Пообещали, что если он рассказ свой подработа-

ет и сократит со ста двадцати хотя бы до сорока тысяч знаков, то в следующем году, возможно, его и опубликуют. Потом он ещё с издателями из «Шико» познакомился, такие милые ребята: Юра и Дима. В кулуарах за кружкой коньяка те тоже ему публикацию посулили, правда, говорили, что стилистику с пунктуацией подработать необходимо. Дома в Википедии стоит глянуть, что это и с чем едят. А ещё жену в Крым вывез: с умными людьми пообщаться, не всё же ей с любовницами бандюков и олигархов всяких в Таиландах с Доминиканами «терки тереть» и на пляжах коптиться.

Свете же эта поездка ну совсем не понравилась. Да, Крым дешевле заграницы, но сервис не тот. Собственно, — согласно цены. Люди, правда, приветливые и, слава богу, по-нашему говорят. Не надо вымучивать: «Хау мач из» и «Ве из». Погода вот, будь она не ладна, подкачала — из четырёх дней, два шёл дождь, да и температура воды никак не двадцать один градус, как Яндекс обещал. Не знаю сколько, но ступни реально сводило даже у берега, — она только по колено пару раз в море и заходила-то. А высокоинтеллектуальные писатели на отдыхе оказались к тому же ещё шибко и зло употребляющими. Так что она два своих заготовленных вопроса: «Откуда вы берёте сюжеты?» и «С какого возраста начали писать?», так и не задала никому. Единственно, что ей здесь из обстановки понравилось — так это экскурсия на дачу Стамболи. Во, буржуи жили в прошлом веке: потолки метров пять, камин, изразцы, лепнина. Музей подводной археологии ещё там разместили. Ну, пулемёты (или это пушки были), поднятые с подбитых самолетов, не очень-то её впечатлили, а вот кузнецовский фарфор — это да. Хорошо бы ей такой. Придёт к ней, например, Ленка в гости, а она тарелки эти выставит. Хотя Ленка вряд ли поймёт, там только на обороте логотипчик. Ладно, хватит мечтать, ей сейчас мужа своего стокилограммового в номер тащить надобно.

Но больше всех недоволен был третий, сидящий на ступеньках. Невидимый пришелец с Альфы Просимы Зет.

Уж как он пытался Игорю про себя историю рассказать: и через информационное поле, и напрямую в мозг, воздействуя на

синапсы — всё без толку. В крови Игоря столько промилле алкоголя всё время находилось, что... как эти русские шутят: «В вашем алкоголе крови не обнаружено». А так хотелось про себя память оставить, у них же на Проксиме все писатели на тыщу лет вперёд разобраны. Игорь, правда, перевирал всё до неузнаваемости, не то что Брэм Стокер или хотя бы та же Галина Гончарова. Придётся, видать, на следующем форуме сменить себе носителя с Игоря Пашутина на какого-нибудь менее пьющего. Хотя где их, менее пьющих, среди фантастов сыщешь?

Нина МОИСЕЕНКО

с. Почётное. Крым.

Я ПОДАРИЮ ТЕБЕ КРЫЛЬЯ...

Тропа петляла по горным карнизам, огибала валуны и осыпи, через узкие Врата, поднялась в долину Ада. И круто поползла по можжевельовым корням лестницы Тавров, в долину Рая, а оттуда, на кручу «караульной» горы, вершину которой венчал пик с названием Космос. Мало кто знает, что в доисторические времена он носил грозное название Палец Сатаны. Степанида предпочитала древнее название.

Подъём на этот раз оказался для старушки, как никогда трудным. До крайности утомлённая, едва переводя дыхание, она опёрлась спиной о шершавую глыбу. Понемногу приходила в себя. Вокруг оживали звуки. Она прислушивалась к посвисту ветра в длинных иглах реликтовых сосен и далёкому рокоту моря. Усталость постепенно отступала.

«В былые лета я поднималась сюда за два часа, а ныне ползла полдня, как старая черепаха, — улыбнулась иронически. — Вовсе я не черепаха! Но старая, бесспорно!».

С этой точки обзора она много раз видела величественные пейзажи, и сияющий простор, где сливаются голубое небо и бирюзовое море, но и теперь не смогла оторвать восхищённого взгляда. На миг ей показалось, что в дрогнувшей дымке над горизонтом мелькнули огромные белые крылья. Сердце ёкнуло от радости.

Степанида подошла к самому краю обрыва. Долго всматривалась, до рези в глазах, пока набежавшие слёзы не размыли очертания прибрежных скал. Закружилась голова, и старушка покачнулась.

От падения в пропасть Степаниду удержали маленькие сильные руки, крепко вцепившиеся в её предплечье. Она сделала шаг назад и оглянулась. Испуганная девчонка — смуглянка, уже успевшая загореть на весеннем солнышке, тянула её от края:

— Бабушка, вам плохо?

Степанида улыбнулась, ласково погладила её руки.

— Спасибо, деточка. Не бойся, мне хорошо.

Девчонка не отпустила Степаниду, усадила на камень и присела напротив, заглядывая в лицо.

— Вы сами сюда поднялись? — искренне удивлялась спасительница.

— Сама. Место здесь особенное, вот и захотелось мне в последний раз прийти сюда. Легенда говорит, что с этой скалы полмира видно. А ты почему одна-одинёшенька бродишь среди скал?

Девушка смутилась, подхватила горсть мелких камушков, стала бросать по одному в обрыв. Помолчала и видимо решила, что старушке можно рассказать о своих проблемах.

— Меня Феоной зовут, — сказала она.

— Красивое имя, старинное, — с уважением сказала Степанида.

Девушка коротко вздохнула и, швырнув очередной камушек, с притворным безразличием добавила:

— Это по паспорту, а в жизни иначе как Фенькой никто не называет, — самообладание всё же изменило ей, и голос дрогнул обидой.

— Не печалься, время переменится, обиды — перемелются. Меня ведь тоже в молодые годы никто Степанидой Ивановной не называл. Почитай до сорока лет «Стешкой» прожила, женщина усмехнулась своим воспоминаниям. — Это уже потом уважение у людей заслужила, а теперь вот и до почитания дело дошло.

— Всё равно обидно, — упрямо сказала девушка. — Девчонки из нашей компании парни называют Светиком, Ниночкой, Танюшкой, вокруг них чуть ли хороводы не водят, а меня «Фенька — свой парень» или «мелкая».

Девушка резко встала, подошла к кромке обрыва, сунула руки в карманы джинсов. Долго молчала и, не поворачиваясь, (наверное, чтобы не показывать слёзы), сказала:

— Вон они, с Плеча Витязя на дельтапланах взлетают, а про меня забыли, даже не ищут, будто меня с ними не было! Я так мечтала о первом полёте! Вит обещал, что будет моим инструктором, а сам с Танькой, как нянька возится! — И Феона тихо заплакала.

Степанида с жалостью смотрела на худенькие вздрагивающие плечи девушки и неожиданно спросила:

— А летать ты хочешь только потому, что Вит летает на дельтаплане?

Феона повернула к ней печальное лицо с мокрыми «дорожками» на щеках, а когда заговорила, глаза девушки засияли, и каждая чёрточка озарилась радостью:

— Не-ет! Летать я хотела всегда! С тех пор, как первый раз во сне полетела. Так здорово! И страшно, и... и...! — она задохнулась от избытка чувств.

Разбежалась, легко запрыгнула на валун, раскинула руки, и описала пируэт, будто балерина.

Степанида заразилась восторгом девчонки, и озорные искорки зажглись в её усталых глазах:

— Знаю, я ведь тоже летала!

— Вы были лётчицей!? — удивилась Феона.

— Нет, — лукаво ответила старушка.

— Парашютисткой? — с некоторым разочарованием продолжила угадывать девушка.

— Нет, — засмеялась Степанида.

— Космонавтом, что ли? — недоверчиво произнесла Феона.

— Я летала как птица! И с этим полётом нельзя сравнить ни самолёт, ни дельтаплан, ни птицелёт, и даже полёт в невесомости. Ты веришь, что бывают люди-птицы?

— Хотела бы верить, но мне же не четыре года, а четырнадцать! И на мир я смотрю по-взрослому. Хотя... — она села перед Степанидой, переплела ноги «калачиком» и с серьёзным видом начала философствовать. — Если допустить, что такое всё-таки возможно...

Степанида с улыбкой любовалась Феоной: уже не ребёнок, но и не вполне оформившаяся девушка. Возраст противоречий — считает себя взрослой и стесняется своей детскости, а в душе, ещё держится за чудеса и сказки, но решительно их отрицает. Какая же она прекрасно наивная и внутренне, и снаружи! Взъерошенные ветром рыжеватые волосы в совершенном беспорядке, чуть заметные веснушки, на загорелом лице, а в голубых, необыкновенно светлых глазах — мечта!

— Мой правнук говорит: если бы у человека были крылья, они бы очень мешали ему ползать! — перебила рассуждения девушки Степанида.

— Это в некоторой степени верно! — со вздохом согласилась девочка. — Но! Иногда очень хочется, чтобы мы могли летать. Просто шагнуть с обрыва, взмахнуть руками и полететь! И весь этот мир у твоих ног!

— И не только этот, а сотни других Миров! — подхватила Степанида. — Часто порталы в другие Миры расположены высоко над землёй, и добраться до них можно только на крыльях. — Старушка наткнулась на взгляд Феоны, полный недоверия и сарказма, и твёрдо заверила. — Я ничего не придумала. Выслушай меня, а верить или нет, потом сама решишь. Ох, давно это было, и былём поросло! И я была когда-то молодой и зелёной, как ты. Летать хотела страстно! Не знаю, откуда пришла эта любовь, но я бредила небом, тосковала о крыльях. Друзей, как ты понимаешь, у меня не было, с «полоумной» дружить не хотели. Я любила сидеть над этим обрывом, болтать ногами и мечтать о полётах. В воображении парила между облаками, бегала по ним и барахталась, как в сугробах. И белокрылую фигуру, сначала приняла за фантом из грёз. Собственным глазам тоже трудно поверить, когда видишь в небе человека с крыльями! Я подумала, что над Пальцем Сатаны кружит Ангел. Юноша приземлился возле меня, сложил крылья, и они обняли его плечи, как старинный бархатный плащ. Наверное, вид у меня был комичный, потому что «ангел» не смог удержаться от смеха.

Нахохотавшись вволю, он насмешливо спросил:

— Опять мечтаешь? Поверь мне, в облаках не поваляешься, как на перине. А вот летать... хочешь, я подарю тебе крылья? — его лучистый взгляд, был без тени лукавства.

Он подал мне руки, и я без колебаний, протянула ему свою холодную, дрожащую от волнения ладошку.

Юношу звали Авис, что значит — Птица. Он уходил с Земли последним из людей-птиц, и должен был закрыть портал в свой Мир потому, что их племя не нашло адептов среди землян. А тут, в последний момент, подвернулась я со своей сумасшедшей мечтой о полётах! Вот так я стала Хранительницей великой тайны. И всю жизнь ищу адептов и жду возвращения людей-птиц.

— Красивая сказка, — с мучительной печалью отозвалась Феона.

Она почти поверила в эту дивную историю, ведь в душе её, всё ещё жила надежда, что чудеса на Земле существуют, они не исчезают, когда дети становятся взрослыми.

— Не сказка... — Степанида выдержала многообещающую паузу, и сказала. — Пойдём... я подарю тебе крылья!

Солнце повернуло на закат и чёткие светотени на Пальце Сатаны создали иллюзию семи дверей.

Степанида провела ладонью по изображениям и рука в одном месте провалилась внутрь камня. Старушка подалась вперёд и мгновенно исчезла из поля зрения Феоны.

Девушка вскрикнула от неожиданности.

Возникшая из густой тени ладонь поманила её за собой. И зажмурившись, Феона шагнула на скалу. Не почувствовав преграды, открыла глаза и увидела, что стоит в маленькой пещерке с высоким потолком. Казалось, что он уходит прямо в космос и оттуда струится тонкий звёздный луч. Вопреки здравому смыслу, он изгибался в форме клепсидры. На нижней части, которой висела прозрачная капля, готовая сорваться в чашу. Каменный сосуд был наполнен живой, на вид, субстанцией.

Капля упала с гулким всплеском, и по пещерке понёсся вибрирующий хрустальный звон, повторённый множество раз своеобразным эхом. Звук менял силу и интервал, потому казалось, что звучит музыка. Да это и в самом деле была музыка космоса.

Степанида с благоговением дотронулась до чаши, провела кончиками пальцев по грубому узору.

— Это Светоч... — голос её звучал ласково, а взгляд был нежен.

— Светоч! Но... — нерешительно попыталась возразить Феона.

— В нашем мире это понятие трактуется не верно. Истинный Светоч перед тобой. Теперь ты его Хранительница.

— Я... — растерялась Феона. — Я не могу... я не умею!

— Ты сможешь и сумеешь, я знаю! Вижу, что у тебя доброе сердце и светлая душа, способная к полёту! Всё, чем должна обладать Хранительница. Смелее... решайся!

Ах, как Феоне было страшно, даже сердце похолодело!

«Я, и, вдруг, Хранительница! Нет!» — сомневалась она. — «Да! Это моё предназначение, я Хранительница! Я это чувствую!» — кричал внутренний голос. И Феона согласно кивнула.

— А теперь о твоих обязанностях, Хранительница! — торжественно сказала Степанида. — Это энергетический луч, он приходит из глубин Вселенной, генерируется в Светоч и накапливается в чаше. Ты должна следить, чтобы Светоч не переливался через край сосуда, если такое случится, пойдёт обратный процесс и порталы в другие миры закроются. Тогда люди-птицы не смогут прийти в наш мир, а крылатые души покинуть его, начнётся хаос на Земле.

Феона почти не дышала от волнения.

— Ты сможешь летать! Находить и открывать порталы. Я отыскала их множество, но так ни разу не решилась в них войти. Боялась заблудиться и не найти обратный путь. А на Земле, кроме меня, некому было присмотреть за Светочем. Так получилось, что ни детей моих, ни внуков, ни правнуков, не захватила страсть к полёту. Они крепко стоят на земле и мечты у них сугубо земные. А у тебя душа птицы, без полёта жить не сможешь. Может тебе посчастливится, и ты найдёшь единомышленников и дождёшься возвращения людей-птиц. А теперь испей Светоча.

Феона ухватила за чашу, попыталась поднять. Какая она тяжёлая! Да ещё полная до краёв, расплескать страшно!

— Поднять чашу не в человеческих силах. Вот так пей из неё. — Степанида склонилась, и чуть касаясь губами поверхности субстанции, сделала несколько глотков.

Феона приблизила лицо к Светочу, вытянула губы — и её обожгло ответное прикосновение, будто поцелуй. От неожиданности девушка чуть не отпрянула, но короткий окрик Степаниды «пей!», остановил её, и она сделала несколько судорожных глотков.

Внутри разлился освежающий холодок, будто зябкий предраассветный ветерок. Тело стало лёгким, а мышцы упруго налились силой, захотелось активно двигаться, идти, бежать, лететь. Особенно лететь!

— Ну вот, мы выполнили свою миссию, а сейчас пойдём на воздух и будем ждать.

Они вышли из пещеры. Солнце утратило ярость, и висело над морем остывающим шаром. Стало прохладно, свежий ветер дул с завидным постоянством. Далеко внизу бесновалось море, его ослабленный шум смешивался со звуками леса.

— Запомни, девочка, истинное название этой скалы Орлиный Коготь. Бескрылые называли её по-разному: и Палец Сатаны, и Дозорный пик, и Космос. Но когда будешь возвращаться из другого Мира, называй место возврата Орлиный Коготь. Из семи дверей открывается какая-нибудь одна, по принципу неопределённой случайности. И войти сюда никто не сможет, кроме тебя и человека, близкого по духу к людям-птицам.

Феона была уверена, что всё невероятное уже случилось, но по необъяснимой причине трепетала и волновалась. Сверлящая боль, возникшая в спине и плечах, испугала её. С тихой паникой девушка наблюдала, как сквозь кожу и одежду пробиваются призрачные белые крылья. Они росли быстро, свисали с плеч мятыми бессильными парусами и стелились по земле возле ног. Феона переводила непонимающий взгляд то на крылья, то на помолодевшую Степаниду, в чёрном платке и длинной складчатой накидке.

— Подбери крылья, иначе наступишь на них. Будет больно.
— Спокойно сказала Степанида.

Девушка наклонилась и стала сгребать тёплую бархатистую материю, но ощутила свои прикосновения, как если бы дотронулась до своей руки, ноги или другой части тела. Она, наконец, осознала — это её собственные белые крылья!

— Смотри, как они складываются. — И Степанида развернула огромные чёрные крылья, и медленно, чтобы Феона успела повторить за ней, сложила их в аккуратную накидку.

Крылья не были слишком тяжелы, но ложились ощутимым весом на плечи. Феона обняла ими себя и, вдруг, обнаружила, что её и без того хрупкая фигура, стала вовсе тощей.

— Ой, какая я худая! У такой худышки не хватит сил для полёта!

— Ты будешь использовать не только собственные физические силы, а ещё силу Светоча, силу ветра, и даже силу солнечного и лунного света. Небо — это твоя стихия! Давай-ка потренируйся, помашаи крыльями, почувствуй их подъёмную силу!

И Феона развернула крылья, взмахнула ими раз, другой. Крепчающий ветер ударил в них, как в паруса, и девушку сбило бы с ног и унесло неизвестно куда, но Степанида поддержала её.

Феона преодолела сопротивление ветра и подстроила положение крыльев так, что поток буйной воздушной энергии заструился сверху и снизу, став упругой, и одновременно мощной и надёжной опорой. Крылья трепетали, подрагивали и... пели.

Слегка балансируя телом, руками и крыльями, ей удалось зависнуть невысоко над землей. Девушке помешали эмоции потому, что охватившая её радость обернулась поспешностью в движениях, и она позорно рухнула, приземлившись на «пятую точку». Было больно.

— Первый полёт, как и первые шаги, не обходится без падений, — успокоила её Степанида. — Маши крыльями, не ленись. Видела, как птенцы перед вылетом тренируются?

Феона с воодушевлением и примерным прилежанием замахала крыльями. Степанида делилась с ней секретами полёта, подсказывала, и к девушке пришла уверенность в собственных силах и способностях. И Степанида ещё раз убедилась, что её избранница упорна и талантлива.

— Ты усвоила теорию, приобрела навыки, а мастерство и виртуозность полёта придётся оттачивать самостоятельно. Жаль, что у нас нет инстинкта полёта, как у птиц. Давай присядем, отдохнём перед дорогой в небо.

Женщина отошла к Орлиному Когтю, села на валун. Её крылья распростёрлись королевской мантией.

— Степанида Ивановна, а почему у вас крылья чёрные, а у меня белые? — задала девушка занимавший её вопрос.

— Потому, что я стара, а ты молода. У людей-птиц с возрастом крылья темнеют. Мои, как видишь, цвета антрацита, да и лет мне столько, сколько люди не живут, — и бледная улыбка чуть тронула её губы.

Солнце плескалось в море, и алая световая дорожка бежала к берегу по спинам неугомонных волн. На вершинах гор было ещё светло, а внизу, в распадках, сгущались сумрачные тени. Феона смотрела на Плечо Витязя, там ребята установили искусственный костёр и сидели возле него кружком. Кто есть кто из них, можно было только догадываться. С высоты Орлиного

Когтя все они казались крохотными муравьишками, даже цвета одежды плохо различались.

— Степанида Ивановна, а когда мы полетим, нас увидят? — Феоне хотелось, чтобы её увидели летящей (пусть бы тогда обзавидовались!), и не хотелось (попробуй тогда тайну сохрани!).

— Увидеть могут, но только те, у кого к полётам душа приспособлена, — успокоила девушку Степанида. — И всё-таки, старайся на глаза не попадаться, всякой спецаппаратуры у людей развелось не меряно, то приведения ловят, то полтергейст, то инопланетян, могут случайно и тебя заметить. Пора лететь, скоро совсем стемнеет. Как взлетать с кручи, ты знаешь, примерно, как на дельта-плане. А как с ровного места подниматься, я тебе сейчас покажу.

Она взмахнула крыльями, подпрыгнув вверх, быстрыми и мощными взмахами забросила себя в высоту, поймала восходящий поток и полетела по спирали вокруг Орлиного Когтя, забираясь выше и выше. Феона оторопела. Вот тебе и старушка! Такой ураган крыльями подняла, что всю площадку от пыли и мелких камушков чисто вымела.

Степанида, пролетая над ней, scomандовала:

— За мной! — она заскользила на расправленных крыльях вниз, а потом грациозными плавными взмахами вознесла себя вверх.

Феона встала на самый краешек обрыва, руки и ноги ослабли от волнения и заметно дрожали. Она сделала глубокий вдох, распахнула крылья и прыгнула по широкой дуге. Ей стало страшно, она летела, почти падала, и не чувствовала крыльев. Внутри все сжалось, и гадкий щекочущий холодок внизу живота пополз к сердцу.

— Крыльями не забывай махать! — услышала она насмешливый голос сверху.

Феона выдохнула (оказалось, дышать она тоже забыла) и усердно заработала крыльями.

Первый испуг прошёл, скованность исчезла, и к ней вернулись ощущения. Нахлынуло счастье! О, как она любила этот мир! Они пролетали не слишком высоко над Плечом Витязя. Феона глазами нашла Вита среди шумной компании друзей. Он задумчиво перебирал струны гитары.

Словно почувствовав её взгляд, он посмотрел на звёзды, вскочил и, указывая вверх, закричал:

— Смотрите, там крылатые люди!

Друзья очень развеселились, приняв всё за розыгрыш. Компания продолжила развлекаться, а Вит стоял в сторонке, всматриваясь в небо.

— Степанида Ивановна, он увидел нас! Он сможет стать крылатым, правда же!? — с надеждой спросила Феона.

— Он тебе очень нравится. Хорошо! На Земле возникнет раса крылатых людей! Значит и я не зря свою жизнь прожила!

— Степанида была счастлива.

Они долго летали над морем. Степанида всё оттягивала минуту прощания, но время неумолимо в нашем измерении.

— Мне пора, — сказала она с сожалением. — Феона, давай прощаться. Моё время закончилось, наступило твоё. Мы никогда не встретимся на Земле, Хранительница, а за гранью, в других Мирах наша встреча очень вероятна. Черпай мудрость и силу из Светоча, и пусть он не иссякает. Живи счастливо! Вит любит тебя!..

И Степанида ушла в пике, растворилась в повисшем над морем тумане. Выворняла полёт у воды и заскользила к маленькому домику на берегу.

Старушка добралась до скамеечки под узловатой столетней сливой, сил совсем не осталось. Сад отцветал и лепестки, казавшиеся в рассветном мареве розовыми, сыпались и сыпались с тихим шёпотом:

Очень грустно, но не тоскливо,
Наблюдать за течением дней.
Лепестками отцветшей сливы,
Дни летят из жизни твоей.

Степанида прикрыла глаза, она чувствовала, как истончаются и тают её крылья, и как вырастают они у души. Она улыбалась... нет, улыбалось её безжизненное тело, а душа легко и радостно рванулась к порталу. Туда, где в поисках Степаниды, металась крылатая девушка.

Перед тем, как уйти в портал, душа прикоснулась крылом к щеке Феоны, и послала импульс:

«Не плачь, Хранительница, мне хорошо!»

И Феона почувствовала и услышала её, и улыбнулась сквозь слёзы.

С. Г. МАЛИНОВСКИ

г. Симферополь. Крым.

ГРАНАТ ОТ ГАДЕСА

Высоко, в яркой синеве неба, словно капля ртути, переливалось нестерпимым блеском солнце. Зеленоватая вода, пронизанная солнечными лучами, лениво ластилась к камням Аю-Дага. Я с сожалением посмотрел на море и с тяжким вздохом, поправив рюкзак, полез вверх по склону Медведь горы.

Мой путь лежал туда, где в прошлом году было обнаружено святилище Артемиды. То самое, которое, если верить мифам, посетил ворюга Орест. Раскопки из-за нехватки средств законсервировали, но я решил рискнуть. В институте моя любовь к Греции уже стала притчей во языцех, а мои неожиданные срывы на раскопки так всем приелись, что даже преподаватели не обращали на них внимания. Именно благодаря этому, в последние дни мая, перед самой сессией, я и появился в Артеке. До сих пор я считал, что бывал в горах, но теперь, штурмуя скалистый бок Медведя, понял, что не только не бывал, но даже и не видел их. А солнечный диск припекал все сильнее, рюкзак становился тяжелее, пить хотелось просто нестерпимо.

Но когда я добрался до раскопа, то забыл обо всём. Глядя на остатки стен, едва наметившиеся очертания построек и остатки бассейна, я не видел развалин, я видел истинный храм. Возможно, что нарисованное моим воображением святилище и не было таким, но кто мне мог это сказать? Поэтому до вечера я был счастлив. Я сфотографировал всё, что мог, разбил палатку под ближайшим деревом и с заходом солнца с чувством выполненного долга устроился на обрыве. С водой на Аю-Даге всегда было тяжело, потому-то большая часть моей поклажи были бутылки с водой, да самые необходимые продукты.

Неожиданно, когда край солнца коснулся горных вершин, погода испортилась. На небо, необыкновенно быстро, напозла тяжёлая туча, море стало свинцовым, подул резкий ветер. Солнце, словно испугавшись чего-то, юркнуло за горизонт. Из низко

клубящихся туч бархатистым раскатом пророкотал гром, затем, почти без паузы, сверкнула молния и на землю лениво, словно по обязанности, упали первые крупные капли.

Я не успел добежать до палатки. Удары грома слились в единую мощную канонаду, молнии не успевали гаснуть, а дождь повис сплошной пеленой, море дыбилося и рвалось к берегу. Такого я ещё не видел и, махнув рукой на мокрую одежду, зачарованно наблюдал за этим великолепным буйством.

Затем, мне показалось, что что-то изменилось. В зыбком свете молний я увидел рядом с собой совершенно целую колоннаду портика. Ошеломленно помотал головой, не помогло, ущипнул себя и выяснил, что не сплю. Порттик, которого минуту назад не было, стоял и манил к себе, я не мог сопротивляться и робко шагнул в прохладный и сухой сумрак появившегося чуда, ничуть не сомневаясь, что сейчас наваждение исчезнет, — но нет, под крышей было сухо и тепло. Мрамор колон светился слабым, но ровным светом, на полу, в центре, лежал огромный ковёр, стоял стол, поражающий своими размерами, а вокруг разместились лежанки, подозрительно похожие на ложа, которые изображались греками на вазах и фресках. И везде: на ковре, лёгких креслах, ложах лежали вышитые подушки. Стол, стулья, ковёр и всё, что меня окружало, поражали своей реальностью.

Окончательно уверившись, что днём перегрелся на солнце, я надеялся только на одно, что этот бред скоро закончится. Придя к такому выводу, я позаимствовал подушку и уселся у колонны. Странно, подушка была мягкой, в глубине души я ждал, что сяду на камень. Расслабившись, я привалился к тёплому мрамору и с интересом задумался о том, почему сюда не захлестывает дождь, а раскаты грома звучат приглушенно. Только я об этом подумал, как неожиданно громыхнуло так, что я упал с подушки, а в центре комнаты появилась женщина...

Нет. Не так. У меня возникло чёткое ощущение, что она свалилась, причем с потолка. Не удержавшись, я глянул вверх, крыша была цела, а в воздухе почему-то плавно кружились серые перья. Переведя взгляд на хозяйку (почему я так решил — не знаю), я замер. Сердце бешено стукнуло и замерло, словно провалившись куда-то, спустя ещё какое-то время я обнаружил,

что вместе с остановкой сердца я забыл вдохнуть и судорожно перевёл дух.

Но она стояла того. Стройная, высокая, с безупречной фигурой, нежные открытые руки, гордая шея и совершенно ошеломительные глаза, светящиеся синим огнем из-под козырька шлема. Откуда-то бесшумно вынырнула сова и мягко опустилась на её плечо.

Хозяйка неторопливо поставила в угол копьё, прислонила туда же щит и, мягко погладив сову, сняла шлем. Затем, с тяжёлым вздохом сбросила тёмно-синий, вышитый пеплос и осталась в тонком и довольно пестром хитоне. Она медленно прошлась вдоль стола и, лукаво улыбнувшись, тихо хлопнула в ладоши...

— Хайре, сестра! — прозвенел возмущённый возглас.

И из дождя в портик шагнула девушка. Вся пронизанная серебряным светом, прекрасная и холодная, как луна.

— Нет! — продолжила она, — Посмотрите на неё! Ушла последней, а здесь первая! Ты не забыла, чей здесь дом?

— Прости, — та смотрела на неё и огорчённо разводила руками. — Но если бы ты летела напрямую, причём наперегонки с молнией...

— С ума сойти! — новоприбывшая растерялась. — Ты его всё-таки вывела!

— Я старалась, — с достоинством сообщила ей собеседница.

Они хором рассмеялись и уселись на ближайшее ложе. У ног новоприбывшей робко топталась лань, та, занятая разговором, ласково гладила грациозную шею.

Глядя на них, я понял, что окончательно сошел с ума. Передо мной сидели Афина и Артемида и вели светскую беседу, а я, совершенно обалдевший, сидел в углу и не мог шевельнуться.

Неожиданно в зале стало шумно. Появилось ещё несколько человек, простите, богов.

Мощный воин возник прямо из воздуха, держа на руках самое очаровательное существо, которое я только видел в жизни. Следом появился плотный чернобородый, прихрамывающий мужчина, к которому прижималась хрупкая, большеглазая женщина; затем, почти одновременно, появились: томный юноша на леопарде, необыкновенно огромный атлет с густой золотистой

шевелюрой, причём, одет он был только! в львиную шкуру, на нём висла восторженная девица с необыкновенно румяными щеками, и красавец с лирой в руках.

— Ну что? Все в сборе? — осведомилась Артемида, подставляя щеку парню с лирой (Аполлон — понял я).

— Гермия с Персефоной не хватает, — прогудел мощным басом гигант в шкуре.

— Придут, никуда не денутся, — томный бог спрыгнул с леопарда и ласково шлёпнул его по спине. — Предлагаю...

Что он хотел предложить я не знаю, знаю только, что именно в эту секунду, что-то прохладное и скользкое коснулось моей руки. Опустив глаза, я обнаружил змею, которая дружелюбно пыталась обвиться вокруг моего запястья, а леопард, с неизвестно откуда взявшимся волком, пытались на зуб определить крепость моих ботинок.

Всё напряжение и тревоги этого вечера вылились в дикий крик. Животные, которые проявляли законное любопытство по поводу моего пребывания в данном месте, были явно смущены и шокированы моим бескультурьем, а боги, которых моя бурная реакция оторвала от беседы, неторопливо направились в мою сторону.

— Кто это? — брезгливо сморщил нос Аполлон и подозрительно покосился на сестру.

— Откуда он взялся? — задумчиво протянула Афина.

А Дионис радостно завопил:

— Ну, что вы пристали?! Смертного давно не видели?! Так вот он! Можете пощупать! Хотя, как он сюда попал... Мойры его знают...

Пока боги и богини недоуменно переглядывались и пожимали плечами, я, судорожно вздрагивая, приходил в себя, и, поглядывая на неприязненно молчащего Аполлона, пытался придумать, как мне выпутаться из всей этой истории. Но неожиданно появление ещё двух действующих лиц изменили настроение хозяев и положительно отразились на моей судьбе. Лицами этими были Гермес, в своих неизменных сандалиях и шлеме с крылышками, а за руку он держал очень хрупкую, очень печальную и очень красивую девушку.

— Наконец-то! — воскликнула Артемида, явно обрадованная возможностью отвлечь всеобщее внимание от моей скромной персоны. — Что вы так долго?

— Сперва убедились, что дядя действительно отправился к отцу, — деловито сообщил Гермес, снимая шлем и сандалии.

— Прошу за стол, — Артемида приглашающе взмахнула рукой. Гости направились к столу, но тут вмешался Дионис:

— А с этим, что делать?

Артемида с горькой укоризной вздохнула, Гермес подскочил от изумления, а Аполлон раздражённо посоветовал сбросить меня с горы. Но тут вмешалась девушка, прибывшая с Гермесом:

— Оставь его, — она тихо коснулась плеча Мусагета тонкими пальцами. — Если он здесь и ещё жив, значит, пряжи спряли ему крепкую нить. Я прошу тебя, брат.

Аполлон, расплылся в довольной улыбке и, лениво махнув рукой, направился к столу, а моя заступница, что-то прошептала Афине и Артемиде и направилась за ним.

— Ну, что ж, смертный, — хмуря тонкие брови, сказала Афина. — Я согласна с Персефоной, раз ты здесь, значит, это предопределено...

— Поэтому, — подхватила Артемида, метнув на Афины недовольный взгляд. — Присоединяйся к нашему празднику. Добро пожаловать, случайный гость.

— Добро пожаловать! — подхватили боги, и я обнаружил между Персефоной и Гермесом ещё одно ложе, на которое и улегся не без дрожи в коленках.

Боги, при ближайшем рассмотрении, оказались вполне милыми и компанейскими ребятами. А после третьего кубка, амброзии или нектара, точно не уверен (допускаю, что это было вино, а нектар и амброзию, мне, как небожественной особи не наливали; хотя, не буду обвинять богов в мелочности, тем более что доказательств у меня нет), я с трудом удержался от желания выпить с ними на брудершафт. От излишней развязности меня уберегли предупреждающие взгляды Афины и постоянная опека Диониса с Гермесом, а так же Аполлон, чьи глаза, останавливаясь на мне, начинали напоминать о бренности моего земного существования.

Когда первый голод был утолён, завязалась оживленная беседа. Я больше помалкивал, хотя Афродита, с невинным интересом, старалась вызвать у меня вполне определенную реакцию, при этом она лукаво поглядывала на Ареса и Аполлона. Убедившись, что я больше поглядываю, в сторону её братцев, богиня Любви разочаровалась во мне и переключилась на Геракла. Аполлон и Арес успокоились, а я робко повернулся к Персефоне.

Она полулежала на соседнем ложе и, пожалуй, одна не принимала участия в общем разговоре. Задумчиво глядя куда-то вдаль, она печально хмурилась и машинально вертела в пальцах золотой кубок. Её печаль и одиночество резанули меня по сердцу. Украдкой покосившись на Аполлона, я рискнул обратиться к соседке.

— Чем озабочена столь прекрасная богиня? — фраза вышла корявой, но лучшей я, при всём желании, придумать не смог.

— Я действительно печалюсь, — тихо проронила она. — Но помочь мне никто не в силах.

— Возможно, — кивнул я. — Но иногда достаточно выговориться, чтобы стало легче. Или я позволил себе лишнее?

Она слегка усмехнулась.

— Что ты знаешь, смертный? Хотя, вы так мало живете, что на долгие печали у вас не хватает времени. Возможно, ты и прав. Возможно, именно смертный сможет понять по-настоящему мою печаль. Дело в том, что я бесплодна...

Что тут можно было сказать? Только то, что у нас с этим успешно борются, но ей надо было не это.

— Не думал, что у богов бывают такие проблемы.

— А что ты знаешь о богах! — вспыхнула от возмущения Персефона. — И что ты мог думать о наших проблемах, смертный!

— Ничего, — поспешил заверить я её. — Но почему такие грустные мысли? А вдруг ты не можешь иметь детей только от мужа?

Она вздрогнула и подняла на меня свои огромные бархатисто-чёрные глаза, затем губы её дрогнули в тихой усмешке, а блеск глаз был прикрыт длинными ресницами.

Сердце у меня в груди бешено заскакало, а дышать стало трудно, практически невозможно.

— Может быть, ты и прав... — задумчиво протянула она. — Может быть.

Богиня опустила голову и задумалась. А я рискнул спрыгнуть с ложа и тихонько ретировался к выходу.

Дождь и ветер всё так же хлестали в темноте, всё так же ревел море, но я не мог отделаться от ощущения, что это буйство стихий кажется чуть-чуть не естественным. И дождь был слишком крупный и частый, и лил он словно по обязанности, и море нехотя вздымало огромные валы и лениво швыряло их на скалы, да и ветер дул как-то слишком театрально, отвлекаясь на множество внешних эффектов. Странно, что я не заметил этого с самого начала.

— Любишься?

Я повернулся на голос. Рядом стоял Гермес и внимательно наблюдал за мной.

— Думаю, — неожиданно признался я.

— О чём? — бог лениво опустился на порог и, приглашая, похлопал ладонью рядом с собой.

— Почему это всё кажется декорацией? — я присел рядом.

— Заметил, — с удовольствием констатировал Гермес. — А ненастоящее потому, что наши старшие родственнички решили сами слегка гулнуть, но без нас. И теперь изо всех сил показывают, что разгневаны не на шутку. А то, как нас было с Олимпа на всю ночь шугануть?

— А... — большего я не смог сказать, так велико было мое изумление.

— Закрой рот, — посоветовал мне собеседник. — Отец не понимает, что его хитрости шиты белыми нитками, и если бы мы сами не хотели расслабиться, то имели мы в виду и его молнии, и дядины волны. А ты молодец, — переменял он тему. — Персефону уже давно никто не видел веселой. Что ты ей сказал?

— Да так, ничего особенного, — уклончиво промямлил я, ведь нельзя считать разговором то безобразие, которое я пытался у стола превратить в светский разговор.

— Ну, ну... — Лукавый бог усмехнулся. — Можешь молчать, всё равно узнаю. — Он легко встал и одним длинным скользья-

щим шагом оказался у стола. Я растерянно сидел и пытался осмыслить все, что происходило со мной этой ночью, как вдруг, я понял, что вновь не один. Рядом стояла она. Персефона.

Я медленно поднялся. Сердце стукнуло и замерло, а затем зачастило так, что я удивился, как оно еще не выскочило из грудной клетки. Она молча смотрела в темноту, а я застыл рядом и боялся громко вздохнуть. Сколько мы так стояли — не знаю, но вот она слегка шевельнулась и тихо спросила:

— Что это?

— Где?

— Там, — тонкая рука показала в сторону моей палатки.

— Палатка, — я откашлялся. — Переносной дом.

— Шатёр, — она улыбнулась. — Какой смешной, а посмотреть можно?

— Конечно, только дождь...

Она щёлкнула пальцами и шагнула на улицу, этого я не мог вынести и, сдирая с себя куртку, кинулся за ней. Уже накинув куртку ей на плечи, я вдруг понял, что на нас не попадает ни капли. Ошеломлённый я замер, а Персефона, не стряхивая моей руки с плеча, негромко засмеялась.

— Ну что, так и будем стоять? Или всё-таки пойдём?

И мы пошли, как получилось, что я её обнял и прижал к себе — не помню. Но в палатку мы вошли, уже целуясь. Правда, сперва пришлось изгнать из неё всю божественную живность, которая почему-то облюбовала это место и ни в какую не соглашалась потесниться. Однако мы с этим справились и то, что произошло после... Это было здорово, нет — божественно. И смейтесь себе на здоровье, но это было.

Проснулся я поздно. Дождь прекратился, море было тихим и гладким, и никого не было вокруг. Развалины были развалинами. И ничто не напоминало о ночном пиршестве.

Сидя под деревом и тупо глядя на остатки фундамента, я с тоской вспоминал свой дивный сон и готов был разбить себе голову о ближайший камень. Персефона, неужели это только сон? Лучше бы я сошёл с ума, — тогда я бы остался с ней навсегда.

Развалины, гора, море — всё потеряло свою прелесть. Мрачно собрав рюкзак, я, на всякий случай, положил на остатки алтаря свою серебряную цепочку и, поднеся кулак к груди, ушёл.

Сессия, лето, осень — всё прошло как во сне. Приблизилась и промелькнули Новогодние праздники, а я всё ещё не мог стряхнуть странное оцепенение, охватившее меня в то майское утро. И вот однажды, в конце января, поздно вечером раздался стук в дверь. Я открыл, не спрашивая (эта привычка появилась у меня тоже после посещения святилища). На пороге стоял худощавый, темноволосый мужчина, лет сорока-сорока пяти. Из-под полей шляпы на меня глянули глубокие угольно-чёрные глаза.

— Можно? — глубоким баритоном спросил гость.

— Прошу, — я спокойно посторонился и, пропустив незнакомца в комнату, закрыл дверь.

Гость по-хозяйски прошёл к столу и уселся, не ожидая приглашения. Я сел напротив. Он молчал и разглядывал меня, а я, впервые за прошедшие месяцы, почувствовал, что оцепенение и апатия, охватившие меня в прошлом году, исчезают, а на смену им приходит здоровое любопытство. Вопросы вертелись у меня на языке, но задавать их я не спешил.

Прошло минут пять, не меньше. Неожиданно пришелец задумчиво кивнул головой и негромко произнёс:

— Да, это ты и есть...

— Я и есть, — большего я говорить и не собирался.

— Поздравляю... — гость встал и направился к дверям, у выхода он остановился и, вытащив из кармана пальто огромный гранат, легко разломил его на две половинки. Протянув гранат мне, он добавил. — У нас сын. Спасибо.

Прежде чем я успел хоть что-то понять и сказать, он исчез. Не растворился в воздухе, не вышел, а просто исчез.

Я судорожно сглотнул и потряс головой. Причин возникновения таких галлюцинаций я не находил. Поэтому присел у стола и машинально положил что-то на стол.

Вдруг пришло осознание. Я вскочил и уставился на гранат, который, лёжа на столе, поблескивал рубиновыми зёрнами. И из глубин каждого зёрна мне улыбались счастливые глаза Персефоны и нашего сына.

Михаил КОРМИН

г. Санкт-Петербург.

ТРИ ПИСЬМА ИЗ-ЗА ЖЕМЧУЖНОГО ЗАНАВЕСА

Письмо первое:

Рассказ Ибрагима фон Штерна ибн Али Масуд-Абара о его путешествии по Киммерии

Сейчас, любезный мой брат Хасан, я опишу тебе наше путешествие по Киммерии.

Отдохнув несколько дней на берегу Крабьего Залива, мы продолжили свой путь в направлении Жемчужного Занавеса. Границы Киммерии уже виднелись на горизонте — мерцающая стена, поддерживаемая, по рассказам путешественников, в неурушимом состоянии сотнями генераторов на далеком севере и юге. Что может сравниться по своей красоте и величию с Занавесом, с этим чудом мудрого Аллаха, давшего аль-киммери (или киммерийцами, крымчанами и крымчаками, как они называют сами себя) силу соорудить его и отделить свою землю от всех остальных земель? Вся Киммерия защищена покровом непроницаемого силового поля. Этот Занавес, неурушимый во веки веков, виден из любой точки мира. Однако, различим он лишь у самой земли, выше же — тускнеет, будто бы растворяясь в воздухе, и пропадает из виду. Но доподлинно известно, что он, невидимый, смыкается где-то в самом центре этой великой страны, подобно шатру или своду молельного дома в Бель-Нисапуре. Поэтому, за форму купола и цвет, и называют его Жемчужным, а саму страну — Жемчужиной-всей-Земли.

В течение восьми дней шли мы вдоль берегов упомянутого моря, или залива. На девятый день, поутру, когда мы осматривали наших автоматизированных рабов, предназначенных для продажи в Симфополисе, услышали мы тот самый «ангельский звон», о котором ты и говорил, и который предвещает обычно появление воинов аль-киммери, зовущихся в большинстве со-

седних земель ангелами, а у самих здешних жителей — архонтами или архонтиями. Памятуя твои слова, мы из почтительности простерлись ниц, приветствуя этих пока что невидимых воинов. Через какое-то время три сияющих доспехами фигуры в остроконечных шлемах и со звуковыми копьями, с огромными крыльями дуголетов за плечами, (которые и издают этот удивительный мелодичный звук) стояли перед нами на каменистой почве, внимательно изучая нас и наш товар. Они не препятствовали нашему проходу, словно знали уже, куда мы направляемся. Не попросив ни платы, ни удостоверяющих бумаг, они дали нам проследовать далее. Внешний вид их, одежда и говор, а также манеры — всё совпадает с твоим о них рассказом, и да пребудет с ними вовеки Владыка Миров и Защитник Праведных, ибо они действительно, прекрасны в своем величии.

Ещё через два дня мы были уже у самого Жемчужного Занавеса, где нас встретили иные воины аль-киммери, не относящиеся к лунным ангелам, но происходящие из самих жителей этой благословенной страны, называющие себя кайзаки. Они сопроводили нас к начальнику своей дружины, называвшему себя «ат-аман». Он был учтив, купил у нас одного из рабов (того самого Е-19 с поврежденным верхним сектором периметрального обзора). Так же ат-аман напомнил нам, что деньги в Киммерии не в ходу, и всё, что мы выручим на землях аль-киммери, будет выдано нам на границе. Пока же мы будем находиться за Жемчужным Занавесом, то должны пользоваться теми деревянными дощечками, что считаются здесь за деньги — на них пишется, сколько кто кому и чего должен, что, впрочем, не стало для нас новостью. После этого нас по, известному тебе, подземному тоннелю проводили в пределы страны киммерийцев.

Господин Киммерии, называемый здесь Вечный Властелин, Вечный Правитель, Вечный и просто Владыка, действительно, всегда пребывает на Луне, находящейся теперь в неподвижном стоянии над самой Киммерией. Пребывает он там не один, а со своей свитой и вельможами, которые со времен Падения Сети ревностно наблюдают за своим и всеми прочими народами с неподвижного ночного светила. В Киммерии нет ни заводов, ни мануфактур, как в Бремене или Новом Бадене. Воздух здесь

чист. Всё, что нужно аль-киммери для жизни, производится в Небесных Городах на орбите Земли, или же на самой Луне. Киммерия поделена на множество самоуправляемых городов с бургомистрами, причём, по преимуществу, города эти выстроены рядом со старыми, теми, что были разрушены и покинуты в прошлом. Постройки древнего времени служат аль-киммери напоминанием о старых временах, и по завету лунных правителей, не уничтожаются в назидание потомкам, и в них запрещено кому-либо селиться. Новые же, полные жизни, города аль-киммери, окружающие эти грандиозные памятники безбожной, дикой эпохи до эры пресвященного рабовладения и свободных автономий, отличаются от наших. Там нет высоких строений, и землю они почти не выравнивают, не вырубают деревья, также не строят под землей, не обитают в катакомбах или на большой высоте; не прокладывают твёрдых дорог. Двухэтажные и трехэтажные дома, в которых живёт по одной семье, окружены парками и садами. На каждый дом приходится до двадцати мер земли, и каждое хозяйство, как и сказано было выше, снабжает себя само. Граждане совместно принимают решения относительно всего, и передвигаются между домами, а также между поселениями на воздушных судах, опирающихся на особые потоки воздуха, или «волны», о природе которых они нам не рассказали. По форме эти суда отличаются и от повозок, и от гелиевых платформ, столь распространенных в Южной Европе. Больше всего они походят на продолговатые корзины, сходные формой с пчелой — древним знаком рода Киммерии, который здесь очень почитаем (ведь неспроста это благородное насекомое начертано на гербе страны). Когда же аль-киммери хотят преодолеть небольшие расстояния, то пользуются ослими, лошадьми, бициклами, или же идут пешком. Это немудрено, ибо все тяжёлые грузы доставляются из Небесных Городов, и нет необходимости ни строить широких дорог, ни применять в хозяйстве чересчур изощренных механизмов, подобных тем, что есть в Египте или Боснии. Бескрайние поля и луга, на которых зреет зерно и пасётся скот, окружают тёмные, запретные древние города и хорошо видно, как привольно и благодно жить в городах новых. Причём некоторые из этих, новых городов, например — Беляев и Кази-Аруш,

достигают больших размеров. По слухам в них до двадцати и более тысяч домов, в каждом из которых живет семья из семи-восьми человек, имеющая свой скот и угодья ещё и за пределами поселения.

Мы следовали к Симфополису через Перекоп и Аль-Джанкой, и на всем этом пути продали девять из тридцати наших автоматизированных рабов, то есть в общей сложности, вместе с купленным ат-аманом, — десять. Причём цена, по которой мы их торговали, была в три раза выше той, по которой мы продавали таких же два года назад в Женеве. Из этого ты можешь заключить, как выгодно оказалось наше путешествие.

Об одной особенности Киммерии я хотел бы поведать тебе особо. Есть в стране этой обряд, который носит название «отпущение амерканца», и о котором я тебе сейчас расскажу, напомнив сперва немного о общественном устройстве за Занавесом.

Киммерия — государство, в котором, как и во всём мире после Падения Сети, восторжествовало рабовладение, ибо по воле Аллаха одним уготована судьба рабов, а другим господ. Однако, отличие Киммерии от всего остального мира в том, что по мудрому усмотрению лунных правителей, господа и рабы раз в пять лет меняются местами. Ты сам знаешь обо всех преимуществах легального нео-рабовладения, уничтожившего систему банков и ростовщических корпораций, сбросившую с плеч наших предков бремя чрезмерного богатства и определившего каждому по разумению Отца Всех Вещей, — должное. Однако не секрет, что рабовладение, так благостно сказавшееся на всех странах, не решило одну из главных проблем, а именно — то, что рабы порой чувствуют себя несчастными, а хозяева часто пресыщаются своей властью и начинают творить беззаконие.

Аль-киммери нашли из этого положения остроумный выход. Тот, кто сейчас раб, после становится господином, а господин после становится рабом. Всё имущество господина переходит к рабу, а имущество раба к господину, и наоборот, и так далее. Они называют это «выборы», указывая видимо на то, что Господин Всех Миров выбирает время и судьбу для каждой вещи. Благо, что имущество господина в стране аль-киммери мало чем отличается от имущества раба. Жизнь они ведут уме-

ренную, питаются молоком, мёдом, хлебом и прочими дарами земли. То же, что не произрастает на их полях, доставляется им из Небесных Городов и делится поровну, невзирая на положение в обществе. Таким образом, хозяева получают от своего положения очень сомнительную выгоду, больше у них появляется лишь забот. Рабы же, напротив, не обременены ни особым трудом, ни ответственностью, ибо большую часть работ за киммерийцев как и у нас на Родине, всё-таки выполняют машины. Кроме того, здешние рабы не так злонамеренны, как рабы в Германии, Боснии или Португалии, так как знают — что они ни сделают, будет их через пять лет. От того они прилежны, смиренны и счастливы. Хозяева же, наоборот, чинны и задумчивы, всегда собраны, ибо на них лежит ответственность за тех, кто через пять лет станет повелевать ими самими.

Впрочем, есть в народе аль-киммери и те, кто постоянно прибывает на правящем посту. Это, как я и говорил ранее, бургомистры-евнухи больших поселений...

Но, я отвлекся.

Что же такое «отпущение амерканца», о котором я начал свой рассказ ранее? Дело в том, что одним из самых почитаемых праздников в Киммерии считается День Отцов. По древней традиции, в этот день, случающийся раз в год и зависящий от положения звёзд, вспоминается прошлое. По древнему завету считается, что виновниками большей части бед в Киммерии всегда являлись именно древние «амерканцы» — то самое мифическое племя, о котором так любит рассуждать брат Джалалькур. И существование которого, напомним, опроверг Эрик ибн-Нарити в третьем томе своей «Истории Ветхого Мира», вместе с существованием самой Амеркии, подтвердив это математическим расчетами, данными по объёму Западного Океана и измерением эклиптики Земли.

На площади делается постамент, на постаменте воздвигается столб, к которому привязывается чучело из соломы. Это чучело и есть «амерканец». Под общие крики народ: «Санкция ответная! Санкция ответная!», — чучело сжигают...

В пределы Симфополиса мы прибыли в начале двенадцатого дня нашего путешествия в границах Жемчужного Занаве-

са, слава Аллаху и крепким ногам наших автоматизированных рабов. В первый раз, увидев этот город, я был счастлив, словно козлёнок, упавший в чан с молоком, ибо поистине, удостоверился в величии Аллаха и понял, что Киммерия величайшая из стран, что мне доводилось видеть в своих путешествиях.

Дома здесь только каменные, пусть и невысокие, и так же как в остальных городах аль-киммери, окружают плотным кольцом величественные развалины зданий древнего мира. Но здешние древние постройки частично заселены. В них располагаются постоянные дворы, ночлеги и конюшни. Сам правитель Симфополиса, евнух Олег Васильев-Налим, сын Джамиля, находится в древнейшем городе Бахач-Сарай, отделенном от Симфополиса полуднем пути на летающей машине, «пчёлке», как её здесь называют.

В самом же Симфополисе идёт непрерывный торг.

Жители всей Киммерии приезжают сюда, чтобы обменять овец на металл, ткани на зерно или лес на рыбу. Иностранцев немного. И большая их часть обменивает товары своих стран на то, что доставляют аль-киммери их правители из Небесных Городов. В Симфополисе много торговых мест, много базаров, есть специальные торжища для продажи легитимных рабов из числа самих аль-киммери и составных частей для конструкторов. Сразу же по прибытии в город мы были оповещены через городских блюстителей, что Олег Васильев-Налим желает, чтобы пятерых из автоматизированных рабов мы довели до Бахач-Сарая, а остальных — вольны продать в Симфополисе, что мы и сделали с радостью, оставив себе только четырех носильщиков для возвращения домой, и двух телохранителей.

После этого, купив то, что можно продать в Новом Бадене и по дороге к нему, посетив Большие Бани, мы с Альбрехтом отправились бродить по городу. Видели развалины старых зданий, Двойного Зиккурата Башен и даже спускались в подземные залы. Видели Семь Памятников Правителю, Стекланный Дом и Солнечные Часы. Мне кажется, что Симфополис очень похож на те города Древней Германии, о которых ты рассказывал, прочитав старые книги. На улицах нет свиней или мусора, лошадей мало. Вечерами, когда темнеет и всегда полная Луна

становится заметнее, на горизонте, над дорогами, начинают парить автоматизированные шары, наполненные средиземноморскими люминесцентными бактериями — здесь они заменяют уличные фонари.

Так, мы отдохнули в Симфополисе и отправились дальше. И именно по пути из Симфополиса в Бахач-Сарай, ко двору Олега Васильева-Налима, с нами и приключилось то самое нападение степняков, о котором тебе писал до меня Альбрехт. Но о событиях этого досадного случая, и о том, что было после этого, и как нам на помощь пришли благородные люди аль-киммери и силы Небесных Городов, ты уже знаешь, и поэтому про это я здесь писать не буду. Воистину, каждая судьба в руках Господа Миров, и каждая жизнь в его ведении, посему следующее письмо, если на то будет Его воля, я отправлю тебе уже из Балаклавы, до которой нам ещё день пути.

Письмо второе:

Рассказ Степана Калиева о вознесении Валерия Периноса по дороге из Казанков на Тополи

Из Казанков я ещё утром вышел, и пошёл вместе с Никитой и Валеркой Периносом до Тополей, чтобы навестить там Клавдию Ивановну — на её День Ангела. Шли мы скоро. Дороги не развезло, ведро стояло почти две недели до этого и леса были сухие, как это обычно бывает у нас в конце июля. Стрекотали кузнечики. Поутру птицы в лесах щебетали, а как к восьми дело дошло, так затихли. Жара наступила. Перешли мы первое поле, второе за деревней, дальше по дороге через рощу мимо ветряков, добрались до полей дальних, у Тележки, да и остановились, посмотрели, как собираются на работы трактора. Тракторами у нас Валерка раньше управлял, но как ему это надоело, так подрядили на эту работу двух близнецов с Почтового, Ваньку и Семена. Они по очереди и ходят за тракторами. Тогда Семен был.

Вышли мы на пригорок, отдышались, и смотрим — две машины идут по полю, перекапывая старый перегной, прошлогодний ещё. Ступают, как пауки, железными ногами, чтобы следов в земле не оставлять, подгребают под себя и переворачивают

пласт. А за ними вороны с грачами — стаей. На соседнем поле, кукурузном, трактора ещё стоят без дела, разогреваются, чтобы полоть сорняк, а Семен рядом, на крыльце сторожки у пульта пальцами машет — учится, как с машинами быть. Конечно, сразу ему всё стадо тракторов никто не доверит, они ж все на автомате. Да и в работе он ещё, считай, всего ничего — первая пятилетка, в господах не ходил даже. Как ему сразу доверишь-то агрегаты сложные? А в Казанках тракторов multifunctional, с Луны, штук сорок. Все по разным полям разбредаются, все что-то весь день делают, а к вечеру в стойла для подзарядки оперативных батарей. Вот и думай, пастух, как тут быть — как с утра, или с вечера, программу задать по данным от метеоролога. С агрономом, Викой Степановной и её анализатором обговори, маршрут просчитай... Молодец Семен, четырнадцатый год пареньку пошёл, а что-то соображает.

Спустились мы с холма, поздоровались. Говорю:

— Здравствуй, Семен.

— Привет, — отвечает. — Дядя Степан, дня доброго.

— Ну как, получается?

— Да помаленьку. Тяжело если честно. Один-два, ну с десяток ещё — можно управиться. А если как сейчас, много, то тяжело очень. Пока за всеми уследишь...

А Валерка-то ему и говорит:

— Ты давай, повнимательней. Я смотрю, что когда правую секцию распределения вводишь, то семь процентов там у тебя, а надо-то сколько?

— Сколько, дядя Валер?

— Сколько... Двенадцать, не меньше! Ты ж им на весь день энергоблок закладываешь, чтоб ходили. И как они у тебя весь день на семи от общего пройдут?

Посмотрели мы ещё на Семена, что он да как.

Постояли немного, пока он остальные машины наши, идущие со стороны казанковского «совхоза», то есть «совершенного хозяйства», как говорят у нас в селе, принимает да работу им задаёт. А после пошли дальше.

От Тележки, если на сам Сарай престольный идти, две дороги считай. Так-то они одна, просто правая, у развилки, там,

где раньше пасека у Андрея Серого была, — всё полями идёт. А левая, от этой пасеки бывшей, — через лес. Как до пасеки мы дошли, посмотрели, что места для ульев есть ещё, и Андрей, поди, через годик-другой сюда опять пчёлка приведёт, глядь — а уже двенадцать почти. Хороши пчелки, трудолюбивы, живут в согласии друг с другом. И мы как они, вместе всегда, в заботе. Но надоть и отдыхать иногда.

Встали, отдышались, воды попили. Достали образки электронные, провели каждый по своему — разложили голографические часовенки. Каждый поставил свою, где вончил: Валерка на пригорке, около шибляка, я на самой кромке лесной, возле рябинника, а Никита возле дороги. Вошли, каждый в свою, помолились Господу, подумали, вспомнили Правителя — ему благодарность да нужды какие были, проговорили. Отдохнули немного, а после пообедали сыром, хлебушком с молоком козьим, и в лес пошли, по левой тропке, как быстрее.

Ну, идём. Дорожка всё теряется промеж кустов. Через ручейки два мосточка прошли, из осинника вышли — в буковый лес, а после и в осиновый снова. Шли, наверное, полчаса где-то, дошли до Марьиной Заимки, и там я смотрю — шелковица поспела. Стоят кустики, много, ягодки все — то пурпурные, то чёрные, крупные. Красота. И кусты такие высокие, много ягод, дерево считай. На землю почти вся попадала. Говорю я ребятам: «Давайте, идите вперед, я сейчас прособираю Олежке с Валея, чтоб передать гостинец, и вас опосля догоню!». Они и пошли вперёд. Стал ягоду брать. Сошёл с тропинки, чтоб в кустах прособирать, в самую заросль. Стою, рву. Тихо, птички поют, через листики солнышко светит, нету никого. Благодать на сердце, думаю, как ребятишкам ягодок-то передам, да только слышу тут — шум какой-то со стороны дороги. Неужто кабанчик, тоже за ягодкой пришёл? Чего делать? Решил затаиться. Сгреб ягодки в туесок, да и сел на траву, чтоб меня не было с дороги видно. Думаю, если учует то так и так не поздоровится, а может ещё и пронесёт, мимо пройдёт, да и не заметит. Или на дерево залезу, в случае чего.

Смотрю, не дышу, считай, гляжу во все глаза, и вижу что не кабан это! Появилась из кустов одна голова — чёрная, в грязи вся и в листьях, как облеплена ими — чтоб не видели кто не

надо раньше времени. Потом вторая, третья... Страшные все, кто в лохмотьях, кто в сетках каких-то для незаметности, кто в одежде зелёной да коричневой. Степняки. Мама моя, думаю, это про них же дед-то мой говорил. Ну, что было раньше племя степняков у Радужных Озер на севере, как караи наши или татары с русиями, жили со всеми в мире. А только баловать начали. Посадит кто у себя репу, или кто за малиной пойдёт, за рыбой в садки ближайšie — а они из степи — тут как тут. Вынь им да положи половину, или больше. А с чего это? А вот с того, что если не дашь, то всё заберём и тебе самому ещё навешаем. Ну, кто посильнее от них поначалу отбивался, а потом так они расплодились, что смотрит Правитель с Луны на них — и думает, как быть-то? Смотрел-смотрел, да надоело ему это — топнул ножкой, и полетели камни да огонь с неба, все их дома пожгло-побило, а самих их он сослал бродить по землям мимо. А жили они, говорят, в городах тех старых, которые ещё сейчас есть, только входить в них никому нельзя и мы только оттуда камни иногда так, таскаем, если подпереть что надо или в хлеву стенку укрепить. Стали они с той поры — степняками, не людьми считай, нечистью лесной да болотной. Ну, или пустынной, в самой жаре живущей по пустыням значит. И заходить Правитель запретил им к нам, за Занавес, который стеной теперь нерушимою от земли до самого неба поднимается.

Ну, сказки эти дед мой говорил, я в это не верил — много всякого есть, а что от чего пошло, это уже и не узнаешь сейчас. Есть, говорят, что-то. Слышал, конечно, что на севере там, или у степей баловали раньше, путников грабили, «пчёлки» забирали. Но у нас-то чтобы... А вот на те ж — и тут объявились!

Но гляди — вот они, душ двадцать, не меньше. Как мне-то теперь быть?

Ну, посмотрел я ещё на них, посмотрел, да побежал к своим через кусты. Уж не знаю, услышали степняки меня, или нет. Кустами всё бежал, по пади вдоль дорожки. Ободрался весь ветками в кровь. Слышу только, кричат за спиной на своём что-то, гогочут. Шибко бежал. Добежал до прогалины. Смотрю — вот она, дорога вторая, полевая, на тракт, прямо передо мной. А на дороге той, рядом совсем — стоят Никита с Валеркой. А возле них обоз.

Не наш обоз, с машинами-работниками, с телегами тремя, и двое купцов с германщины, все в жёлто-белом. Ну, а перед обозом, там, где деревья высокие начинаются, и дорога столбовая идёт до самого Бахач-Сарая, брёвна и камни навалены. Много брёвен да камней, большие, не поднять их и не перетащить. А телеги с обоза по лесу не пройдут, не развернуться им там. Понял я, что засаду устроили, получается, на купцов, а мы просто так, под раздачу с ребятами-то попали. Бегу по прогалине, кричу:

— Валерка, давайте назад пусть идут! С лесу выходят!

— Да где!?

— Да вот! — подбегаю, и показываю ему на лес.

А там-то, мама моя, толпа уже. Высыпали все, как муравьи, через кусты и бурелом лезут. Откуда их здесь столько, как через Занавес прошли? Кто их знает. Только чувствует сердце моё, — не поздоровится нам сейчас.

Ну, достаём ножики. Ставлю свой на максимальный звон. Ясно, что убивать их нельзя. Что мы, нелюди что ли? Да и они тоже вроде как свои, ну то есть раньше своими были. Но ножик если на максимуме стоит, он конечно радиус действия увеличит, и так огреет, что память сразу потеряет, кто к тебе полезет. Жаль только, заряда у него в таком режиме надолго не хватит.

Купцы — те посерьёзней. Младший, который безбородый даже, достает со своего балдахина, который два болвана железных держат, струнный резак, обоюдоострый. Старший вынимает из-за пояса то ли дубинку, то ли что похोजее, но другое. Так кроме этого, у них ещё и машины их, особые, охранные, как наши трактора, только меньше и вроде как с руками, стоят рядом уже наизготовку. Эти-то шадить степняков не станут.

Ну, стоим. Старшой из купцов говорит:

— Господь послал нам вас. Давайте же вместе, если такое случилось.

А степняки всё ближе, бегут по травке, кричат. Встали мы рядом, телеги с обоза за спиной, и тут-то бросились первые из них на машины купцов, а потом и на нас.

Никита отбивается, Валерка их кидает в стороны. Слышу, свищет и струна у младшего из германских, туда да сюда пощелкивает. И на меня двоё налетели, с какими-то прутьями же-

лезными в руках. Полоснул я одного ножиком, тот закричал, да в траву упал, а второй отскочил и сбоку ко мне заходит. Ну, я его тоже. А потом ещё один, и ещё, только следующие поосторожней стали, издав рогатинами норовят достать, шестью длинными. А со стороны телег, сзади то есть, остальные заходят да товар купеческий с возов сбрасывают и в лес уносят. Работников механических, германских, поломали на части. В круг нас берут, получается.

Не знаю уж, сколько мы с ними дрались, только чую, что сил нету больше. Вот-вот одолеют. Выбились мы из сил, плохо дело. Никита вон еле дышит тоже. Оттеснили нас степные к самому лесу, телеги им остались на поживу. Стоим все кучкой, друг к дружке прижавшись, и как от стаи собак визжащих отбиваемся. Горе одно, сходил на аменины... Только слышу — как перезвон, или стрекотание какое-то. Да неужели же, родненькие? И вправду, так оно и есть — архонтии-ангелы. Никогда нас не бросают, и тут не опоздали, слава Богу!

Со стороны Сарая, с шибляков холмистых, летят над деревьями. Человек десять, не меньше. Крылья широченные, дрожащие, сами доспехами на солнышке сверкают так, что аж глазам больно, и в руке у каждого по копию. По одному как пошли вниз, да как слету давай из копий-то по степнякам палить! Мама моя, ни разу такого не видел. Как молния такая прозрачная, но не из света, а как из воздуха. Раз в одного, раз в другого, — и в которого попадёт, так тот как бы замертво падает.

Ну, думаю, теперь наша возьмёт. Расхрабрились мы, и давай тех, что в нас с улюлюканьем палками-то тыкали, гнать на телеги, около которых архонтии уже на землю спустились. А этим деваться некуда, злыми совсем стали. На своём языке что-то ругаются, да бьются всё шибче. Присмирил я одного, побежал за другим, и тут слышу, Валерка кричит:

— Дядя Степан, ножик у меня кончился совсем!

И Валерка, значит, ко мне бежит. А за ним-то степняк один, страшный, тощий такой, с палкой о конце железном. И только вот оставалось до меня, наверное, шага три сделать, как всадил Валерке-то он палку эту в спину, пониже лопаток. А потом того степного молнией архонтиевой снесло, да только поздно уже.

Подскочил я к Валерке, что мол, да как? А он:

— Тошно мне, руку не чую, по спине холодно.

Смотрю, а он в крови-то весь. С рубашки капает, на травку течёт. Не знаю, что делать. Палка степняковская рядом лежит, а наконечник железный отломался и со спины-то у него и торчит. Ой, беда.

Разогнали степных, купцы подошли, а Валерка лежит, и встать не может, да кровь у него всё не унимается. Совсем того, видно. Смотрю — и бледнеет, и глаза закрывает уже, как будто спать вончтет. Я его толкаю, не спи мол, щас пойдём, перевяжем, добредём до Тополей как-нибудь, там промоем рану, и не такое бывало, помнишь же, а он — молчит, только что-то головой мотает. Мол, не пойду, не смогу, — видать, говорит.

Заплакали тут мы. Что ж делать-то? Праздник, люди ждали всех троих, а мы что ли вот так — и не дошли, и человека не уберегли?! Да и не наше вроде дело было, и помогли опять же — разве ж можно вот так-то, парня чтоб сгубило? Нельзя ж так-то, мушмула ты эдакая... Ну, молчат все, даже купцы эти германские ничего не говорят. Поняли тоже видать, что дело плохо и ничем Валерке не поможешь.

Но тут, смотрю, архонтий один от своих отошёл, и к нам идёт. Высокий, в шлеме, крылья сложились и за спиной, как короб такой, плащиком прикрытый.

— Ну что у вас тут, — здороваются, и говор такой, будто как и наш вроде. — Что случилось, в чем беда?

— Да вот, — говорим. — Валерку нашего вишь как поранило-то.

Посмотрел он на него, присел на корточки. Потом взгляд на палку степняковскую перевёл, её потрогал. Достал что-то из-за пазухи — вроде как трубочку, или ветку такую блестящую, над Валеркиной спиной поводит, посмотрел опять что-то, языком поцокал:

— Да, ребята, плохо дело. Ну да, сейчас посмотрим...

И отошёл он немного от нас.

Посмотрел на небо, рукой по руке провёл, да давай что-то тихо говорить, будто сам с собой. Постоял, поговорил немного — не пойми с кем, да и к нам возвращается.

— Ну, вот чего, ребята, разрешили мне Валерку вашего с собой в Небесный Город забрать. Тут ему в живых уже не остаться. Завал мы разобрали, телеги ваши проедут, куда вам нужно. А Валерка ваш герой считай, семерых степных смог положить, а может и больше бы успел, если бы сам не слёг. Мы его выходим, вы не сомневайтесь в этом, только возврата ему из Небесного Города уже не будет, это вы и сами хорошо знаете.

Сказал он так, и подошёл к Валерке уже почитай бездыханному. Коробочку откуда-то достал, что-то там открыл, искал, как пилюлю такую прозрачную, с голубиное яйцо, нашёл, да к Валеркиному лбу и приложил.

Задышал Валерка.

— Идите давайте, идите, — замахал архонтий на нас рукой. — Нечего вам тут стоять, придавит ещё!

И правда, смотрю, а машина грузовая откуда-то сверху, квадратная, белая, спускается, и гудит всё вокруг, по травке волна как бы пошла, и деревья закачались.

Ну, мы и пошли с Никитой.

А тут купцы нас окликают — куда идёте-то? Говорим, что в Тополи идём, что по дороге на Сарай. Они нас доведут и согласились. Доехали мы до третьей развилки на их телегах, а там уже и дом Клавдии Ивановны видать.

Нам даже не поверили сперва. Разве такое может быть у нас-то? Только потом поверили, через неделю. Нашла Клавдия Ивановна на крылечке у себя, поутру, записку. Валерия Периноса рукой писанную, да на бумаге такой, белой-белой, как снег, что аж глаза режет. Там он привет ей передавал, с именинами поздравлял и извинялся, что повидать теперь не может. Выходили его, почитай, за неделю, и остался он теперь в Небесном Городе, с архонтиями жить.

А про степняков после этого у нас и слуху не было — пропали, как и не появлялись.

Письмо третье:

Записка от неизвестного, найденная архонтом Паисием Сигма-30\14 в своей келье за час до его добровольного погружения в Альфа-Сон

Привет тебя, мой брат. Ты знаешь, для чего я пишу тебе всё это. И я уверен, что ты уже готов к определённой тебе. Однако я считаю должным ещё раз напомнить о причинах того, что неминуемо произойдёт.

Вот уже семь с лишним столетий наша Родина, Киммерия, придерживается двух равновеликих основ своего существования. Теотехнос и панкратия, две опоры нашего государства, незыблемо хранят заветы предков и ведут нас в будущее. Первый принцип — благословление творения человеческого разума и рук человека, — то, что обитатели всей Земли называют «Вечным Правителем». Ты знаешь, что это самообновляемая метапрограмма, ни разу не дававшая сбоев и постоянно самопорождающая самоё себя, с Божьей помощью и при содействии наших учёных и философов. Великий искусственный разум, расположенный на Луне, составленный из психоматриц всех тех правителей нашего государства, что оставили о себе память в истории, и виртуальные личности которых удалось восстановить. «Вечный Правитель» всегда бесстрастно анализирует процессы, всегда находит оптимальные варианты. Он неподкупен и мудр. Ежесекундно он определяет возможные варианты наилучшего существования не только нашей Родины, но и всей Земли, бремя ответственности за которую мы все сообща несём. Он не принимает решений, потому что искусственный интеллект всегда будет уступать человеческому разуму, созданному Творцом. Однако, он может анализировать и распределять, опираясь на опыт виртуальных личностей, заложенных в нём.

Из этого же его свойства проистекает и принцип панкратии — «власти всех». Ибо «Вечный Правитель», пусть его и считают личностью, или даже человеком те, кто не осведомлен о его природе, не более чем фильтр и перегонный куб для нужд и просьб наших граждан. Каждый раз, когда кто-то из обитателей Земной Киммерии возносит к нему мольбу, посредством моленных галлопроекторов-«часовен», или же оставляет свою просьбу в канцелярии города, «Правитель» немедленно получает этот сигнал и обрабатывает его. Он влетает его в вечный узор непрерывно меняющейся системы построения государства. Действительно, столь сложный процесс синтеза под силу только лишь машине.

Потому что, и просьба крестьянина из Качи, и размышления космогеолога из колонии на Меркурии, и мольбы табунщика из степей у подножия Белой Горы, и даже сны летящих в направлении Бетельгейзе колонистов — всё попадает в великую матрицу «Правителя». Всё находит свое место, всё учитывается и приводит в итоге к наилучшим синкретическим предложениям. Базируясь на которых, архонты помогают людям не только Киммерии, но и всей Земли.

Да, не только жители Небесной и Земной Киммерии, но и все остальные обитатели нашей планеты, осознанно или нет, помогают «Правителю» в деле поддержания мира в идеальном состоянии.

Ведь тот самый Жемчужный Занавес, что жители Земной Киммерии считают стеной, а жители иных стран — куполом, накрывающим нашу Родину, на самом деле укрывает всю остальную Землю, и лишь Киммерия свободна от него. Занавес каждый день, каждый час питает все континенты, что укрывает, благотворной энергией мегаионов, «киммерическими силами» по Пловдию, помогает нормализоваться почвам, очищает реки и стимулирует рост деревьев. Его силы, основанные на гравитационных волнах остановленной ради спасения нашей планеты Луны, неустанно скрепляют друг с другом слои литосферы, когда-то разрушенные необдуманными действиями правителей прошлого, только лишь забиравшими у Земли, но не дававшими ничего взамен. Тот древний катаклизм, приведший к столь плачевным последствиям, иногда называют Падением Сети или Разрушением Моста.

Но эта изоляция позволила Киммерии воспрянуть и сохранить древние знания былых империй, преумножив их.

Этот же Жемчужный Занавес, сплетенный с Луной бесчисленностью призматических струн из тончайшей кси-лучевой энергии, принимает в себя всю боль, все жалобы, все страдания наших братьев, жителей иных частей Земли. Как можем, мы поддерживаем мир и стабильность в этих регионах, оставив нашу Родину, Киммерию, незащищенной и свободной от благодного покрова Занавеса. Ибо иначе, в соответствии с тезисом Маркова, вся энергия лунных генераторов и их дублёров,

расположенных в Арктике и Антарктиде, пришлось бы именно на Киммерию, а остальные части света оставались бы в ужасающем, мёртвом виде. Тогда наша планета была бы уничтожена центробежными моментами её вращения и силой остывающего ядра. Возможно ли такое допустить? Нет. Потому-то Жемчужный Занавес, как символ триумфа теотехноса и панкратии, и мерцает на небосклоне Земли.

Мерцает пока что. Но мы все знаем, что пройдёт совсем немного времени, и необходимость в нём отпадет. Новая Земля станет вращаться вокруг нашего Солнца, соразмерно с волей Господа.

Ты помнишь, как далеко мы шагнули за эти годы. Пока Земная Киммерия пребывала в тишине и покое, пока наши граждане, приведенные к Новой Античности, самому благостному и оптимальному государственному строю за всю историю, пребывали в своих скромных трудах, наверху кипела работа. Сотни Небесных Городов, Платформ и Сфер создавали экзопланету. Нити и дуги углеродистых эклиптик, тросы сверхстали, микросетчатые надиры, крытые модули — все это вскоре выстроит надежную защиту для нашей Земли. В Занавесе отпадет нужда, так как этот, внешний, находящийся вне атмосферы Земли «скелет», эта небесная броня позволит постоянно поддерживать нашу бедную планету в стабильном состоянии без использования гравитационной тяги спутника. В тот день Луна вновь начнет двигаться по небу, и Занавес, исчезнув, явит всем земным народам великую славу Киммерии. Этот день, День Славы — то, чего все мы ждём.

Каждый гражданин нашего необъятного государства, протянувшегося мобильными космоколониями и стационарными постами в границах Солнечной Системы и уже, к нашей общей радости, за её пределами, приближает этот день. Земля истощена, мы не можем более использовать её ресурсы, ведь наша задача — спасти её, а не уничтожить. Небесная Киммерия понимает это. И поэтому великий «Рой Киммерии», словно усердные пчёлы, ежечасно собирает строительные материалы по всей известной нам Вселенной. Металлы из внутреннего пояса астероидов, гелий, кварц и сидорит, запасы скрытого первичного водорода

— всё идет в дело. Партии наших геологоразведчиков и армады механических старателей, корабли-сборщики, планетарные баржи, носители перерабатывающих микрозаводов и пресс-генераторы... Все эти силы направлены на создание экзопланеты, Новой Земли, Киммерии Небесной.

Жители же Земной Киммерии, этого Ковчега, хранят, пусть и сами не понимая этого, вечный дух идеального государства, находящегося в согласии с Богом и природой. Они сохраняют всё это, повинувшись незримой и бескорыстной воле «Вечного Правителя». Это их добровольный выбор и добрая воля. Ибо, как может машина — заставить человека что-либо сделать? Мы все только лишь следуем тому пути, что начёртан нам «Правителем», и каждый отвечает за своё.

Отвечаешь за своё и ты. И от этого ещё более осознавать, что ты совершил столь тягостный проступок. Ведь именно под твоей юрисдикцией были тоннели, соединяющие Пятую Шахту и древнюю энергостанцию близ Бахач-Сарая. И именно ты, а не механизмы или программы, должен был следить за перемещением мародеров из пустынных земель на севере полуострова, носящих в Земной Киммерии имя «степняков». Именно ты должен был перекрыть шлюзы в седьмом отнорке и не допустить их дальнейшего продвижения к поверхности. Прискорбно, что эти люди проникли на благословенные Богом земли. Печально, что они напали на тех торговцев, что следовали из Нового Бадена в Бахач-Сарай. Ведь в соответствии с предписанием А-890 «Вечного Правителя», в ближайшее время нужно как можно активнее восстанавливать прерванные связи между теми странами, что находятся под терапевтическим покровом Занавеса, и Киммерией, дабы в перспективе для инородцев не было шоком величие нашей Родины. Именно поэтому сейчас и увеличено пропускное число купцов, которые могут входить в наши земные города под любым, самым незначительным, предлогом.

Но ещё страшнее и горше от того, что по твоей вине чуть было не погиб один из членов нашей большой семьи, Валерий Перинос, ныне обитающий на крытой платформе номер 17, выполняющей поддерживающие функции терраморфинга в квадрате Океания-Фиджи. Благо, по давнему завету «Правителя»,

теперь он принят в славные ряды лунных архонтов и готовится нести своё благодное бремя по спасению Земли.

Что стало причиной этого, брат мой? Твоя невнимательность, твоя поспешность, твоя всем известная любовь к коме, являющаяся отголоском твоего же происхождения из Земной Киммерии? Ведь ты, напомню, как и Валерий теперь, был когда-то Вознесен в Небесные Города, правда, при обстоятельствах не столь трагических.

Я не знаю. И не мне тебя судить. Но думаю, ты сам — знаешь. Тебе известно, что «Вечный Правитель» определяет меру наказания для каждого из провинившихся архонтов. И тебе известно, что главное это не наказание, и даже не возмездие. Нет толку в том, что приносит боль или страдание. Но понявший всей душою свой проступок, осознавший, какой вред он нанёс Киммерии, никогда не совершит чего-то подобного впредь.

Поэтому, как ты уже знаешь, тебе определён Альфа-Сон. Это сурово, брат мой, но у нас не было выбора, когда мы изучали предписания «Правителя» и решали, как быть в этой ситуации. Я могу смягчить твои муки, успокоив тебя сейчас, так как в Альфа-Сне ты не будешь помнить ничего из того, что окружает тебя в момент бодрствования. Единственное, что будет связывать тебя с реальностью — это те самые Три Знака, являющиеся знаменами скорого завершения твоего сна и скорейшего возвращения из царства грез.

Итак, ты будешь погружен в сон о возможности иной Киммерии. Там не будет безличного псевдоразума теотехноса. Не будет всеобщего правления. Будет только деформированное, ужасное подобие общей власти. Ты увидишь весь ужас разобщённости граждан и их страха перед извращённым по воле меньшинства понятием государства. Сон напомнит тебе о древней «экономике» и «политике». В виде призрачных картин, ты узришь все те ужасы, что гнездятся в сердце человека, истинно любящего Родину и понимающего её значение для Земли.

Тебе известно, что в Альфа-Сне нет возможности что-либо предсказать точно, однако я сообщу, что с вероятностью в 78%, аналогом программы «Вечного Правителя» там будет некая конкретная личность. Киммерия будет иным государством,

состоящее из множества гипертрофированных областей с клептократической системой зависимых подчиненных. У этой прозрачной страны будет и иной символ. Не пчела, а, возможно, крылатый як. Или иной зооморфный образ. Люди, живущие в ней, станут отличаться от граждан истинной Киммерии — ты поймешь, как низко может пасть человек под бременем своих страстей. Я думаю, что пробудившись, ты сможешь проанализировать всё приснившееся и сделать выводы. И душа твоя очистится. И грех, что бы ни было его причиной, более не проникнет в твоё сердце.

Крепись.

Участь твоя известна, наказание твоё назначено. Я верю, ты понимаешь его необходимость и с Божьей помощью достойно пройдёшь через все невзгоды сна. Тебе будет казаться, что прошли десятки лет, на самом же деле в Киммерии пройдет не более получаса. Ты увидишь войны и нищету, голод и предательство, ненависть и ложь, но помни, что это всё сон. А любой, даже самый страшный, сон, когда-нибудь заканчивается.

Делай, что должно, и будь что будет, брат мой.

Ничего не бойся.

Станислав ЯНЧИШИН

г. Кирьят-Шмона. Израиль.

ПОМНИ МОЮ УЛЫБКУ!

— Нужно наточить меч, — он произнёс это так, будто речь шла о перочинном ноже. Перочинный, — кто теперь помнит это слово?

— Барс, нам готовиться к утру? — спросил его Юр, дружинник.

— Нам готовиться всегда! — в этом был весь Барс. Никогда не поймёшь, шутит ли он или говорит серьёзно. Дружина уже привыкла — не шутит! И не стоит глядеть в глаза Барсу, когда он говорит так!

— Женщина, — обратился Барс к одной из пробежавших мимо. — Дай мне точильный камень!

— Возьми, Барс!

— Ты не женщина... — несколько удивился Барс, внимательно посмотрев на неё. — Ты ещё не женщина, а смелая. Как тебя зовут?

— Настя.

— Настя... Настя?! Старое имя!.. Настя, Настенька... Я помню... Сегодня вечером ты сиди со мной!

— Ты смелая, — констатировал Барс, закончив точить меч. — Ты сидишь рядом вот уже час и не боишься! А может, ты дура? — он задумчиво посмотрел на девушку. — Нет, ты не дура!

— Мне незачем тебя бояться, — промолвила та.

— Незачем? Эх, рыжая, ты ещё ничего не понимаешь в жизни! Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Значит, когда они прилетели, тебе было семь, и ты ничего не помнишь...

— Я помню...

— Девчонка, что ты можешь помнить?! Даже я уже почти всё забыл, — и он повернул к Насте свои холодные равнодушные глаза.

— Я помню. Помню, как горели спутники...

— Молчи! — в какой-то момент Барсу показалось, что ему страшно от этих её слов «горели спутники...». — Молчи, глупая! — он помолчал, потом заметил: — Ты принесла мне точильный камень.

— Да, ты же хотел наточить меч!

— Меч, это даже не топор! Топором можно рубить деревья. Будут дрова, будут дома. А меч... это — для убийства и только!

— Почему ты так переживаешь? — в её голосе послышалась боль.

— Переживаю? — Барс несколько опешил. — Девчонка, откуда ты набралась таких слов?

— Это же обычные человеческие слова!.. А сколько тебе лет? — вдруг спросила она.

— Тридцать три, — неожиданно для самого себя ответил Барс.

— Возраст Христа...

— Кого?

— Христа! Иисуса!

— А, помню, его ещё называли богом...

— Ты мусульманин? — осторожно поинтересовалась Настя.

— Что? Нет! Я — атеист!

— Так, у тебя нет веры? Понятно...

— Глупая девчонка! Разве вера и религия — это одно и то же?

— Я никогда... — удивилась девушка. — Я никогда не думала, что ты можешь так рассуждать. Ты — Кровавый Барс!

— Конечно! — усмехнулся он. — Я вообще не рассуждаю, я пью по утрам кровь невинных младенцев, а вечером предаюсь диким оргиям. Да?

— Некоторые так говорят... — потупилась девушка.

— Говорят, что кур доят. Шутка. Ты боишься меня?

— Наверно, все, хоть немного, боятся тебя.

— Правильно делают!.. Я хочу тебя!

Настя молчала. Молчал и он. Это продолжалось минут пять.

— Смелая и глупая! Смелая, честная... Очень многие женщины, услышав такое, тут же стали бы раздеваться! А ты — умничка! Я уже почти люблю тебя...

— Барс, ну разве так можно? — Настя покраснела.

— Упрекаешь?

- Но, это же, священные слова!
- Но, я же сказал «почти». Барс хитрый!
- А ты всегда был таким?
- Что?!

...Его душа готова была взорваться, от неприязни к самому себе.

— Ты расскажи, что ты помнишь, о времени, когда пришли они, и решили нас помирить, когда перестал взрываться даже порох?.. — спросил Барс.

— Я помню... я помню, как потух свет в доме, помню, как один за другим падали спутники...

— Спутники... Закрой глаза! — взревел он.

Ей вдруг, действительно, стало страшно, но глаза она послушно закрыла.

— Спутники... — этот голос не принадлежал Барсу: — Я помню спутники, их были тысячи. Тысячи! Были корабли — мечта моего детства, — голос почти стонал, простой, живой человеческий. — Я так надеялся... я мечтал стать космонавтом! Ай, ты же не знаешь, что это такое! Наверно, я ещё, в глубине души, надеюсь. Ведь я ещё совсем молод, хоть по моим глазам этого не скажешь. Увы, мы сами всё сожгли своей ненавистью. Я уже не могу смотреть на звёзды, прекрасные далекие звёзды... — они больше не мечта, а жестокая реальность! Блюдца, явившиеся однажды, сказали: «мы спасём вас, люди!» И они стали это делать! Ах, если б дело было только в порохе, но нет! Они лишили нас всего, что может как-то двигать прогресс... Я иногда думаю, а не сбылись ли сумасшедшие мечты некоторых наших идеалистов? Или это просто грязный эксперимент... Порох, тротил, атом... Не в этом было дело! Мы точим мечи, клеим луки. Города обросли крепостными стенами. Мы по-прежнему ненавидим себя.

Мир стал злее, у меня не было другого выхода, кроме как оставить лишь одно из своих лиц, чтобы защитить себя, тебя, тысячи таких... И я стал злее, потому, что там, на севере, за Перекопом, собираются банды. Потому, что за нашими спинами этот городок и ещё сотни тысяч жителей Крыма!

Прости, я много лет не плакал, прости... Я потерял всё и всех. Я не могу...

— Открой глаза! — приказал Барс.

Стояла глухая ночь, где-то стрекотали цикады, мягкий ветерок стелился по степи.

— Ты всё слышала?

— Да... — тихо выдохнула Настя.

— А теперь — забудь! Забудь обо всём этом и никогда не вспоминай, сколько бы мы лет с тобой не прожили!

— Мы? С тобой? — недоуменно спросила она.

— Ты будешь моей женой!

— Это ты так решил?!

— Решил? — Барс удивленно посмотрел на девушку. — Разве такое можно решить? Просто, так будет... не сейчас. Я знаю!

— Но, послушай, Барсик, миленький...

— Как ты сказала?!

Барса больше не было.

— Ты кто?

— Я всё и не всё, я везде и нигде!

— Так не бывает...

— Бывает ещё и не так, красавица!

— Я?

— Ты! Ты — самая прекрасная из всех, ходивших под луной, пересекавших моря и страны, вдыхавших аромат степей и горных вершин...

— Ты не можешь быть Барсом!

— Барсом? Нет, конечно, я — Пард!

— Пард... какое странное имя!

— Настя, Настенька...

— Откуда ты взялся?

— Я был с тобой всегда! Я был в твоих снах, я бежал диким зверем, неся ястребом в поднебесье, я всегда видел тебя, я всегда берёг тебя! Я отгонял тьмы врагов, диким скакуном проносился по степи, ещё не веря такому счастью.

— Какому?

— Что ты есть! Есть, единственная, прелесть ненаглядная, звезда рассветная, луна полуночная — счастье несказанное! Ты!

— Почему так горят твои глаза?

— Потому, что они — только для тебя! Для тебя — развеять сумрак ночи, уберечь, защитить, приласкать, подарить мечту! Они всегда будут смотреть на тебя!

— Твоя улыбка...

— И она для тебя! Помни мою улыбку, помни всегда!

— Ты не уйдёшь?

— Как я могу уйти? Я ведь ещё не станцевал с тобой вальс. Ты не знаешь, что такое вальс? Это просто, смотри: и, раз, два, три, раз, два, три... У тебя замечательно получается!

— Ты просто соблазняешь меня...

— Да, любимая, я всегда мечтал об этом. Я влюбился в тебя с первого взгляда!

— А, разве, так бывает?

— А разве бывает иначе?!

— Ты... сколько у тебя было женщин?

— Ты — первая!

— Ты врешь!

— Вру.

— Ты...

— И ты!..

— Опять утро. Уже утро! — Барс сидел на верхушке кургана и глядел на последние гаснущие звёзды.

Настя тихо подошла сзади и обняла его за плечи:

— Скажи, а кто был тот, не назвавший своего имени?

— Тоже я, — голос воина опять звучал холодно и безразлично.

— Я понимаю, но, как его звали, какой он?

— Это было давно, слишком давно, сейчас не его время.

— Он вернётся?

— К тебе... может быть.

— Я буду ждать!

— Нет! Это будет лишь через восемь лет.

— Не шути так! Я буду верна!

— Нет, у тебя будут мужчины.

— Прекрати! Ты жесток! Зачем же ты всё это...

— Потому, что это наша судьба. Мы будем вместе. Нескоро. Я знаю. Это мой дар — знать. Не самый приятный дар!

— Скотина! — Настя заколотила кулачками по его плечу.

Дружина выходила из ворот Красноперекоска.

Последним, на вороном коне, ехал он.

— Стой! Подожди, милый! Не уезжай так! — девушка схватилась за стремя всадника. Несколько мгновений он ни на что не реагировал, глядя вдаль, как в пустоту, и вдруг...

— Маленькая моя! — чьи-то горячие губы приникли к её устам, обожгли, опьянили...

Глаза! Это не были глаза Барса. Пард? Ближе, но, не совсем он... Они оба и ещё кто-то! Кто? Кто смотрел сейчас на Настю? Кто улыбался ей такой нежной, чуть усталой, лучезарной теплой улыбкой? Кто гладил ее волосы?

— Я вернусь, милая! Помни — всё будет хорошо! И ещё — наша судьба... Помнишь тот точильный камень?

— Да.

— У каждого сердце — такой камень! А что он будет на нём точить, какую судьбу себе выточит, меч или... Помни мою улыбку! Всё будет хорошо!

Конь уже уносил седока, а в висках Насти билось: «всё будет хорошо!»

— Я буду ждать тебя! — изо всех сил закричала девушка.

— Не будешь! — донеслось издалека.

— Я буду ждать!

— Не будешь! — пропел ветер.

— Я буду ждать!

— Не будешь!.. — прошептали травы.

— Я буду ждать!

Елена ШМИДТ

г. Пятигорск.

ИЗ ГЛУБИНЫ...

Зачем люди едут на море? Станный вопрос. Отдыхать, конечно. На пляж ходить. А что люди делают, когда ходят на пляж? Лежат. Играют в карты. Развлекаются. Пьют пиво и курят. Всё это в разных сочетаниях. Иногда на пляже лениво болтают по телефону, изредка прерываясь, чтобы запечатлеть самый удачный кадр сезона, тут же размещают его в соцсетях... И снова разговаривают, обсуждая выложенное фото, с риском разбить свой новомодный гаджет о пляжные камни, тут и там норовящие досадить своей выпуклостью вашей мягкости. И, наконец, самое главное — купаются. Неужели есть противники купания? Приехать на море и не искупаться?! Бр-р-р!

В этом году с отдыхом у Капитоновых не заладилось. Сначала не отпускали самого Эдика. Потом, когда ему дали «добро», Дашин начальник решил проявить характер и объявил, что пока он сам не съездит в отпуск, с места никто не сдвинется. Потом ушёл в отпуск его зам.

Даша совсем отчаялась, и каждый вечер пыталась визуализировать гобелен с «Ласточкиным гнездом». Выходило плохо — картинка в голове никак не складывалась, но так хотелось первый раз отдохнуть всем вместе в Крыму. Пусть даже плохая погода и дожди, всё равно это отпуск! Они просто будут ходить по пляжу, и дышать морским воздухом.

Судьба наконец-то смилостивилась — начальство вернулось и, вальяжно расположившись в своём начальственном кресле, снисходительно отпустило изнывающую сотрудницу на отдых. Благодетели! В одно мгновение Даша простила им всё и убежала собираться.

Семья из четырёх человек, двое из которых дети-погодки детсадовского возраста обоего пола, поставила мировой рекорд по скорости дорожных сборов. Кто знает семейную жизнь, тот поймёт. «Один дома» смотрели? Вот. Все бегают, что-то пыта-

ются делать, друг другу мешают и не достигают никаких результатов. А маме потом приходится всё делать самой. Однако ровно через два дня младшие Капитошки дружно сопели под пледом на заднем сиденье автомобиля, который приближалась к заветной цели. Погода недовольно хмурилась, но для передвижения в автомобиле без кондиционера это было неплохо. На переправе они попали в жуткую пробку. Дети изнывали от жары и хныкали, но тут пошёл дождь. Нет, не дождь. Ливень. Разверзлись все хляби небесные. Вода текла по стеклу сплошным потоком, и снаружи ничего не было видно. Даша внутренне содрогнулась. Она, конечно, просила любую погоду. Но не до такой же степени...

Добрались до места, тем не менее, благополучно. Потом около часа бродили по извилистым улочкам Гурзуфа, перепрыгивая через ручьи, стремящиеся вниз, к морю, но всё-таки сумели выбрать подходящее по цене, качеству и занимаемому пространству жильё и успешно заселились. После этого, все десять дней отдыха, стояла солнечная погода. Ни единой тучки, ни единой капли дождя. Тихое, прозрачное море спокойно плескалось у берега, даже не пытаясь выдавить из себя мало-мальски достойный всплеск.

Эдик бурчал под нос: на волнах не попрыгаешь, а дети были в восторге. Как и мама, они сразу же полюбили водную стихию и приняли её безоговорочно, со всей детской непосредственностью.

Сама Даша влюбилась в море с первого раза, когда родители вывезли трёхлетнюю девочку на курорт подлечить больное горло. Шлёпая ладошкой по волне, она всё никак не могла понять, почему море всё время от неё убегает. После этого она целый год спрашивала, когда же в следующий раз поедут к ласковой тёплой водичке, и отпуск без моря считался уже не отпуском. Потом она училась в Керчи возле самого моря, потом традиционно отдыхала сама, а в один прекрасный день море подарило ей будущего мужа...

— Чёрное море по своей природе уникально. Исследования последних лет показали, что это гигантский резервуар сероводорода — газа, наличие всего лишь двух тысячных процента которого в воздухе убивает птиц, а одна десятая вызывает тяжёлые

заболевания у людей, — экскурсовод отмахнулся от надоедливой чайки, которая норовила усесться на его широкополую шляпу и продолжил: — Иногда сероводород вырывается наружу и при попадании молнии образует огненные столбы, достигающие высоты восемьсот метров. Известный исследователь Крыма профессор С.П. Попов так описал это явление: «...во время землетрясения наблюдателями трёх маяков западного побережья Чёрного моря была замечена гигантская огненная полоса в пятидесяти километрах от берега на большом протяжении между Севастополем и мысом Лукулл». Однако, истинное дно моря до сих пор мало изучено, и какие ещё тайны принесут нам воды Понта Эвксинского неизвестно. По этому поводу бытует красивая легенда. Жил некогда на свете царь, и обладал он редким даром, который получил во время страшного шторма в море. Чудом спасся тогда царь, едва не утонув, но море внезапно успокоилось и вынесло его на берег, а руки его с тех пор могли исцелять любую болезнь. Царь щедро делился этим даром со своими подданными. Кто бы к нему не приходил, он врачевал любого — будь то богатый сановник или бедный рыбак с дальнего побережья. Люди любили своего царя, но пришло время, и он состарился. Долго думал царь над тем, кому передать свой дар. Один из сыновей уплыл в дальние моря, да так и не вернулся — осел в чужих землях, женившись на принцессе. Другой всё время досаждал отцу — требовал, чтобы тот лечил людей за деньги. Одна лишь выгода была у него на уме. Тяжело вздохнул царь и отправился умирать к морю. «Раз уж некому мне завещать мой дар, так пусть и останется он здесь. Из глубин морских вышел — сюда и вернётся», — сказал царь и зашёл в воду. Закипело море, вспыхнуло ярким пламенем и успокоилось, принимая дар обратно. С тех пор и покоится он на дне, и люди про него давно позабыли...

Экскурсовод обвёл широким жестом морскую гладь, будто хотел показать, что именно там, где они сейчас проплывают, и лежит некий артефакт, погребённый под сотнями тонн ила и многочисленными останками морских кораблей, который способен подарить человеку чудо.

Людей разморило от жары и все с радостью приняли предложение искупаться в открытом море. Даша заплыла дальше всех и с катера уже кричали в рупор, что она всех задерживает. Море было спокойное, вода прозрачная и казалось, что солнечные лучи достают до самого дна. Вылезать не хотелось.

— Ну что же вы, девушка, — высокий белобрысый парень подал ей руку и легко затянул на трап. — Куда уплыть-то решили?

— В Турцию, — фыркнула Даша.

Она терпеть не могла блондинов, но помощью всё-таки воспользовалась. Что-то было в его улыбке таинственное и в то же время притягательное. Даша и оглянуться не успела, как парень накинул ей на плечи полотенце. Она наклонила голову, вытирая волосы, и поймала внимательный взгляд. Девушке показалось, что эти глаза тёмного янтарного цвета с жёлтыми прожилками легко могут приказывать без слов, и она, не раздумывая, понесётся выполнять эти приказания сломя голову. Даша тряхнула головой, отгоняя наваждение, схватила со скамейки пакет и побежала переодеваться.

Через пару дней они встретились в столовой — парень забрал на раздаче две последние порции вареников с адыгейским сыром, а Даша возмутилась вслух, не заметив, что это её давешний мимолётный знакомый.

— Кто не успел, тот опоздал, — многозначительно сказал тот, не оборачиваясь.

Тем не менее, когда девушка уселась на освободившееся место за столиком, возле её подноса тут же кто-то поставил тарелку с варениками. Даша удивлённо подняла голову.

— Что, от жадности много набрали? — ляпнула она первое, что пришло в голову.

— Наоборот, для вас старался, — миролюбиво ответил парень и ушёл искать свободное место.

Даша хотела тут же отдать тарелку обратно, но сметана так аппетитно растекалась по горячим вареникам, исходившим паром, что девушка опять поступила вопреки всем своим принципам и быстро расправилась с любимым блюдом.

После обеда они встретились на пляже. Тут уж Даша точно поняла, что это не случайно. Белобрысый шёл вдоль кромки моря и внимательно разглядывал отдыхающих.

— Никак за полотенцем вернулись? — девушка не могла подобрать правильный тон в общении с незнакомцем. Съязвила, хотя пресловутое полотенце, оставленное им на её плечах, все эти дни таскала с собой в сумке. Вот только в столовке про него позабыла.

— Нет, пришёл за вареники рассчитаться... — парень присел на корточки и совершенно серьёзно заявил. — С вас три горсти песка.

Даша улыбнулась — пляж был галечный.

— Три го-о-орсти? — сказала она нараспев и напряжённость, которая присутствовала в их общении, мгновенно улетучилась. — Не дороговато ли берёте?!

После этого они наконец-то познакомились и со смехом выяснили, что живут в соседних городах, но отпуск неизменно проводят в Крыму. До конца отдыха молодые люди больше не расставались. Даша перестала обращать внимание на белобрывость парня и терпеливо съедала в кафе всё мороженое, не подавая виду, что с её горлом делать этого не следует, а Эдик, как представился незнакомец, не менее терпеливо этим мороженым её кормил и постепенно привык к тому, что Даша заплывала далеко в море одна.

Ночью подул сильный ветер, но к утру всё успокоилось. Погода была тихой и ясной, а лёгкие волны, в которых, то тут, то там попадались полупрозрачные медузы, лениво наплзали на берег. Желающих искупаться в этой студенистой каше было немного — большинство отсиживалось на берегу. Только дети беззаботно ловили медуз и аккуратно раскладывали на спинах и животах своих родителей.

«К шторму», — говорили про нашествие медуз разносчики съестного на пляже.

Даша брезгливо отпихнула ногой бестелесное создание. Медуз она не боялась — не любила просто. Стараясь не замечать неприятных прикосновений, девушка быстро отплывала от берега. За буйками было совершенно чистое море. Даша с наслаждением легла на спину и расслабилась. По небу изредка проплывали белые барашки облаков, море тихо плескалось, на самом горизонте медленно шёл прогулочный катер.

Девушка испуганно перевернулась — в воде раздался грохот, точно на дне кто-то уронил большущий камень. Чуть дальше в море появилась длинная полоса пены, которая через несколько минут исчезла. Подул ветер, и на воде появилась мелкая зыбь — море словно закипело. Даша повернула к берегу и быстро поплыла обратно. За её спиной из воды вырывались столбы пламени, но, к счастью, она этого не видела. Ноги ощутили леденящий холод, поднимающийся из глубин. Даша обернулась, и её тут же накрыло гигантской волной...

Через некоторое время девушка очнулась в большом воздушном коконе. Где-то там наверху светило солнце, а здесь темнота давила со всех сторон своей мрачной безысходностью. Первый раз в жизни море заставило её испугаться. Кругом неспешно плавали медузы, то собираясь в большие желеобразные сгустки, то разбегаясь в разные стороны причудливым хороводом. В голове не было ни одной здоровой мысли, только сердце беспокойно стучало в висках: она хочет жить, она очень хочет жить. Каждой частичкой, каждой клеточкой своего тела.

Даше внезапно захотелось почувствовать кожей тепло солнца, порадоваться первой капле дождя, сорвать в поле цветок, попробовать на вкус зелёное яблоко прямо с ветки, ощутить сладость поцелуя ребёнка. Понять простые земные радости, на которые так часто мы не обращаем ни малейшего внимания. Ведь это и есть счастье. А она... Она ещё ничего не успела в этой жизни. Да и что она могла?

Между тем медузы приплывали и приплывали. Они были прозрачны и аморфны, но их было так много, что стало почти темно. Полчища медуз облепили кокон со всех сторон, границы оболочки сжимались, и Даше стало казаться, что они высасывают оттуда воздух.

Эдик успел вовремя. Он увидел набегающую волну и поплыл наперерез. Даша болталась возле буйка, ухватившись за него обеими руками. Парень не сразу смог их разжать.

Под водой Дашины руки слегка отсвечивали. На воздухе свечение стало почти незаметным, а потом и вовсе прошло. В суматохе никто не обратил на это внимания.

На следующий день на пляже Партенита только и разговоров было о загоревшемся море и гигантской волне, которая так и не дошла до берега, но молодые люди этого уже не слышали. Они поменяли билеты на один рейс и летели домой.

— Мама, мама, посмотри, какие красивые матрасики продают! — дети прыгали от нетерпения возле палатки, сплошь увешанной разноцветными надувными кругами, мячами и матрасами всевозможных форм и размеров.

— Ну, если покупать — только круги, — Даша вопросительно посмотрела на супруга, ища поддержки.

— Они с кругами никогда плавать не научатся, берём матрасики.

Дети завизжали от восторга и кинулись выбирать. В результате продавец снял всё, что у него висело на витрине, и достал столько же из подсобки. С каждой новой партией глаза у детей разбегались, и они хотели взять всё. Эдик развлекался вместе с детьми:

— Смотрите, смотрите — Черепашки-ниндзя, а вот — Человек-паук. Ну, Золушки нам точно не нужны...

— Так! — Даша потеряла терпение. — Берём первое попавшееся и уходим, а то конца этому не будет!

На пляже дети тут же побежали осваивать новые плавсредства.

— И не поплаваешь, — вздохнула Даша. — Теперь за ними глаз да глаз нужен!

— Ничего, будем по очереди смотреть. Плыви, а я пока посижу... — Эдик слегка подтолкнул жену в сторону моря. — Только сама не тони, а то я за троими точно не поспею.

Море ласково приняло девушку в свои объятия. Даша быстро доплыла до буйка и легла на спину отдохнуть.

Уединение нарушил дядька на матрасе, заякорившийся с другой стороны. «Моря им мало что ли...» — досадливо подумала Даша и поплыла обратно, привычно высматривая знакомый зонтик.

Эдик с дочкой шёл от туалетных кабинок, но сына с ними не было. Тот увлечённо грёб обеими руками в сторону моря на матрасике. Даша поплыла быстрее, надеясь перехватить сорванца. Сзади прошёл гидроцикл и море заволновалось. Ещё мгновение,

и волна дошла до маленького мальчика, который не удержался на матрасе и соскользнул вниз.

Родители так и не поняли, кто из них добрался быстрее: Даша по морю или Эдик широкими шагами с берега. Когда отец вытащил ребёнка на пляж, тот не подавал признаков жизни. У Даши тряслись руки, и плыло перед глазами. Она совершенно растерялась и несколько драгоценных минут простояла в ступоре, наблюдая, как Эдик пытается сделать искусственное дыхание, а вокруг них собирается народ. Кончики пальцев неприятно закололо, и Даша очнулась. Она подхватила сына за ноги и резко с силой трянула. Ребёнок закашлялся, сплёвывая солёную воду, и открыл глаза.

— Ма... у тебя руки светятся...

Даша опустила сына на землю, закутала в полотенце, обняла и стала гладить по спине.

— Как же ты нас напугал!

На следующий день Даша сидела на пляже под зонтиком и внимательно рассматривала свои руки, краем глаза наблюдая за дочкой. Матрасики ещё вчера сдули и «наказали», упрятав в багажник машины. Мужчин мама тоже наказала — младшего за непослушание, а старшего за недосмотр, — и на целый день отлучила от моря.

Что-то не так было с её руками.

Вчера она не обратила внимания на слова ребёнка, а сегодня они отчётливо всплыли в памяти. Вспомнились и другие случаи. Дети у них практически не болели. Стоило им только засопеть или без спросу объестся мандаринами — Даша гладила их по светлым головкам или больному месту, и всё волшебным образом проходило. Синяки мгновенно исчезали, а ссадины заживали на следующий день. Они даже ветрянкой переболели неинтересно: у дочки был один прыщик на макушке, а у сына два за ухом. Вспомнила Даша и покалывание в кончиках пальцев, всегда сопровождающее любое детское недомогание.

— Глупости, — фыркнула Даша под нос: — Доченька! Пойдём, милая домой, а то мужчины там без нас точно оголодали.

Вечером Даша рассказа детям сказку, уложила спать и пришла к мужу на маленький балкончик. После вчерашних событий ежедневные прогулки по ночному пляжу они решительно отме-

нили. Дневную жару сменила прохлада тихого предосеннего вечера. Вдалеке темнел Аю-Даг, а у его подножия тихо шуршало море, в который раз рассказывая непонятливому миру свою вечную историю. На быстро темнеющем небе вызвездило. Красавица Венера появилась в сопровождении молодого месяца. Изредка небосвод прочерчивали яркие всполохи метеоритов.

— Открылась бездна, звёзд полна. Звездам числа нет... — начала Даша мечтательно.

— ...Стакану дна, — хихикнул Эдик и отсалютовал небу пивом.

— Да ну тебя, — Даша в шутку отвесила ему подзатыльник, а потом обняла за плечи.

— Руки у тебя... волшебные. Стоит только прикоснуться и всё становится хорошо. Помнишь мою командировку? Я тогда за рулём уснул.

— Это ещё до декрета? Забудешь такое... Если бы я с тобой за компанию не напросилась... Уф, даже думать не хочу. Когда я тебя сзади за плечи схватила — дерево было прямо перед нами.

— А как ты поняла, что я уснул?

— Не знаю... Как стукнуло что-то, и кончики пальцев закололо.

— Я ж и говорю — руки волшебные. Я проснулся мгновенно и уже знал, куда надо руль вывернуть. И знаешь... У тебя тогда тоже руки светились.

— Руки, руки... Я всё утро думаю про свои руки. Не хватало ещё в целительницы записаться, а то вон их сколько вокруг развелось — только меня и не хватает.

— А что? Доживёшь до пенсии и станешь бабкой-гадалкой. Мы переберёмся поближе к морю и будем здесь жить, — Эдик встал и заговорил с пафосом:

— Потомственная целительница в третьем поколении Дарья избавит вас от всех бед и несчастий!

— Не дождёшься!

— Дарья Семёновна... — девушка нерешительно остановилась неподалёку от скамейки на набережной.

— Где? Что такое? — седенькая благообразная старушка, задремавшая было на солнышке, очнулась и удивлённо захлопала глазами.

— Я просто хотела...

Старушка поправила на плечах белоснежную вязаную шаль и внимательно посмотрела на незнакомку. Совсем ещё молоденькая, лет двадцать от силы, а уже проблемы — круги под глазами, заплаканное лицо, пальцы нервно перебирают скомканный платочек.

— Я знаю, вы здесь никому об этом не говорили... Но я... Я просто не знаю, что делать! У меня сестра в ком-е-е! — девушка не сдержалась и зарыдала в голос.

Дарья Семёновна вздохнула.

Ну, вот и кончилась спокойная жизнь.

Лет пять назад они с мужем переехали. На пенсию вышли уже давно, всё мечтали о море, но не решались покинуть обжитые места. А потом как будто подтолкнул кто. Собрались в один момент и переехали в этот тихий крымский городок. Туда, где о них давно уже никто не помнил. Партенит был им дорог как место, где они познакомились. Думали: будут гулять вечерами по пляжу, внуков нянчить, и никто их не побеспокоит больше. Да и Эдуард Васильевич последнее время сторонился шумного общества — прихварывал. Ан нет, и здесь каким-то образом проведали. Слухами земля полнится.

— Слушаю тебя. Садись вот тут, рядышком.

— У меня сестра младшая угарным газом отравилась. В душе купалась, а там что-то с колонкой... Пока скорую вызвали, пока определили что случилось. Она уже второй месяц в коме, не может в себя прийти.

— Детонька, — старушка тяжело вздохнула, посмотрела в сторону моря и покачала головой. — Не знаю, кто вам и что про меня наговорил — я совсем не доктор. Я всего лишь мать двоих детей и бабушка троих внуков. Ничем не могу вам помочь, простите.

Старушка поднялась и побрела прочь. Девушка порывалась было побежать вслед, но рухнула обратно на скамейку и снова разрыдалась.

— Де-ед, а дед, ты дома? Опять под телевизор заснул?

— Не заснул, сморю, — Эдуард Васильевич быстро водрузил очки на место и схватил в руки пульт. — Вот кино показывают...

— Опять про море? — улыбнулась Дарья Семёновна, присела на диван и похлопала супруга по колену. — Как чувствуешь себя?

— Нормально.

Старушка внимательно посмотрела на согнутого в три погибели деда и вздохнула.

— А я сегодня на скамеечке заснула. Солнышко так светит хорошо, чайки носятся как угорелые, вокруг дети играют... А я уснула.

— И что? Начала, так договаривай — знаю я тебя.

— Ко мне сегодня девчушка одна подошла...

— И что? Опять снова-здорово?

— Отказалась я. Чувствую — почти не осталось ничего, уходят силы.

— Вот и помоги последний раз.

— А ты как же, родной?! Тебе же ещё поддерживать! Да и передать кому-то всё это надо... Дети не хотят, у внуков один ветер в голове.

— Пожил я уже достаточно на этом свете. Авось на том свидимся... А девочке ещё жить и жить.

— Да что ты! Как же я без тебя?!

— Сказал — помоги! Точка.

На похоронах народа было мало. Дети, внуки. Соседей несколько человек. Сёстры пришли сразу и помогли, чем могли — не отходили от Дарьи Семёновны ни на шаг. Младшую-то бабушка выходила. Девочка пришла в себя — постепенно расправились скрюченные за долгое отсутствие деятельности мозга конечности, она начала говорить, и уже через месяц вернулась в школу. Что-то такое почувствовала Дарья Семёновна, когда первый раз пришла в больницу и просто погладила девочку по голове... Как искра пробежала. А сегодня поняла — надо идти. С этой нескладной белобрысой девчушкой надо идти к морю. Пришёл и её час.

Ночь была по-летнему тёплая.

Они засиделись на пляже почти до утра — Дарья Семёновна всё рассказывала девочке свою жизнь, то опуская какие-то моменты, то немного их приукрашивая. Та кивала, не переби-

вая, словно впитывала в себя всю вселенскую скорбь, внезапно обрушившуюся на её хрупкие плечи.

— Засиделись мы с тобой — рассвет уже близко. Ты иди, деточка, а я ещё немного посижу. Иди-иди, не волнуйся, всё у тебя будет хорошо.

Дарья Семёновна опустила в воду руки и с улыбкой заметила, что они больше не светятся.

— Пора, — тихо сказала она. — Теперь я знаю, что такое жизнь...

Солнце осветило пустынный пляж первыми лучами, а море всё так же тихо плескалось у берега. Любопытная чайка рассматривала брошенную на скамейке белую вязаную шаль.

Поживиться было нечем.

Алексей ЕВТУШЕНКО

г. Москва.

ДОЛИНА

Вода была холодной, словно февральская сосулька.

Я сделал несколько глотков и оторвал алюминиевую кружку от губ. В висках заломило.

— Из морозилки?

— Колодец.

На вид хозяину примерно шестьдесят, и я, случись драка или серьезная работа, предпочел бы иметь такого в соратниках, — прожитые годы, казалось, лишь придали мужчине крепости.

— Надо же. Глубокий колодец, наверное.

Не то чтобы мне очень хотелось завязать разговор, но отчего не переброситься парой слов, когда есть время и настроение? К тому же приехал я в эти края не на один день, и познакомиться с местным населением не помешает. Это никогда не мешает.

— Глубокий. Хоть и не в этом дело...

— А в чем?

— Место нужно уметь выбирать, — усмехнулся хозяин краем рта.

— Для колодца?

— Для жизни.

— Да, вижу, что это вы умеете, — вторым заходом я осушил кружку и огляделся. — И вода у вас вкусная да холодная, и красиво вокруг — душа радуется. Спасибо.

— Пожалуйста, — он принял кружку. — А вы куда путь держите, если не секрет?

— В Прибрежное.

— Отдыхать?

— В том числе. Но больше все-таки работать. Надеюсь.

Он приподнял чёрные, в отличие от уже седых волос, густые брови.

И то. Стоит перед вами человек лет примерно двадцати восьми — тридцати. Пол мужской. Рост — чуть выше среднего.

Лицо бледное, очки в металлической оправе, усы и бородка подстрижены, рюкзак новый. Руки чистые. Шорты, майка, сандалии на босу ногу. Явно городской. Но без своей машины. И что, спрашивается, он может здесь наработать? Смешно.

— Я писатель, — объясняю зачем-то, хотя меня никто не спрашивает. — Книги пишу. Слышал, в Прибрежном есть парочка недорогих частных отелей, в которых можно остановиться.

— Есть, — кивает хозяин. — Только...

Он некоторое время смотрит на меня, словно прицениваясь. Или прицеливаясь. Глаза у него того же цвета, что и старые, выбеленные десятками стирок, джинсы, и я ловлю себя на странной мысли, что стрелять этот человек наверняка умеет. И при нужде у него найдется из чего.

Хозяин зачем-то переводит взгляд в небо, едва заметно вздыхает и говорит с ленцой:

— Июнь месяц, и луна убывает. Новолуние скоро.

— Очень рад, — говорю. — Это важно?

— Кому как. Вы впервые к нам?

— Да.

Лезу в карман, достаю сигарету, протягиваю пачку, угощая.

— Бросил, — в голосе тонкая нотка сожаления. — Но всё равно спасибо.

Наклонившись к зажигалке, прикуриваю, бросаю исподлобья короткий взгляд на хозяина. Тот в явной задумчивости.

Что за чертовщина? Давай уже, мужик, рожай.

— В Прибрежном три отеля, — говорит он. — «Солнечный», «Комфорт» и «Приют Диониса». Совет нужен или обойдётесь?

— «Солнечный» — звучит слишком просто, «Комфорт» — пошло... — не скрыл я своих мыслей. — А вот «Приют Диониса» мне нравится.

— Там хозяйка Марианна, — неторопливый кивок. — Я бы тоже на нём остановился. И место хорошее.

— Правильно выбранное? — улыбнулся я.

— Точно, — он улыбнулся в ответ.

Я уже попрощался, сделал несколько шагов по дороге и зачем-то обернулся. Хозяина видно не было, но в окне второго этажа мелькнуло и пропало чьё-то лицо. Как мне показалось, девичье.

Когда тебе выплачивают нехилый аванс за ещё не написанную книгу, то можно поступить по-всякому.

Первый, он же самый скучный, вариант: немедленно сесть за работу. И практически не выходить из дома, пока её не закончишь.

Второй: удариться в загул и праздншатание. Обнаружив, что от аванса осталась в лучшем случае треть, загул и праздншатание с сожалением прекратить и, после соответствующих оздоровительных процедур, опять же, сесть за работу. Из дома при этом выходить ещё реже, чем в первом случае.

Третий: прогулять весь аванс. Опомниться, когда до сдачи текста останется всего ничего, и тогда уже даже не приняться за работу, а сдохнуть за ней. В известном смысле, разумеется, и уже безо всяких оздоровительных процедур. Но этот вариант подходит лишь для самых великих экстремалов.

Я не такой.

Поэтому выбрал четвертый: уехать из города. Лучше подальше. Эдак, за тысячу с лишним километров. К морю, в Крым.

Кто мне Долину посоветовал, не помню. Но вопрос решили три фактора: я никогда раньше здесь не бывал, у меня были деньги, чтобы устроиться с удобствами, место слыло малопосещаемым даже в курортный сезон. Не люблю толп.

Так и сделал. В рюкзак — паспорт, ноут и самое необходимое из одежды, в карман — наличные и банковскую карточку, и — в аэропорт. Электронный билет уже заказан и оплачен. Три с лишним часа в общей сложности, и теперь мне осталось преодолеть два километра от Долины до Прибрежного. Всего.

Я мог бы взять машину в селе — там, на площади перед магазином и почтой, стояли три-четыре таратайки, скаучающие водители которых покуривали рядом, ожидая клиентов. Но не стал. Два километра для человека, у которого затекли ноги сначала в самолёте, а потом в автобусе, — не расстояние. Двадцать пять минут крейсерского хода. Много — тридцать. Что до жары, то я всегда её хорошо переносил. Опять же виды. И запах. Чуть подвяленная солнцем трава, виноградники на склонах гор, дорожная пыль, море вдали.

Уже потом, раз за разом анализируя события тех дней и ночей (вернее, одной ночи и одного неполного дня), я неизменно приходил к выводу, что должен был насторожиться с самого начала. Недорогой, с полным пансионом, частный отель в десяти минутах ходьбы от моря на три четверти пустой в июне месяце. Разве так бывает? Тогда я принял данный факт, как должное. И даже обрадовался — мол, правду говорили, что не много здесь народу отдыхает в это время. Замечательно! А почему так — не наша забота.

Хозяйка Марианна, симпатичная дама лет сорока пяти, — мила и предупредительна. Номер на втором этаже трехэтажного здания под красной черепичной крышей — чистый и удобный. Электричество, горячая и холодная вода, интернет — в наличии. Готовят прекрасно, в чём я убедился в первые же полчаса после заселения, угодив как раз к обеду. Бассейн, волейбольная площадка, бильярд, турник, гамаки, кресла-качалки, беседки, чудесные цветы на клумбах, нежный газон, на который хочется немедленно лечь и уже не вставать. Что ещё надо? По мне — полное удовлетворение. Даже слишком. Я ведь работать сюда приехал. Вроде бы.

Нет, никаких «вроде бы». Если хочешь или должен (что одно и то же, только не все это понимают) работать, то будешь работать в любых условиях. Хоть зимой в сыром полуподвале, хоть летом в частном отеле рядом с морем. Тут главное с самого начала не жалеть себя, настроиться на труд и соблюдать жёсткий график.

Я на второй же день установил следующий: подъем, завтрак, пляж и море — до 11 часов. Затем, с перерывом на обед, работа до восемнадцати тридцати. В семь вечера — ужин. А там, как получится. Можно посидеть со стаканом хорошего вина в кресле-качалке, можно побродить по живописным окрестностям: я люблю обследовать местность, в которой прежде не бывал, — никогда не знаешь на какие красоты и неожиданности наткнешься.

Вот на четвёртый день, вечером после ужина, я её и встретил. В заброшенной воинской части, расположенной у подножия холма, за виноградниками, километрах в полутора от «Приюта Диониса».

На часть наткнулся случайно, гуляя. Обогнул невеликое озерцо, смотрю — грунтовка, по которой явно ездят не чаще раза в месяц, травой почти заросла. Вдоль виноградника идёт, в горку, потом вниз, но уже не видно, куда именно. Захотелось посмотреть. Пошёл. На гребень поднялся и — вот они: железные ворота наполовину открыты, левая створка на одной петле болтается, чуть не падает, а на правой — пятиконечная звезда, вся в лохмотьях от облезшей, некогда красной краски. И КПП с заколоченным крест-накрест досками оконным проёмом.

Девушка стояла спиной ко мне, сразу за воротами. Неподвижно, чуть склонив набок голову, словно прислушиваясь к чему-то. Лёгкое светлое платье, чёрные волосы и большая холщовая сумка через правое плечо.

Я подошёл ближе и шагнул за ворота.

— Здравствуйте.

Она спокойно обернулась.

Припухлые губы, тёмные брови, карие прозрачные глаза. Про такие говорят — орехового цвета. Двадцать два-двадцать три, вряд ли больше.

— Здравствуйте.

— Какое забавное место, — я огляделся. С нарочитым интересом, потому что смотреть мне хотелось на неё.

— Что ж здесь забавного? Это очень печальное место.

— Извините, старая и дурацкая привычка.

— Говорить не то, что думаешь?

— И это тоже. Экая вы... прямая.

— Какая есть. А я вас знаю. Вы — писатель. Живете в отеле у Марианны. И ещё вы разговаривали с моим отцом. Он вас водой поил. Из колодца.

Ага. Девичье лицо, мелькнувшее в окне второго этажа.

— Понятно. Значит, это вас я видел в окне?

Она покраснела. В сочетании с крепким загаром это выглядело прелестно. И волнующе. Тысячу лет не видел краснеющих девушек.

— Меня зовут Дмитрий, — сказал я. — Можно Дима.

— А Митя? — она улыбнулась.

Чёрт возьми, и как это у некоторых получаются такие улыбки, от которых сразу как будто глупеешь? Загадка. Тайна веков, я бы сказал.

— Извольте.

Тьфу, блин. Подсознание шалит, не иначе.

— А я — Ксения, — её рукопожатие оказалось неожиданно сильным. — Если осмелитесь, можете звать Ксюшей.

— Я похож на труса?

— Не похожи. Иначе вы бы здесь не оказались.

— Э... вы о чём? Тут водятся призраки?

— Не всегда. Только в это новолуние, которое уже сегодня. Да и не призраки вовсе, они живые. Только... — Ксения вздохнула и взяла меня за руку. — Пойдёмте к морю. Там ждать удобнее. А папа скоро подойдёт.

Живые призраки?! Папа?! Кажется, я попал. Куда не знаю, но точно попал.

Однако попробуй упрись, когда такая девушка берёт тебя за руку и невообразимо чудесным летним вечером ведёт на берег моря. Через заброшенную воинскую часть. Где, между прочим, ни огонька. Да и откуда бы? А солнце-то вот-вот скроется за горами. Уже скрылось. Не знаю, что там в сумке у Ксюши, но хорошо, что в моей есть фонарик, бутылка вина, пластмассовый стакан и швейцарский перочинный нож. Скоротаем вечерок. Вот только папа...

Сквозь трещины в асфальте там и сям пробивалась трава, а кое-где и целые кусты. Мы миновали двухэтажный остов здания без крыши, и в накатывающих с запада густых южных сумерках я успел разглядеть у дверного провала табличку с надписью: «Штаб войсковой части...». Далее неразборчиво. Следом за штабом высился уже трёхэтажный остов. Казарма, не иначе. Интересно, что за часть тут располагалась, и куда делась. Расформировали?

— Отдельный батальон морской пехоты, — сообщила Ксюша. — Их не расформировали. Передислоцировали десять лет назад.

Передислоцировали, надо же какие слова. И она что же, мысли читает? Да ну, ерунда. Дикобразу ясно было, что я думаю об этом. Хотя откуда бы взялся и где нынче тот дикобраз?

Я мог думать о чем угодно. Например, о ней. И даже в первую очередь о ней.

Хорошо. Она просто заметила, как ты повернул голову и прочел табличку. И сделала выводы. Элементарно, Ватсон. Дедукция. Хм. Мало, что красива, так ещё и умна?

— То есть, вот так вот все бросили и уехали? — я решил временно оставить вопрос о чтении мыслей.

— Ну почему же? Всё, что нужно, с собой забрали. А здания эти, — она махнула рукой, — и так старые уже были. Дряхлые. Ещё до войны построены.

— До какой?

Идиотский вопрос. Точно глупею.

— Великой Отечественной. Что здесь было в Гражданскую, я не знаю.

Надо же, она и в истории худо-бедно разбирается. Умеет отличить Великую Отечественную войну от Гражданской. Редкий случай по нашим временам.

На берег моря мы попали через здоровенную прореху в ржавой колючей проволоке, которая опоясывала часть по периметру. Спустились с пригорочка, уселись прямо на тёплый, вобравший в себя все солнце прошедшего дня, крупный песок.

Я огляделся. Ни людей, ни мусора, который обычно присутствие людей обозначает. Даже пустой пластиковой бутылки — этой неизменной спутницы цивилизации последних десятилетий, — не видать. Прямо идеальное место. Там, куда я хожу сейчас, людей не слишком много, это верно, но всё равно раздражает. Люблю безлюдные пляжи. Искупаться, что ли, раз такое дело? Вон какое море — тихое, спокойное, прибой еле шепчет. Сказка.

— Купаться будете? — Ксюша уже стягивала через голову платье.

Ох.

Платье упало на песок, и под ним оказался купальник. Но всё равно — ох. Какие бёдра, судари мои, а также господа-товарищи, какие бёдра! Не говоря уже о груди и всем прочем. Как раз хватило угасающего вечернего света, чтобы успеть рассмотреть. Н-да, а плавки-то я не захватил. Ладно, сойдут и трусы. Благо, они чистые, тёмно-синие и весьма на плавки похожи. И живота

у меня пока, слава богу, даже не намечается. Спасибо гимнастике и долгим пешим прогулкам.

Мы в охотку наплавались в ласковой воде и выбрались на берег, когда на небе зажглась уже далеко не первая звезда. Летом вечера на юге коротки, словно деловой разговор со старым другом, — поздоровались, узнали как жизнь, договорились о встрече, отключились. Но что радует — ночи тёплые. Хочешь, ложись спать прямо на песке. Не замёрзнешь. И звёзды. Господи, какие же тут звёзды! Доставляют по полной.

Эх, если б не папа, самое время достать бутылку вина и... Но нет, рисковать не будем, подождём. А пока совсем не стемнело, неплохо бы развести костерок. С костерком оно веселее.

Ксюша согласилась, что костер — это очень хорошо и приняла деятельное участие в сборе топлива. В качестве розжига я использовал пару листков из блокнота, который всегда ношу с собой — фиксировать неожиданные писательские мысли, — и очень скоро костер начал жить своей особой жизнью. Костры — они живые. Стоит достаточно долго понаблюдать за ними, чтобы это понять.

— Ага. И писатель здесь. Хорошо.

Я обернулся.

Отец Ксюши стоял в двух шагах и, как мне показалось, улыбался. Надо же, совершенно неслышно подошел.

— Меня зовут Дима, — сообщил я. — Можно Митя.

— А меня — Иван. Иван Сергеевич.

— Как Тургенева.

— Что? Ну да, наверное. Никогда Тургенев мне не нравился. Я Шолохова люблю. Вот это — литература.

Он сбросил с плеч рюкзак и уселся рядом на песок.

— Самое время перекусить, как считаете? Ночь коротка, а на рассвете времени позавтракать не будет.

— Почему? — спросил я.

— Сам поймешь. Если, конечно, увидишь.

— Он увидит, — сказала Ксюша. — И всё остальное тоже. Я знаю.

— Думаешь? — отец коротко глянул на дочь.

— Уверена, — ответный взгляд.

— Да что увижу-то? — не выдержал я. — Призраков? Вы можете толком рассказать?

Они снова переглянулись.

— Ты, Митя, не обижайся, — сказал Иван Сергеевич, доставая из рюкзака еду и раскладывая ее на взявшейся оттуда же газете. — Если мы расскажем, ты не поверишь. Так что тебе решать. Хочешь — оставайся и жди с нами. Хочешь — иди ночевать в гостиницу. Ты ведь свободный человек?

— Надеюсь.

— Нет, так не пойдёт. Свободный или нет?

— Свободный.

— Вот и выбирай.

Надо ли говорить, что я остался?

Мне снилась война.

Великая Отечественная.

Будто сижу я в окопе где-то посреди степи, а прямо на меня с отвратительным воем пикирует знаменитый немецкий бомбардировщик Ю-87. Он же «юнкерс», он же «штука» и он же «лаптёжник», прозванный так за неубирающиеся шасси, прикрытые обтекателями. А на обтекателях — сирены, называемые, понятно, иерихонскими трубами. Как же ещё. Дабы оказывать психологическое воздействие на противника. Ох, и воеет же, зараза. И впрямь хоть беги. Но сирена-то ладно. Он же, гад, не просто так пикирует, вот-вот бомбу сбросит. А то и не одну. Точность бомбометания, между прочим, у него весьма приличная. За это немцы и ценили... На фиг, пора просыпаться.

Я открыл глаза.

Прямо на меня с отвратительным воем пикировал знаменитый немецкий бомбардировщик Ю-87.

Опа. Сон во сне. Да ещё один и тот же. Матрёшка, ё. Так бывает? Значит, бывает. Одну минуту. А где степь и окопы?

От Ю-87 отделились две чёрные точки и понеслись к земле. Бомбы! Самолёт, продолжая завывать, начал выход из пике.

Твою мать!!

Единственное, что я успел — перекатиться под склон небольшого пригорка, с которого мы ночью спустились на пляж и прикрыть голову руками.

Удар! Второй!

Земля подо мной дважды дёрнулась. От грохота взрывов заложило уши, на спину шлёпнулось несколько камней. Благо, маленьких. Показалось, что кто-то в отдалении закричал, но со слухом были пока нелады.

Я полежал ещё немного, потом сел и поглядел в небо. «Юнкерс» уходил на север. Истратил боезапас? Маловато будет. Или уже где-то бомбил, а тут сбросил последние? Хотя, что я знаю о бомбовой нагрузке «штукас»? Ничего. Господи, о чём я думаю? Какая, к псам, бомбовая нагрузка? Это же сон. И он сейчас растает. Вот прямо сейчас...

Но таять сон не захотел. Как я ни тряс головой и ни щипал себя за руку, чёртов «лаптёжник» не исчезал. Он набрал высоту и уходил всё дальше и дальше. Скоро совсем пропадет в утреннем небе. Но вовсе не потому, что я прогнал его из своего сна, а самым естественным путем. Его просто не станет видно.

Кстати, и впрямь утро. Солнце ещё не взошло, но вот-вот. Интересно, где Ксюша и её папа? Если, конечно, они присутствуют в этом удивительно стойком сне. Погоди, Дима, постой. А если это не сон?

Не будь идиотом. Тогда придется предположить, что ты сошёл с ума. Тебе это надо?

Так ведь Иван Сергеевич и Ксюша предупреждали вчера, что я сам всё увижу и пойму. Если не испугаюсь и останусь. Я остался. Может, это оно и есть?

Что — оно? Что?!

Не знаю. Надо оглядеться.

Встал на ноги, прислушался. Уши почти отпустило, и до меня, со стороны части донесся шум двигателя, сквозь который пробился чей-то командный оклик:

— Петруничкин, твою через колено! Левый фланг, я сказал! Левый! Они скоро попрут! У нас минут двадцать, не больше!

С ноющим беспокойством в сердце я поднялся на пригорок и прирос к земле.

Заброшенную воинскую часть было не узнать. Почти исчезли кусты и деревья. Я отчетливо видел целёхонькое двухэтажное здание штаба и рядом такую же казарму. Но главное — по всей территории сновали люди. Военные. Одеты в форму солдат Красной Армии. Нет, не все. Вон морячок мелькнул с винтовкой на спине. А вот сразу двое краснофлотцев тянут пулемёт. «Максим», его ни с чем не спутаешь. Да что ж такое, кино, что ли, здесь снимают? А где режиссёр и съёмочная группа? И откуда взялся «юнкерс» с бомбами? Это тебе не компьютерная графика, всё по-настоящему было. Да и вот она, воронка от бомбы, ещё дымится в десяти шагах от меня. Второй, правда, не видно, но и она должна быть неподалёку. Бомбы-то было две. И взрыва тоже два... Мамочки, а это что?

Из-за казармы, взрыкивая двигателем, выдвинулся танк, развернулся на месте и пополз куда-то в сторону ворот части. Я проводил его изумлённым взглядом. Знаток военной техники времён Второй мировой меня назвать трудно, но это точно не Т-34. БТ-7? Похож. Лёгкий советский танк времён начала войны.

— Митя! Митя иди сюда, помоги!

Я вздрогнул и огляделся. Справа из-за невысоких кустов мне махала рукой Ксюша.

Вот она, вторая воронка. И рядом с ней... О, господи. Вот этот точно мёртв — лежит, присыпанный землёй, вместо живота — кровавая каша. И этот. Полголовы снесло. И каска не помогла. Вон она валяется неподалёку. И винтовка тут же. Трёхлинейная винтовка Мосина. С примкнутым штыком. Модернизированная. Калибр 7,62 мм, магазин на пять патронов, дальность боя...

— Митя!!

Ксюша сидит на коленях перед раненым красноармейцем. Вижу два красных треугольника в ромбе на петлицах. Сержант. Надо же, никогда бы не подумал, что помню такие вещи. Рука и голова сержанта перевязаны, сквозь свежие бинты проступает кровь. Синие глаза мутны от боли.

— Отделение, в укрытие... — шепчет он. — Отделение...

Умолкает, закрывает глаза.

— Его нужно отвести в лазарет, — говорит Ксюша и машет рукой в сторону казармы. — Он там, в полуподвале. Одной мне

будет трудно, помощи, пожалуйста. А то сейчас немецкие танки начнут бить, на открытом месте нельзя оставаться.

Немецкие танки?!

Но этот вопрос я задаю про себя и сам себе. Понимаю шестым чувством, что сейчас не до вопросов. Надо оттащить раненого сержанта Рабоче-Крестьянской Красной Армии в лазарет.

Поднимаю и вешаю за спину винтовку. Не ту, мертвеца, — сержанта. Теперь сам боец. Сажая, здоровую руку — за шею, обхватываю, встаю. Ага, кажется, на ногах держится. Хоть и плохо. Веду, а практически, — несу сержанта по направлению к казарме. Ксюша поддерживает справа.

— Что происходит? — спрашиваю девушку.

— Война, Митя. Война. Я же говорила, что ты сам всё увидишь и поймёшь.

Видеть-то я вижу, но ни черта не понимаю. Откуда война, почему война? Провал во времени? Значит, правы всяческие прибабахнутые на всю голову охотники за снежным человеком, НЛО-шники и прочие исследователи параллельных миров? Не может быть. Ага. Тогда кого ты сейчас тащишь в лазарет, господин писатель? Нет, отставить. Товарищ писатель. Обращение «господин» лучше пока забыть. Надолго? Понятия не имею. Пока это всё не закончится. Если, конечно, закончится.

Я хотел спросить об этом у Ксюши, но в последний момент передумал. Если она и её отец знали, что произойдёт в это нолуние, то о чём это говорит? О том, что не в первый раз они сюда попадают. Вон и про немецкие танки Ксения знает. Что вот-вот начнут бить. Значит? Значит, они здесь были и вернулись в своё — наше — время живые и невредимые. Поэтому будем воспринимать всё как страшное, но чертовски интересное приключение. Хотя бы для того, чтобы произвести впечатление на Ксюшу. Пусть видит, что рядом с ней не истерик-паникёр, а спокойный, уверенный в себе мужчина. Которому всё нипочём. Даже провалы во времени и война с немецко-фашистскими захватчиками. Опять же и нагрузка на собственную психику сразу совсем другая. Да, война. Но она для меня очень скоро закончится. Наверняка закончится. Может быть, уже через час. Ну, два.

«Эй, а если тебя убьют? — шепнул кто-то в моей голове. Громко шепнул. — Тогда уж точно всё закончится. Бомбы-то здесь настоящие. Значит, и снаряды с пулями тоже».

Однако обдумать как следует эту актуальнейшую мысль я не успел. Начали бить танки. Откуда-то со стороны дороги, ведущей в Долину. Мы как раз успели доставить сержанта в полуподвал казармы, где уже лежало и сидело четверо раненых. Трое солдат и один моряк. Также здесь находилась медсестра — коротконогая девушка с кудрявыми волосами каштанового цвета, молодой — явно моложе меня — парень со впалыми щеками, серьёзными глазами и тремя старлейскими кубарями в петлицах, и ещё двое вполне живых и здоровых бойцов. Пехотинец и моряк. У пехотинца всё та же трёхлинейка за плечом, а вот у морячка на груди висит ППШ — пистолет-пулемёт системы Шпагина, если память мне не изменяет. На бескозырке надпись — «Бесстрашный». И взгляд с таким же прищуром. Бесстрашным. Света из высоко расположенных окон полуподвала вполне хватало, чтобы всё это рассмотреть. Я и не заметил, как взошло солнце.

Бам! Ба-бам! Бам!!

Снаружи рвались снаряды, но с давешними бомбами это было не сравнить. Как-то сразу понятно, что калибр не слишком велик. Какой там был калибр у пушки самого распространённого среднего немецкого танка Pz-III? Точно не помню, но, кажется, меньше сорока миллиметров. Вроде бы ерунда. Особенно, когда читаешь об этом в книжке или в Сети. А вот когда эти почти сорок миллиметров падают тебе на голову...

— Сюда, сюда, — засуетилась медсестра. — Сюда ложите, на матрас.

Мы с Ксюшей аккуратно поместили раненного сержанта, куда было сказано. Я снял винтовку и оставил её рядом с матрасом.

— Так, — произнёс лейтенант ровным голосом. — Кто такие?

— Местные, — сказала Ксюша. — Из Долины. Меня зовут Ксения.

— Дмитрий, — представился я.

Сверху грохнуло, совсем близко, и моя голова сама нырнула в плечи. Морячок с «Бесстрашного» негромко засмеялся. Лейтенант лишь покосился в его сторону, и тот сразу же умолк.

— Почему не на фронте, Дмитрий?

Начинается. Интересно, он имеет право задавать мне такие вопросы? Брось. Он здесь и сейчас на всё имеет право. А ну как прикажет обыскать? Вот этому морячку с ППШ-а и прикажет. И тот с превеликим удовольствием приказ выполнит. Ещё и шорты на мне эти... Хлопковые, до колен, шесть карманов. Хорошо хоть на пуговицах, а не липучках. И майка простая, зелёная, без всяких картинок и надписей. На ногах — «кроксы», модная нынче летняя обувь, особенно в Европе и Штатах. Очень удобная, специальный полимерный состав. Ладно, сойдут за необычные резиновые тапочки. Так. А в карманах что? Что у него, так сказать, в карманцах? Вот это уже гораздо хуже. Мобильный у меня там, полпачки иностранных сигарет, одноразовая газовая зажигалка, швейцарский перочинный нож и блокнот с гелевой ручкой. Ох, ё. Найдут — не отбоюсь. Сразу к стенке. Смерть шпионам и всё такое. Господи, пронеси.

— Бронь у меня, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я писатель. Вовремя эвакуироваться не успел по... — я посмотрел на Ксюшу и твёрдо продолжил. — По личным причинам. А потом уже было поздно.

— Писатель? — заинтересованность в глазах.

Нет, всё-таки тогда к писателям совсем другое отношение было. Правильное. Уважали писателей и берегли. Это я верно решил — правду сказать.

— А как ваша фамилия?

Бамм! Бабам!! Бамм!

Мама дорогая, а ведь после танкового артобстрела в атаку наверняка пойдёт немецкая пехота. Хорошо обученная. С рукавами, закатанными по локоть, поливая всё огнем из «шмайсеров» на уровне бедра. При поддержке всё тех же Pz-III или что там у них. Ладно, пусть рукава будут опущены, а «шмайсеры» заменят винтовки системы «маузер». Тоже ничего приятного. Отступать-то некуда — море позади. Как же это я сразу не сообразил...

— Швецов, — говорю. — Дмитрий Алексеевич Швецов.

Старший лейтенант посмотрел на морячка, тот сделал понимающее лицо.

— Кажется, слышал, — сказал старший лейтенант совсем другим тоном.

Наверху утихло, и на самом краю этой тишины тут же возник пока ещё далёкий, едва слышный, гул танковых двигателей.

— Пора, — старлей привычным движением поправил фуражку на голове. — Ну что ж, товарищ писатель. Советую вам сидеть тут и не высовываться. Будете помогать принимать раненых. И вы, Ксения, тоже.

И тут я сделал то, чего никак от себя не ожидал. То есть, упал, как снег на голову. Сам на себя. Шагнул вперёд, принял стойку «смирно»:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите участвовать в бою. Стрелять умею, оружие возьму у раненых. Обещаю, что не подведу.

— Служили в армии?

— Был на трёхмесячных военных сборах, — не стал я врать.

Наверняка же в то время тоже были какие-то военные сборы. Не могли не быть.

— А вы знаете, что вас почти наверняка расстреляют, если попадёте в плен к немцам с оружием в руках? — осведомился старлей.

— Меня раньше убить могут, — пожал я плечами. — Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

— Что ж, это ваше решение. От помощи не откажусь. Берите винтовку, патроны и бегом на правый фланг. Найдёте старшину Кивенко, скажете, я прислал. Старший лейтенант Артемьев.

— Есть! — ответил я по-уставному.

Старший лейтенант Артемьев развернулся на каблуке и в сопровождении солдата и морячка быстро вышел за дверь.

На то, чтобы снять с раненого сержанта ремень с запасными обоймами в кожаных чехлах, надеть его на себя и поднять винтовку с примкнутым штыком, много времени не понадобилось.

— Смотри, писатель, не потеряй, — шепнул сержант. Ему явно было плохо, но он старался не терять сознания. — Мне ещё с ней воевать.

— Всё верну, сержант, — ответил я ему. — Отдыхай и ни о чём не беспокойся.

На пороге я обернулся и поймал взгляд Ксюши. И этот взгляд мне понравился.

Первую атаку мы отбили сравнительно легко. Потом от старшины Кивенко я узнал, что, кроме лёгкого БТ-7 (лёгкий-то он лёгкий, но пушка на нём — сорокапятимиллиметровая), в нашем распоряжении имелась ещё одна обычная противотанковая «сорокопятка» и кое-какой запас снарядов к ней. Вот они и решили дело. Три из пяти шедших на нас немецких танков (кажется, это и впрямь были Pz-III, но ручаться не могу) они подбили из заранее оборудованных позиций, подпустив поближе. Оставшиеся два, огрызаясь на ходу огнём, поползли назад. А за ними отступила и пехота.

Не знаю, сколько немецких солдат я убил. Не считал. Но больше пяти — точно. Винтовка сержанта оказалась хорошо пристреляна, и страха не было никакого, аж сам удивился. Ни перед своей смертью, ни перед чужой. Может быть, глубоко в подсознании я по-прежнему считал, что всё это сон или наваждение? Не знаю. Но врагов расстреливал, словно в тире. Спокойно и методично. Не трата зря патроны.

Отходняк пришёл, когда немцы откатились, и стрельба с обеих сторон утихла. Неожиданно ослабли ноги. Совсем. Я сел прямо на дно неглубокого окопа и подумал, что в самый раз бы сейчас покурить, но отказался от этой мысли. Вытаскивать из кармана пачку иностранных сигарет да еще и выпущенных в следующем веке, неразумно. Ничего, потерплю.

Подошёл старшина Кивенко — невысокий худощавый мужик лет сорока с обветренным загорелым лицом. Молча остановился в двух шагах. Я поднялся на ноги. Кажется, держат.

— Хорошо стреляешь, писатель.

— Спасибо.

— Есть предложение, — у него были глаза человека, который точно знает, чего хочет.

— Слушаю.

— Видишь эту гору или, точнее, холм? — он показал рукой.

Я посмотрел. Холм высился справа от воинской части, если стоять лицом к морю. Северная его сторона была пологая, а южная обрывалась в море.

— Так точно, вижу.

— Что ты о нём думаешь?

Холм как холм, что о нём думать... Или это проверка нового бойца на сообразительность? Он похвалил меня за меткую стрельбу. Ну-ка, прикинем. С вершины холма до дороги — километра полтора. Плюс-минус. Далековато, прямо скажем, для эффективного винтовочного огня. Но ведь немцы, если подтянут подкрепления и снова решатся атаковать, подойдут ближе, как это уже было. И тогда...

— Неплохую позицию для снайпера можно наверху оборудовать, — сказал я.

— Правильно, — кивнул старшина. — Сможешь? Винтовку с оптическим прицелом я тебе дам. Осталась от Вахрушина, его убило три дня назад, когда мы из окружения выходили. И вот опять в капкане. На этот раз, кажется, мёртвом. Самое главное, потом уйти сможешь, когда нас... — он помолчал. — По берегу моря. Ты гражданский, глядишь, и пронесёт. Винтовку бросишь и уйдёшь.

— Нет уж, — сказал я. — Любое дело следует доводить до конца. Каким бы этот конец не был.

— Конец тут будет один, — сказал Кивенко. — На всех. Но наша задача сделать так, что бы конец этот обошёлся немцам очень дорого.

«Трёхлинейная винтовка на брезентовом ремне и патроны с той головкой, что страшны любой броне, трёхлинейная винтовка на брезентовом ремне и патроны с той головкой, что страшны любой броне...»

Строчка из «Василия Тёркина» крутилась в голове безостановочно, замкнувшись сама на себя. Со снайперкой за плечом, патронами, флягой, наполненной водой, сапёрной лопатой в чехле и каской на голове я поднимался по восточному, довольно крутому склону то ли горы, то ли холма. В сочетании с майкой, шортами и «кроксами» на ногах, видок ещё тот. Жаль, никто из друзей-знакомых не видит. И не увидит. Эй, а почему, собственно? Телефончик-то у меня с собой. А в нём — камера.

Я остановился, посмотрел по сторонам. Никого. Вытащил мобильник и вжикнул несколько «селфи» с вытянутой руки. Получилось не очень, но общее представление есть. Кстати, пра-

вильная мысль. Сейчас устроюсь наверху и сниму десяток панорам. Чтобы потом самому себе поверить.

Если оно будет, это «потом».

Сунул телефон в карман и снова зашагал вверх.

«Трёхлинейная винтовка на брезентовом ремне...»

Бронебойных патронов у меня всего одна обойма, на всякий случай. Остальные — самые обычные. А вот винтовка теперь особая — снайперская. Оптика, и канал ствола более тщательно обработан. Дальность гарантированного поражения, как заявил старшина Кивенко, до восьмисот метров. А если пристреляться да приноровиться, то и вся тысяча.

— Только не будет у тебя времени приноравливаться, — объяснил старшина. — Ни времени, ни патронов. Они у нас и так на исходе. Поэтому бей фашиста только наверняка. И насмерть.

Когда в небе загудели моторы «юнкерсов», я как раз успел отрыть себе вполне приличную ячейку и заканчивал сооружение маскировочного венка на каску — на вершине холма очень кстати росли подходящие для этого дела голубенькие цветочки неизвестного мне названия и мелкие полевые ромашки. Хорошо в детстве соседская девчонка научила в деревне венки плести. Вот и пригодилось. Как же её звали-то... Вика?

На этот раз «штукас» прилетело аж четыре штуки, и было ясно, что намерения у них самые что ни на есть серьёзные.

Так оно и оказалось. Я сидел в своём укрытии на вершине и, закусив губу, наблюдал, как «лаптёжники» один за другим, с выматывающим душу воем, входили в пике, неслись чуть ли не отвесно вниз и сбрасывали бомбы на головы нашим. Один отбомбился, второй, третий... Память телефона цинично наполнялась хоть и не вполне качественными, но уникальными снимками. Нет, больше терпеть это невозможно. У меня только пять бронебойных, но они есть. И оптика. И восемьсот метров гарантированного поражения. На какой минимальной высоте «юнкерс» выходит из пике? Не знаю. Но и так видно, что около пятисот метров. Попробуем, чем чёрт не шутит...

Заряжаю снайперку бронебойными, слежу за четвёртым «лаптёжником», который вслед за остальными как раз начинает пикировать на наши позиции. Бить его сейчас бессмысленно.

Вот на выходе, когда потеряет скорость... Главное, не забыть про упреждение... Интересно только, какое. Корпуса хватит? «Юнкерс» сбрасывает бомбы, начинает выход из пике. Ловлю его в оптический прицел, чисто интуитивно беру упреждение, стреляю. Передёргиваю затвор и стреляю ещё раз, уже почти наугад.

Не знаю, какой выстрел достиг цели, первый или второй. И понятия не имею, куда я попал. Но, судя по всему, в пилота, потому что одномоторный бомбардировщик-штурмовик, так и не завершив выход из пике, заваливается на левое крыло, на мгновение зависает в воздухе и падает, падает...

Падает! Он падает, мать его!!!

— Да!!! — ору во весь голос, потрясая винтовкой.

Оранжевый шар взрыва, чёрный дым столбом в небо. Хорошо чуть в стороне упал, за пределами части. Тройка «юнкерсов» уходит на север. Слышу, приглушённые расстоянием, радостные крики «ура!» и ловлю себя на том, что счастливо улыбаюсь. Вот так вот. Уничтожил страшного врага и — счастлив. А потом ещё удивляемся, почему воюем. Ой-ой-ой. Философ хренов. Готовься, философ. Вон уже со стороны дороги доносится шум моторов. Так, смотрим: Около десятка танков, грузовики, полные солдат, мотоциклы, легковушка, полугусеничный тягач с пушкой на прицепе. Не слабо. Подкрепление к немцам прибыло, кто бы сомневался. Ну, сейчас начнётся. Держитесь, ребята.

Патроны кончились как раз в тот момент, когда немецкие танки и пехота, несмотря на тяжёлые потери, всё-таки ворвались на территорию обороняемой воинской части и там, внизу, завязался рукопашный бой. У меня оставалось ещё три бронбойных, и все их я выпустил по танкам. Безрезультатно.

И что теперь делать?

Бросить винтарь, спуститься с западной стороны холма или даже, чтобы уж наверняка не заметили, с обрывистой южной и уходить берегом моря? Но там, внизу, в полуподвале казармы, — Ксюша, медсестра, раненый сержант, и другие раненые, которых наверняка стало гораздо больше. И Ксюшин папа Иван Сергеевич, я ещё десять минут назад видел его в прицел винтовки, он сменил убитого пулемётчика и вёл огонь по наступающим не-

мцам. И старший лейтенант Артемьев, и морячок с «Бесстрашного», и старшина Кивенко, и все остальные — живые и мёртвые. Наши.

Я подхватил винтовку, выскочил из ячейки и побежал вниз по склону. Мне были нужны патроны. Или хотя бы винтовка с примкнутым штыком.

Мобильник в кармане запел дурным голосом, когда до подножия холма оставалось шагов двадцать — двадцать пять. От неожиданности я оступился, чуть не загремел по склону, но в последний момент сумел удержать равновесие и затормозить.

Телефон подал голос снова. Громко и настойчиво. Чёрт, давно хотел сменить рингтон, уж больно наглый, да всё руки не доходили. Я выхватил устройство связи двадцать первого века из кармана и уставился на дисплей. Галина. Моя, как бы это сказать помягче, полулюбовь. Красивая мордашка, сексуальная фигура и явный недовес мозга в голове. Только вечное моё нежелание обидеть человека до сих пор мешает нам окончательно разбежаться. Это если не считать хорошего секса.

Телефон не умолкал. Было что-то абсолютно нереальное в этих электронных звуках, накладывающихся на звуки близкого боя.

Я нажал соединение.

— Слушаю!

— Димочка, привет, это я!

Звонкий радостный голос из будущего. Ничего не понимаю.

— Ты почему не звонишь? Как ты там? Я слушаю! И что это за шум? Петарды, что ли запускаете? Фейерверк? Так день же, вроде, на дворе!

Видела бы ты эти петарды...

— Галь, всё хорошо, извини мне сейчас не совсем удобно с тобой говорить. Давай я тебе перезвоню через полчаса.

— А не обманешь? Слушай, хочешь, я к тебе приеду? У меня как раз свободная неделя будет. Начальник, представляешь, вдруг подобрел ни с того ни с сего и согласился...

Я стоял, как столб. Очень плохо соображающий столб. Возле уха — мобильник, в правой руке — снайперская трёхлинейная винтовка системы Мосина, в голове — полный бардак, столпотворение и салат оливье из мыслей и эмоций.

Чёрт, надо бы укрыться, что ли. Хотя нафига? Если всё это ненастоящее, то... Погоди. Как это — ненастоящее? Ты же всё видел, слышал и ощущал. Снимков понаделал. И сейчас все видишь, слышишь и ощущаешь. Там, в сотне метров, на территорию части прорвались немцы, идёт бой, а ты стоишь тут, как последний трус и...

И тут в меня попали.

Я выронил винтовку с мобильником и с размаха сел на землю. Не удержался, повалился на бок. Ох, как же больно... Провёл рукой по груди, поднёс ладонь к глазам. Кровь. Надо же. Вот тебе и ненастоящее...

День стремительно мерк, превращаясь в чёрную и глухую — ни проблеска, ни звука — непобедимую и бесконечную ночь.

Кто-то лил мне на лицо холодную воду. Эй, да хватит уже! Я закрылся рукой и разлепил глаза. Надо мной склонились двое — Ксюша и её папа Иван Сергеевич.

— Живой, — удовлетворенно констатировал папа. — А ты боялась.

Я сел и первым делом ощущал и осмотрел грудь. Всё цело, ничего болит. Только майка мокрая. Надо понимать — от воды, которую на меня только что лили.

— Где мы?

Но я уже и сам видел, где. Тот же берег, где вчера заночевали у костра. А вот и сам костёр, уже погасший. Достал мобильник, глянул на часы. Значит, всё-таки сон? Или что-то было подмешено в вино, которое я пил или еду, которую я ел? Но вино-то в магазине покупалось, а вот еду Иван Сергеевич принёс из дома. Так. Хорошо здесь шутят над приезжими, нечего сказать. Ясно теперь, почему их так мало в самый разгар сезона. Но какой смысл? А по фигу, какой. Вот не нравятся им отдыхающие и всё. Меньше народа — больше кислорода.

Я вскочил на ноги.

— Ладно, — говорю. — Спасибо, что называется, за компанию. Больше мы вряд ли увидимся, так что прощайте.

— Подожди, Митя, — сказала Ксюша. — Мы догадываемся, о чём ты думаешь, но всё было по-честному, без обмана. Ты и,

правда, видел то, что видел и делал то, что делал. Хочешь, подробно расскажу? Как раненого сержанта тащили. Как лейтенант Артемьев умер у меня на руках?

— Как старшина Кивенко дал тебе снайперскую винтовку и отправил на гору, — добавил Иван Сергеевич. — Ты отлично стрелял, я видел. Без тебя мы бы не отбили вторую атаку. Мы её никогда не отбиваем.

— То есть? — не удержался я от вопроса.

— Я переживал новолуние одиннадцать раз, — сказал Иван Сергеевич. — Ксюша — четыре. Это было двенадцатое для меня и пятое для неё.

— И впервые всё закончилось по-другому, — сказала Ксюша. — Мы отбили вторую атаку. С очень большими потерями, дошло до рукопашной, но отбили.

— А потом с моря подошёл наш крейсер, — продолжил Иван Сергеевич. — Выслал шлюпки, и под прикрытием огня из корабельных пушек, всех эвакуировали. Кроме мёртвых. Мёртвых оставили здесь.

— И вас?

— Что — нас?

— Вас, говорю, тоже оставили здесь?

— Мы сами остались, — сказала Ксюша. — Новолуние же не вечно продолжается. Наше время вернулось, как только шлюпки отошли от берега. Само. Так всегда бывает. Только раньше всё заканчивалось плохо, наши погибали, и немцы добивали раненых, а теперь — хорошо.

— Что значит, наши все погибали? И вы тоже?

— И мы, — просто ответила Ксюша. — Я как-нибудь потом тебе расскажу, ладно? Сейчас не хочется.

Я попытался представить, каково это — умирать, зная, что оживёшь, а потом снова идти на смерть, и не смог.

— А телефон? — спросил, вспомнив.

— Что — телефон?

— Откуда у меня в кармане телефон взялся? Я же его выронил — там, на склоне, когда в меня, когда меня...

— Когда тебя убили, — подсказал Иван Сергеевич. — Мы с Ксюшей тебя сюда перенесли. И телефон твой подобрали и в карман тебе положили.

— Принесли его домой, оказался он живой, — пробормотал я. — Ну-ка, проверим... Хотите посмотреть?

Они хотели.

Все снимки оказались на месте. И я сам — в каске и со снайперкой за плечом, и панорама воинской части, и пикирующие «юнкерсы», и десяток немецких Pz-III, идущих на наши позиции при поддержке пехоты со стороны дороги. А больше я и не снимал — не до этого стало.

— Странно, как мы сами не догадались сделать это раньше, — почесал в затылке Иван Сергеевич. — Ну, я-то, старый пень, ладно. А вот ты, дочь, как дитя двадцать первого века, могла бы и сообразить.

Ксюша только вздохнула и пожала плечами.

Я сижу на балконе своего номера. Передо мной на журнальном столике початая бутылка вина, сигареты и мобильный телефон. Мне есть о чём подумать, и я думаю. О Ксюше, местном июньском новолунии, войне и мире, прошлом и будущем. Иван Сергеевич пригласил заходить в любое время, и я обязательно зайду. Как только немного разберусь в себе и в том, что нам пришлось пережить.

Отвечу хотя бы на часть вопросов. Например, почему данным явлением до сих пор не заинтересовались учёные. Отдыхающих-то здесь в это время мало, понятно теперь отчего. Страх неосознанный испытывают. И тревогу. А некоторые, может быть, что-то и видят. Но кто станет рассказывать? Засмеют ведь. Или, того хуже, сочтут психом на всю голову.

Что же до учёных, то какие у нас теперь учёные... Одни за границей трудятся, другие с лженаукой борются. Изю всех сил. А тут как раз тебе самое что ни на есть лженаучное явление и расцветает раз в году. Вот и получается, что самый главный вопрос, как и всегда, всё тот же.

Что делать дальше?

За неимением ответа делаю глоток вина, закуриваю, и неожиданно приходит понимание.

А ничего специально не делать. Пока. Я приехал сюда работать. Значит, нужно закончить работу. Времени у меня навалом. И, конечно же, ближе познакомиться с Ксенией. Кажется, эта славная девушка зацепила меня не на шутку.

Но сначала позвонить Гале и, наконец, определиться с нашими отношениями раз и навсегда. Надеюсь, теперь мне хватит решимости. Это не намного страшнее, чем убивать врагов. Человек я свободный, до следующего новолуния ещё целый год, и никто не мешает мне вот прямо сейчас помечтать, что я его дождусь.

Вместе с Ксюшей.

А там — посмотрим.

Ольга АРТАМОНОВА

г. Москва.

РОМАНТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

«Готовы?»

«Не знаю... Поправьте, пожалуйста, вот здесь...»

«Так хорошо?»

«Да, спасибо!»

Юлия Николаевна замерла в восхищении от открывшейся ей картины; внизу у подножия горы легко волновалось море...

«Откиньтесь, пожалуйста, на спинку кресла, вздохните глубоко...»

...вспыхивая и искрясь под лучами утреннего солнца, порхающие волны отбрасывали золотой движущийся отблеск на берег, заставляя его двигаться и колебаться в совместном ритме...

«Начинаем отсчет. Раз!»

Солнце...

«Два!»

Больно глазам... Яркий свет... Солнце...

«Три!»

...солнце еще не успевшее набрать своей сокрушительной силы, ласково и нежно гладило обнаженные плечи Юлии Николаевны, прикрытые лишь тонкой бретелькой воздушного сарафана. Юлия Николаевна ощущала море почти живым существом, полным движения, света и бликов, она сделала несколько шагов вниз по лестнице, так остро ей захотелось прикоснуться к нему, ощутить его поглаживание, покачивание, почувствовать невесомость собственного тела...

«Полное слияние! Полное слияние!»

Юлечка стояла в нерешительности на ступеньках лестницы, прилепившейся к склону горы, на котором располагался их пансионат. Лестница, круто изгибаясь, бежала вниз к ждущему

морю... в обратном направлении, она двигалась уже не так поспешно, постепенно замедляясь и затихая на самом верху, возле площадки, где Юлечку, как, впрочем, и других отдыхающих, должен был ждать экскурсионный автобус.

Порыв ветра, донёсшийся с моря, легко взметнул невесомую ткань сарафана, открыв стройные ноги. Юлечка с любопытством, смешанным с изумлением, посмотрела на свои загорелые, чуть поцарапанные о прибрежную гальку колени.

Чувство нереальности происходящего сменилось ощущением удивительной лёгкости, она сделала несколько танцующих движений, как бы проверяю возможности своего тела, а затем, невесомо побежала наверх, радостно отсчитывая ступеньки:

— два, четыре, шесть, восемь...

Неожиданно она оступилась и, потеряв равновесие, упала, немножко стукнувшись коленкой о выщербленный камень лестницы. Странно, она не помнила этого падения, или, кажется, она все-таки споткнулась тогда на предпоследней ступеньке, хотя, впрочем, какая разница. Она легко вскочила на ноги, падение было несильным, и вновь побежала наверх. Когда она выскочила на площадку, перед ней вновь открылась чудесная картина: серой змейкой вьющаяся дорога, между горами с одной стороны, сияющим морем с другой. От площадки дорога уходила вниз и резко забирала влево, огибая выступ горы, — и здесь, возле поворота, она увидела экскурсионный автобус, который уже отъехал на приличное расстояние от места сбора. Большой чёрный автомобиль резко и рискованно понесся в обгон экскурсионного автобуса и, обогнав его, скрылся за поворотом, через несколько мгновений туда же вписался автобус и дорога опустела.

Юлечка растерянно смотрела на облачко взлетевшей пыли, пытаясь осознать случившееся. То, что случилось, а вернее не случилось, было очень странным. То есть, настолько странным, что этого просто не могло быть! За рулем исчезнувшего за поворотом автомобиля должен был сидеть молодой человек, который впоследствии станет её мужем...

Она бежит к уезжающему автобусу, он резко бьёт по тормозам, раздаётся режущий уши нестерпимый скрежет. Она смотрит, расширенными от ужаса глазами, на кружащуюся, словно

танцующую машину, в паре метров от неё. Наконец, странный нелепый танец прекращается, и он на негнущихся ногах выходит из остановившейся машины, молча смотрит на неё. Затем он начинает говорить что-то, отчаянно жестикулируя, но она никак не может ничего понять от испуга и пережитого шока, и только всё время, зачем-то кивает головой, словно перепуганный болванчик...

Так должна была произойти их первая встреча в Крыму.

В фирме романтических путешествий в прошлое, они с мужем выбрали именно этот день, день их первого, нелепого и почти трагического знакомства! Это был подарок мужа к юбилею их свадьбы, и надо сказать он заплатил сумасшедшую сумму — подобные путешествия совсем недавно появились на рынке и стоили невероятно дорого. Фирма давала стопроцентную гарантию и обещала полную безопасность путешествия, так как оно проходило не в настоящем прошлом, а в специально воссозданном.

— «Это похоже на скопированный файл в компьютере... — объяснял ей менеджер. — Который вы создаёте для работы с информацией и куда вы можете вносить различные изменения, в то же время файл оригинала остаётся в неизменном виде. Поэтому наши путешествия абсолютно безопасны и невероятно удобны, у человечества появилась уникальная возможность побывать в своём прошлом, без риска нарушить пространственно-временное равновесие и повлиять на течение событий в реальной жизни. Теперь Вы можете смело наступать на бабочку!» — рассмеялся менеджер, но Юлия Николаевна не поняла его шутку. Потом менеджер продолжил и долго ещё что-то говорил, но Юлия Николаевна уже не слушала, она устала от пространственных объяснений и неизвестной ей терминологии, которой так сыпал продвинутый молодой человек.

Зачем ей, собственно говоря, загружать свою голову совершенно непонятными ей вещами, это дело специалистов. Какая разница, каким образом это будет достигнуто! Для неё важно совсем другое, то, что она вновь (пусть ненадолго) сможет стать молодой и счастливой, пережить тот яркий, наполненный приключениями день своего, нет, их с мужем общего прошлого!

Сначала они поедут по вьющейся серпантином дороге, пытаясь догнать экскурсионный автобус, но уже довольно скоро передумают и решат совершить экскурсию самостоятельно. Они приедут в красавец-город, расположившийся вдоль узкой прибрежной полосы, будут бродить по его набережной, по узким, падающим к морю улицам, они прокатятся по канатной дороге, наслаждаясь открывающимся видом. Лёгкие разноцветные кабинки, легко покачиваясь, будут неспешно катить их вверх, а потом вниз, и им будет так радостно и легко, что захочется выскочить из кабинки и уже без всякой помощи беспечно поплыть над землей и морем. Ещё они будут купаться до одури в бесконечно нежных волнах Чёрного моря, без сил лежать на тёплых камнях, болтая обо всем на свете, а потом спустится вечер, они замолчат от пришедшего вдруг понимания, что эта встреча вовсе не случайна, совсем не случайна, а predetermined свыше. И когда на потемневшем небе появятся звёзды, его посерьезневшие глаза, красноречивее любых слов, скажут ей о том, о чём только и имеет смысл говорить под этим бархатным глубоким небом, — о любви...

И вот теперь Юлия Николаевна стояла посреди пустынной дороги, непонимающим взглядом смотрела вслед исчезнувшему легковому автомобилю и совершенно не представляла, что же теперь делать.

Она попыталась вспомнить, не говорил ли менеджер что-нибудь о возможности подобной ситуации, но ничего не вспомнила. Солнце уже успевшее набрать высоту и мощь, становилось всё горячее и беспощаднее. Юлия Николаевна почувствовала, что у неё как-то заныло слева, стало тяжело дышать. Она протянула руку к правому карману, где она с недавних пор носила упаковку валидола, но вместо кармана, она наткнулась на своё упругое бедро, еле прикрытое скользкой тканью.

Неожиданно позади неё раздался резкий скрип тормозов, сопровождавшийся яростным шуршанием шин об асфальт. Обернувшись, Юлия Николаевна, словно через туман, увидела, как прямо возле неё разворачивается и идёт юзом легковая машина, как она, наконец, останавливается, буквально в паре мет-

ров от неё, и оттуда выскакивает молодой человек с перекошенным от ярости лицом.

«Совсем с ума сошла... Посреди дороги... Мог задавить... Думать надо...»

Юлия Николаевна почувствовала, что неожиданно ставшие ватными ноги отказываются её слушаться, а перед глазами поплыли светящиеся точки, сопровождаемые неизвестно откуда возникшим звуком сирены...

«Пи-и-п! Пи-и-п!»

«Учащенное сердцебиение! Пульс 140 ударов в секунду!»

«Пи-и-п! Пи-и-п!»

«Ввод транквилизатора! Подготовка к экстренному выходу!»

«Пи-и-п! Пи-и-п!»

«Три!»

«Пи-и-п! Пи-и-п!»

«Два!»

«Сердцебиение нормализовано! Пульс 65 ударов в секунду. Давление в норме!»

«Один!»

Пи-и-ип! Пи-и-ип!

«Отмена экстренного выхода!»

Юлечка, вздрогнула, почувствовав прикосновение чего-то холодного к своему лбу, она открыла глаза, и прямо перед собой увидела взволнованное лицо молодого человека, в одной руке он держал бутылку минеральной воды, в другой мокрый носовой платок.

— У-у-х! Слава богу! Пришла в себя!

Он помог ей подняться, и, поддерживая её, отвёл и усадил на скамейку.

— Как ты... Вы... себя чувствуете? Вам лучше?

Юлечка закивала головой, ей действительно было лучше. Исчезла куда-то дурнота, и более того, в теле появилась какая-то удивительная лёгкость и энергия. Но только в голове был сплошной сумбур и сумятица, — этого молодого человека не было в её прошлом! Она никогда и нигде не видела его, даже

мельком, она могла поклясться в этом, у неё была отличная память на лица! И в то же время, он почти в точности, с небольшими вариациями, повторял слова и действия её будущего мужа Сергея!

...Сергей недоверчиво смотрит на неё, и в его голубых глазах читается испуг, затем взволнованно говорит: «Вам лучше? Вам точно лучше?» Она кивает головой, виновато смотрит на него. «Простите, простите меня, пожалуйста! Я не хотела, я случайно». Он тоже кивает головой, садится рядом с ней на лавочку. Они сидят рядом, какое-то время молча, отживая случившееся, искоса тайком разглядывая друг друга. Наконец Сергей, поворачивается к ней. «Простите, может, я лезу не в свои дела? У вас что-то случилось?» «Да, — говорит она смущенно, — я опоздала на экскурсионный автобус.

— У Вас что-то случилось? — спросил молодой человек.

Юлечка вздрогнула и посмотрела на юношу: небольшого роста, лет 25-ти, взъерошенный ёжик светлых волос, несколько тонких прядей прилипло к взмокшему лбу, тёмные испуганные глаза.

«Перепуганный воробышек, да и только! — подумала Юлечка. — Откуда же он взялся?»

Наверное, действительно, произошёл какой-то сбой, какая-то ошибка в программе, или как у них там это называется, и вместо мужа, по халатности, ей подсунули вот этого молодого человека. Хотя как это может быть? Ведь менеджер говорил, что это прошлое практически копия, слепок с настоящего прошлого... Ерунда какая-то! Вот и доверяй после этого всем этим рекламным компаниям, романтическим путешествиям и прочей мишуре.

— Простите, я может, лезу не в свои дела? — спросил юноша, которого Юлечка уже прочно окрестила Воробышком.

— «Ещё как!» — усмехнулась про себя Юлечка.

Но только что же ей теперь делать? Продолжать эту странную игру в знакомство, или... А что, собственно говоря, или? Как-то прервать это путешествие? Но она совершенно не знает — как, ей не дали никаких инструкций на этот счёт! А потом, это

чувство лёгкости, молодости, ощущение своего сильного красивого тела, с этим она уж никак не хотела расставаться раньше назначенного срока.

«Воробышек» внимательно смотрел на неё, в его карих с золотой искоркой глазах читалась искреннее сочувствие и желание ей как-то помочь.

«Красивые глаза», — внезапно подумала Юлечка и ответила: — Да, я опоздала на экскурсионный автобус...

По дороге они познакомились, его звали Виком, сокращенное от Виктора. Но друзья звали его именно так, и другого варианта он не признавал. Он с компанией приехал сюда дикарями, и они остановились недалеко от пансионата, где отдыхала Юлечка, в частном секторе, но так как вчера, все как придурки, пережарились на солнце, то сегодня все как дохлые валяются на кроватях и мажутся кремами от ожогов. Вик улыбнулся, и Юлечка обратила внимание, что у него необыкновенная, какая-то обезоруживающе мальчишеская улыбка, от которой становилось легко и радостно и хотелось улыбаться в ответ.

Машина стремительно неслась по пустынной дороге, через полуоткрытые окна врывался ветер, трепал и бросал во все стороны волосы, то, забрасывая их Юлечке на лицо, то, распуская за затылком, наподобие струящегося флага. Давно забытое чувство лёгкости и безответственности овладело ею, она словно наполнилась радостной и бесшабашной энергией. Какое потрясающее ощущение жизни! А то, что с ней рядом, не муж, а этот смешной симпатичный Вик-Воробышек, так это даже здорово! У нее уже очень давно не было романов! Лет эдак двадцать пять! Юлечка откинула от лица непослушные волосы, громко рассмеялась, увидела чуть удивленные, веселые глаза своего попутчика, и почувствовала тонкую незримую ниточку, натянувшуюся между ними...

К вечеру, после целого дня, проведённого с Виком тонкая ниточка, превратилась в туго натянутый канат. Так туго, что иногда перехватывало дыхание, и предательски обрывался голос. Вик и Юлечка, поужинав в прибрежном кафе, нашли уединённый пляж, и, накупавшись почти до невесомости тел, они

выползли на разогретые солнцем камни, залегли там, словно две ящерицы. Ленивые волны медленно накатывались на берег, вдали в голубоватой дымке, где море, соединяется с небом, появился чуть заметный золотисто-розовый отблеск приближающегося заката. Маленькие светлые облачка были похожи на раскинувших крылья чаек, которые тут же невдалеке, парили над водой. И море, и берег, и румянящийся горизонт с облаками и чайками, были в точности такими, как изображают их на курортных открытках, только ещё лучше, намного, много лучше. Но Вик и Юлечка не ощущали красоты окружающего их мира, вернее ощущали, но как-то глухо и отдалённо, потому что все их чувства были сосредоточены только на одном, на натяжении каната, который, натягиваясь все туже, беспощадно жал, давил, сближал их, сопротивляться которому уже не было никаких сил. Он всё равно рано или поздно должен был бросить их друг к другу...

Вик, протянул руку к её лицу, нежно провел пальцами по щеке, затем притянул к себе и, обхватив её лицо двумя руками, поцеловал её в губы...

Дальше началось настоящее безумие, они без усталости любили друг друга, на пляже, в машине, ничего не замечая вокруг, с риском быть увиденными, но им было всё равно, и не было такой силы, которая могла бы оторвать их друг от друга, её от него. Никогда раньше Юлечка не испытывала ничего подобного, конечно, в её длинной жизни с мужем случались моменты счастливого обладания друг другом, особенно в начале их романа, в первые годы замужества, она с удовольствием принимала и отдавала ласки, была отзывчива и даже изобретательна в любовных играх. Но теперь, на фоне нового чувства, те ощущения казались нелепой подделкой рядом с подлинником. От прикосновений Вика её словно пронзало током, какая-то душная и сладкая волна вздымалась от кончиков пальцев и накрывала её с головой. Каждая клеточка её тела вибрировала в такт, пела в унисон с его телом, отзывалась на каждое его движение, каждый вздох. Она была настроена на него, словно музыкальный инструмент на басовый ключ. Юлечка чувствовала, как исчезают границы между их телами, словно неполное доселе существо вдруг обрело свою целостность, расширившись до границ вселенной. Мгновение

стало вечностью, вечность стала ничем, время утратило свой смысл и значение, и обрело его снова только тогда, когда на землю опустилась темнота.

Ночью, лёжа на склоне горы, куда завела их необходимость уединения, и, глядя на мигающие чуть шевелящиеся звёзды, Юлечка с ужасом осознала случившуюся с ней катастрофу, чудовищную ошибку, происшедшую в её жизни. Её единственная настоящая любовь, предназначенная ей провидением, и всеми теми силами, ведающими и распоряжающимися судьбами людей, эта любовь прошла мимо неё. То есть, это она, она уехала от неё! Поторопилась, и села не в ту машину! Зачем она не подождала несколько мгновений? А теперь, что теперь ей делать? Она словно Золушка, — вот-вот пробьёт двенадцать часов и волшебство растает, а у принца не останется даже тувельки, чтобы он смог разыскать её. Господи, помоги! Она бы отдала всё на свете, чтобы переделать, переписать заново этот день, развернуть поток своей уже случившейся жизни, в другую, совсем другую сторону.

Ведь теперь она могла жить, дышать, чувствовать, только при условии, что он будет рядом с ней!

— «Господи, помоги, помоги!» — повторяла Юлечка в безумной надежде, глядя на звёзды. И звёзды ласково мигали ей сверху, доверительно рассказывая о тщете и мелочности человеческих желаний перед лицом вечности. Но Юлечка была глуха к их мудрым доводам, она изо всех сил прижималась к своему возлюбленному, в исступлении шептала, словно заклинание, способное изменить непоправимое:

— Вик! Вик! Воробышек! Я люблю тебя, я люблю тебя, люблютебялюблюлюблюлюблю...

В глаза Юлии Николаевны ударил свет.

— Уже утро, — взметнулось в её сознании. — Виктор! Вик!

— Успокойтесь, успокойтесь, всё хорошо!

Юлия Николаевна увидела вокруг себя людей в белых халатах.

— Вик! Где Вик! Где он?

— Не волнуйтесь! Всё в порядке! Всё благополучно! Ваш муж здесь! Сергей Георгиевич, подойдите, пожалуйста!

Среди лиц, склонившихся над ней, она увидела знакомое лицо немолодого, но всё ещё красивого мужчины. Он ласково и в тоже время озабоченно смотрел на неё.

В зеркале, висящем на стене, Юлия Николаевна увидела своё отражение: элегантный строгий костюм, уложенные в аккуратную причёску каштановые с медным отливом волосы, молоджавое лицо неплохо выглядящей шестидесятилетней женщины.

— Неужели всё? — пульсировало в висках у Юлии Николаевны. — Всё! ВСЁ!

Сергей Георгиевич ласково погладил её по руке.

— Ну, как ты? Как ты себя чувствуешь?

Юлия Николаевна с недоумением посмотрела на него.

Как она себя чувствует?

Как можно чувствовать себя, в одночасье лишившись молодости и любви. Наверное, так чувствует себя рыба, выброшенная на берег умирать без воды.

Откуда-то, из невидимых динамиков, полилась приятная музыка, и вперёд выступил невысокий мужчина средних лет, с вьющимися русыми волосами над небольшой лысиной, с мягкой, располагающей к себе улыбкой.

— Уважаемая Юлия Николаевна, наша фирма спешит поздравить вас с окончанием вашего приключения! С возвращением из прошлого!

Все стоящие вокруг люди, словно по команде, радостно заулыбались и захлопали.

— Мы смеем надеяться, что вы ещё раз пережили незабываемые чувства первой любви, совершив путешествие в день первого свидания с вашим мужем! И что эти прекрасные эмоции, незабываемые ощущения юности обновят и украсят вашу дальнейшую жизнь!

Вновь слышались хлопки, сверкнули улыбки.

— А сейчас, если вы чувствуете себя достаточно хорошо, просим пройти в банкетный зал, где наша фирма предлагает вам провести вдвоём с вашим мужем романтический вечер при свечах и...

— Нет! Ни за что! — вдруг громко вскрикнула Юлия Николаевна, а затем добавила в образовавшейся неловкой тишине, каким-то каркающим срывающимся голосом. — Я... я хочу... домой...

Через час, после стояния в привычных пробках на выезде из города, они, наконец, доехали до их дома.

У них был прекрасный загородный дом, с небольшим участком земли, на котором росли чудесные розы. Несколько лет назад они осуществили мечту их жизни, продали городскую квартиру и купили дом в коттеджном поселке, всего лишь в 20-ти километрах от города. В доме было сделано всё, как она хотела, и до сегодняшнего дня жизнь в нём приносила ей невыразимое удовольствие. Но теперь всё потеряло смысл!

Господи, но зачем они только пошли в эту фирму путешествий!

— Ну что, — деликатно сказал Сергей Георгиевич, заваривая ароматный чай в фарфоровый чайничек. — А теперь расскажи, как это было? Там мне было как-то неудобно тебя спрашивать! Тебе понравилось?

— Очень! — сказала, прикрыв глаза, Юлия Николаевна, отчётливо вдруг осознав, что у них с Виктором обязательно были бы дети, много детей, у них были бы внуки, а по выходным они бы собирались все вместе, и в их доме звенели бы детские писклявые голоса. И было бы суетно, бестолково, иногда слишком громко, но всё-таки радостно и счастливо.

И ещё она подумала о том, что теперь, надо как-то продолжать жить дальше: просыпаться, принимать душ, готовить завтрак, и каждый день усилием повседневной жизни глушить, стирать, загонять вглубь боль и отчаяние, и всё равно помнить, каждую секунду помнить, о той непоправимой ошибке, совершенной много лет тому назад.

— Я очень рад, — сказал Сергей Георгиевич, и аккуратно поцеловал её в щеку.

Что-то каменной хваткой сдавило ей грудь, и она поняла, что уже не отпустит....

— Здравствуйте! Вас приветствует магазин романтических путешествий в прошлое, — Юлия Николаевна затаила дыхание. — Ваш звонок очень важен для нас! К сожалению, в настоящий момент все операторы заняты, оставайтесь, пожалуйста, на линии, Вам обязательно ответят

Зазвучал дробный и страстный перебор гитары. Юлия Николаевна, судорожно вздохнула, пытаясь унять прыгающее сердце, наконец, звук гитары оборвался, раздался приятный женский голос:

— Спасибо за ожидание. Оператор № 2 на линии. Здравствуйте!

— Здравствуйте, скажите, пожалуйста... — сбивчиво заговорила Юлия Николаевна, вдруг покрывшись испариной. — Я однажды уже пользовалась услугами вашей фирмы ...

— Мы надеемся, что вам понравилось время, проведённое у нас, — ответил профессионально вежливый голос.

— Да, конечно, — сказала Юлия Николаевна, еще больше волнуясь. — Я бы хотела ещё раз воспользоваться вашей услугой.

— Мы рады предложить вам весь спектр наших возможностей.

— Меня интересует посещение одного дня в прошлом... как в прошлый раз, — Юлия Николаевна сбилась и запуталась в слове «прошлое», имевшем так много разных значений. — Скажите, пожалуйста, сколько это будет стоить?

— Посещение одного дня в прошлом... сейчас минуточку... А вот, так... один день в прошлом стоит двести тысяч.

— Сколько?

Юлия Николаевна не могла поверить своим ушам.

— Двести тысяч единиц, — невозмутимый голос оператора спокойно повторил немыслимую цену.

— Но как же так? Это невозможно! Мы же в прошлый раз... Мой муж платил вам втрое меньше...

— Скажите, пожалуйста, номер Вашего заказа.

— 378001— без запинки ответила Юлия Николаевна, эти цифры она помнила наизусть, и это было все, что осталось у нее от того дня.

— Минуточку... Да, совершенно верно. Ваш заказ был осуществлен в апреле этого года, в это время у нас проводилась рекламная кампания по продвижению данной услуги на рынке. И ваш муж воспользовался нашим специальным предложением. В настоящий момент рекламная кампания закончена, и заказ оплачивается полностью.

— Воспользовался специальным предложением, — горько усмехнулась Юлия Николаевна.

Это было так похоже на него, он всегда отличался практичностью, даже подарок на юбилей он нашёл со скидкой. Вот Вик, её дорогой Вик, никогда не сделал бы так.

— Скажите, пожалуйста, я уже второй раз обращаюсь в вашу фирму, может быть предусмотрена какая то, скидка, ну как для постоянных клиентов?

— К сожалению, дополнительных скидок не предусмотрено.

У Юлии Николаевны закружилась голова, и пересохло в горле, даже если она и снимет все деньги со счёта в банке, продаст все украшения и меха, ей всё равно не собрать всей суммы. Эта сумма, набор бездушных цифр, разом отменяли её мечту, какое там мечту, чего уж врать самой себе, её единственную цель и смысл жизни!

— Как же так, — дрожащим голосом заговорила Юлия Николаевна, — у меня нет таких денег, это же целое состояние... Может быть, можно сделать что-то, поймите, мне очень, очень надо...

— К сожалению, ничем не можем помочь, — ответил вежливый голос, уже с оттенком стали. — Всего доброго!

На линии возник обрыв, затем снова посыпалась отчаянная дробь гитары, и чувственный бархатный баритон сообщил о невероятных возможностях, открывающихся перед клиентами магазина романтических путешествий... Он говорил о воплощении мечты в жизнь, о счастливых мгновениях, проведённых в прошлом и о многом, многом другом...

Но Юлия Николаевна уже ничего не слышала, она рыдала во весь голос, выплескивая из себя всю боль и отчаяние, накопившиеся за шесть бесконечных месяцев, прошедших с того дня.

Шесть месяцев мучений, борьбы с собой, попыток всё забыть и жить как прежде в их загородном доме, когда-то таком любимом и ставшим ненавистным теперь.

Рыдания Юлии Николаевны вдруг оборвались, она подняла голову, посмотрела на развешанные по стенам картины, и замерла, сосредоточившись на какой-то новой, только что пришедшей к ней мысли...

Расписка:

«Я, Юлия Николаевна Покровская, находясь в твердом уме и памяти, по доброй воле предоставляю в оплату за оказание мне услуги по воссозданию дня в прошлом (24 часа, 00 минут, 00 секунд), находящийся у меня в собственности дом 200 кв. метров (Загородное шоссе, 36), а также земельный участок в объеме 30-ти сотых гектара. Все необходимые документы прилагаются», — закончил чтение представитель фирмы, невысокий мужчина средних лет, с небольшой лысиной и располагающей к себе улыбкой. Юлия Николаевна хорошо помнила его с того посещения.

— Ну, что ж, — сказал он, как-то странно посмотрев на неё.
— Всё верно, осталось только подписать документ.

— Да, да, я готова, — потянулась к расписке Юлия Николаевна. Но представитель фирмы вдруг отодвинул документ в сторону и неожиданно спросил:

— Послушайте, Вы уверены, что это вам так необходимо?

Юлия Николаевна вздрогнула, в недоумении посмотрела на ставшего серьёзным и от этого как-то постаревшего представителя и ответила резко, даже резче, чем хотела.

— А Вам какое дело?

Он немного помедлил, затем сказал с расстановкой.

— В общем, наверно, никакого. Но... я хочу вам сказать, что эта услуга... воссозданное прошлое, это — не совсем то, что рекламируется в наших буклетах. Это — не слепок с настоящего... Не совсем... то есть, честно говоря, мы и сами понятия не имеем, что это такое и что там может произойти! Может, пойдёт всё так, как вы (и мы в том числе) рассчитываете, а может, и нет! Понимаете?

Юлия Петровна очень хорошо понимала, но не подала виду, решив послушать, что он скажет ещё.

— Оказалось... — продолжил представитель, расстегнув верхнюю пуговичку рубашки: — ...что там, в этом прошлом, возможны изменения. Может произойти что-то, чего не было в вашем реальном прошлом, что-то не случившееся, какая-то альтернативная возможность, иной шанс. Что-то, мимо чего вы

прошли, или... не дошли... И что обязательно случилось бы при других обстоятельствах... И никто не понимает, когда и отчего это происходит, и насколько это безопасно для нас с Вами... Но мы всё равно продолжаем продавать и продавать эти путешествия, потому что в наш век купли-продажи никто не думает ни о чём другом, кроме выгоды. Куй железо пока горячо! Бизнес есть бизнес, — этой фразой оправдывают всё.

Он замолчал ненадолго, вытер выступившую испарину, и продолжил, уже другим более спокойным тоном, глядя Юлии Николаевне прямо в глаза.

— Вы спросили меня, какое мне до этого дело? Не знаю. И я не знаю, зачем я всё это вам говорю, возможно — это совесть. Но вы отдаёте последнее, что у вас есть, и я хотел вас предупредить. Вы совершаете ошибку, пытаетесь вернуться в прошлое. Вы не знаете, с чем можете встретиться там, а вдруг то, с чем вы встретитесь в прошлом, перечеркнёт разом ваше настоящее и будущее!

— «Уже... — горько усмехнулась про себя Юлия Николаевна. — Уже перечеркнуло».

Но она не жалеет об этом, нет! Она даже благодарна этой возможности, иначе бы она никогда не встретила Вика и никогда бы не узнала, что такое настоящая любовь. И она здесь именно потому, что хочет исправить эту ошибку, пусть ненадолго, не навсегда, пусть только на один день.

Юлия Петровна улыбнулась представителю фирмы и мягко сказала:

— Где мне поставить подпись?

Он устало вздохнул и молча протянул ей расписку...

— ...два, четыре, шесть...

Юлечка в развевающемся сарафане неслась по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньки.

— ...восемь, десять...

Внизу у подножия горы легко волновалось море, солнце ещё не успевшее набрать сокрушительной силы ласково касалось её юных плеч, прикрытых лишь тоненькими бретельками.

— ...двенадцать... четырнадцать...

Юлечка бежала изо всех сил, торопясь туда, наверх, на встречу своей судьбе. Только бы увидеть его еще раз, почувствовать его близость, прожить этот день с ним, а потом...

— шестнадцать... восемнадцать...

...Потом когда надо будет возвращаться обратно, она знает, что делать, на этот раз в карман пиджака она положила совсем другие таблетки. Хорошо бы принять их там, на склоне горы, на пике счастья и не видеть этого ужасного электрического света, бьющего в глаз. Но это невозможно, сюда ничего невозможно взять с собой, ничего она постарается сделать это как можно быстрее, а пока лучше не думать об этом...

— ... двадцать два, двадцать четы...

Внезапно Юлечка спотыкнулась и упала на ступеньки. Она чертыхнулась, вскочила на ноги и тут же, охнув, упала обратно, правую ногу пронзило болью. Ещё не осознавая происшедшего, Юлечка вновь попыталась наступить на ногу, но нестерпимая боль снова отбросила её на ступеньки. Она попробовала подняться ещё раз и снова упала.

И тогда весь ужас случившегося, наконец, обрушился на неё. Сейчас, через несколько минут, отъедет экскурсионный автобус, его обгонит большой чёрный автомобиль, потом за ним на шоссе выскочит невзрачная легковуха, за рулем которой будет сидеть её Вик, а её не будет на дороге...

— Нет! Не-е-т! Этого не может, не может быть! Нет! Нет!

Обливаясь слезами, Юлечка колотила в истерике руками о ступени. Она то пыталась ползти, то прыгать на одной ноге, она вскакивала и падала, снова вскакивала и снова падала, пока, наконец, не затихла, осознав нелепость и безнадежность своих попыток.

Море внизу дышало солоноватой свежестью, порхающие волны, вспыхивали и искрились под лучами солнца, высокое, синее с золотом, небо бездонным куполом обхватывало сияющую землю. Но Юлечка была абсолютно бесчувственна к торжественной симфонии мироздания, она, сгорбившись, сидела на ступеньках, безжизненно глядя в одну точку, и молила только об одном; чтобы быстрее кончился этот день, и вспыхнул элек-

трический свет, и тогда она бы смогла дотянуться до правого кармана, в котором лежали те таблетки.

Рядом послышался шум приближающихся шагов. Кто-то поднимался вверх по лестнице, негромко насвистывая.

Свист внезапно оборвался, шум шагов затих возле неё.

Она подняла потухшие глаза и увидела рядом высокого молодого человека, с густой копной рыжеватых волос. Он растерянно смотрел на неё сверху вниз и его зелёные большие глаза выражали удивление и озабоченность.

Юлечка никогда не видела прежде это лицо, и этот молодой человек никогда не встречался ей в её жизни, но, в то же время, она совершенно точно, до последнего слова, до последней буквы, знала, что он сейчас ей скажет...

Сергей САВИНОВ

г. Симферополь. Крым

СОБАЧЬЯ РАДОСТЬ

Это случилось под вечер. В четверг. После дождика.

Небо, как отметил Николай Николаевич Крюберг, заглянув в чашечку с чёрным кофе, было на редкость красивым — голубым, с пунцовыми перистыми облачками.

Здесь, на воздухе, снаружи кофейни «на Архивном», гораздо приятнее было находиться, чем внутри, где сегодня царило прямо-таки столпотворение.

Николай Николаевич протолкнул в себя добрый глоток неба, и, скажем сразу, не вовремя вспомнил об одном деле, полез во внутренний карман пиджака, где лежал пухлый бумажник.

В памяти отчётливо возникли некоторые детали недавней встречи в университете, при котором Николай Николаевич состоял на должности доцента и в настоящее время был в составе приёмной комиссии. Заискивающий взгляд, потные глазки и трепыхающийся тенорок: «Надеюсь, Вы поймёте родительское сердце... Сыночек... единственный...» И вслед за этим — горячая от нагрева в чужих ладонях пачка купюр.

«Хорошо ещё, что рядом никого не было, — подумал Николай Николаевич. — Так и засыпаться недолго...»

Рядом, возле входа в кофейню, кто-то возник целой гурьбой — зашуршали спички в коробках, закурили все разом, и серый дым попал Николаю Николаевичу в левый глаз — как раз с той стороны, которой стоял к незнакомой компании.

Доцент выронил бумажник и ринулся толстым пальцем к стёклам очков, стремясь протереть щиплющий глаз.

Очки, описав над его головой сверкающую дугу, упали куда-то вниз, сзади.

Николай Николаевич нагнулся за очками, и чёрный кофе, остававшийся в маленькой чашечке, о котором он совершенно забыл, — обжигающий, злой — выплеснулся ему на галстук и белый воротничок.

Николай Николаевич заскрипел зубами, зарычал и, присев на корточки, стал отряхиваться одной рукой и лихорадочно шарить по земле другой.

Шумная компания возле входа в кофейню гомонила весело и непринуждённо, будто рядом ничего не произошло.

В ярости Николай Николаевич опустил на четвереньки и удесятерил усилия по поиску своих упавших принадлежностей. Теперь он действовал руками и ногами...

Наконец доцент нашарил очки и попробовал водрузить на нос, но очки почему-то склеились дужками, и Николай Николаевич сделал первое, что пришло ему на ум: попробовал надеть их через лоб. Очки проскочили нос и подбородок и прочно охватили шею.

Доцент замотал головой и повторно зарычал. Между тем задняя левая его конечность продолжала конвульсивные движения по асфальту.

Компания молодых людей у входа в кофейню развернулась к нему.

— Чья собака? — спросил один из них.

— Смотри, нагадила прямо на тротуар, — сказал другой, указывая зонтиком на лужицу пролитого кофе.

От возмущения Николай Николаевич прекратил скрести ногой и попытался распрямиться... но у него ничего не вышло — только брючный пояс от усилия лопнул, и соскользнуло то, что пояс удерживал.

— Смотрите, смотрите, — зазвучало сразу несколько голосов. — Бульдог-то в пиджаке!.. При галстукел!..

— Действительно... Какая оригинальная собака!

— Смотрите, он похож... на Николая Николаевича, нашего доцента...

«Какой стыд... — подумал Николай Николаевич. — Ведь это мои студенты».

— Гав-гав-гав! — сказал он для пущей убедительности.

— А она не бешеная? — осторожно произнесла белобрысая студентка, прикрываясь сумочкой.

— Подождите... вот же намордник. — Перед самым носом доцента возникает обронённый бумажник, который в развёрнутом виде действительно схож с намордником.

Его властно берут за очки-ошейник и обтягивают лицо крепкой кожей, скрепляя застёжками на затылке.

— Всё, теперь не укусит!

— Гуляй, бобик!

— Привет, образина! — хохочут студенты.

Николай Николаевич, тьякнув что-то невразумительное, бежит к своей машине, но... то ли от долгого соприкосновения с мокрым асфальтом, то ли вследствие шока — пальцы его заостенели и открыть дверь машины не удаётся. Зубами открывать — бесполезный труд.

Доцент решает добираться домой на своих двоих, точнее, на своих четырёх, расстояние неблизкое — через весь город, на Окраинку.

— Самое главное, чтобы никто из знакомых возле дома не заметил, — мысленно твердит на бегу Николай Николаевич (для краткости будем звать его Ник-Ником). — Самое главное... не попасть под колеса... У-у-у, гады металлические! Всё заполнили, сволочи...

Однако, как я проголодался! Мне бы ветчинки сейчас или колечко дешёвой колбаски... Ну хотя бы косточку погрызть!.. Запах с неё слизать...

Так мечтал Ник-Ник, труся вдоль обочины у самой бровки тротуара. Когда впереди возникал прохожий, новоявленный пёс вжимал голову в плечи и ускорял бег.

За одним из поворотов к нему обратилась худющая, вся в рыжих свалывшихся клочьях шерсти, дворняжка.

— Уж не к Боссу ли путь держишь, браток?

— Отвяжись, — рявкнул Ник-Ник. — Какой я тебе «браток»! Куда надо, туда и бегу.

— А ведь без Босса не быть тебе снова доцентом, — хихикнула дворняжка, делая ударение в слове «доцент» на первом слоге.

Ник-Ник резко затормозил и развернулся к ней.

— Ты откуда про меня знаешь? Тебя кто подослал? Говори, сука!..

— Ну, ты комедь только не разыгрывай, — небрежно лайнула дворняжка. — Меня на «говори» не возмёмшь. Я знаю, что лаю, а уж ты можешь бежать куда хочешь. Сегодня, заметь, полнолуние, и на чёрной поляне в сгоревшем сосняке, что за кладбищем, будет разбор ваших земных кривляний. Босс будет награждать тех, кто наиболее отличился в чёрных делах. Ты, небось, взяточник, верно?

У бульдога Ник-Ника, если бы не намордник, челюсть коснулась бы земли.

— И вас, новопревращённых, сегодня премировать будут, — продолжала язвительно рыжая. — Беги скорей туда, если не хочешь опоздать. Хотя... я могу помочь тебе. Вот только... Услуга за услугу — ведь это я надоумила тебя, верно? — немедленно отведу тебя на чёрную поляну, а ты уж мне — говядинки или колбаски «собачья радость» в ночном магазине, когда снова человеком станешь...

— Веди! — рявкнул Ник-Ник. — Будет тебе колбаска. Обещаю. Только бы мне обратно в человека превратиться!..

Они помчались в сторону кладбища, подстёгиваемые каждый своей перспективой.

Сумерки, впрочем, были проворней, чем их лапы.

Фонари сегодня зажглись с опозданием. Собаки уже были на Абдале. Только жёлтая луна освещала тропинки меж могил.

У Ник-Ника временами шерсть на загривке вставала дыбом — такой ужас овладевал его существом. Что-то белёсое мерещилось то справа, то слева, сгущаясь над некоторыми могилами.

Но вот погост кончился.

Собаки пересекли пустырь и очутились среди пестиков сгоревшего сосняка.

— Где же твоя чёрная поляна? Мой нос в этой гари ничего не различает, — отфыркиваясь, пролаял Ник-Ник.

— Прямо, прямо скачи, — мотнула мордой рыжая дворняжка. — В добрый час. Я тебя здесь подожду... Уговор-то наш не забыл? — кинула она ему вдогонку. — Говядинки или «собачью радость».

Бульдог Ник-Ник мчался так, что не смог вовремя затормозить — врезался в одного из недвижимых, которые сидели на поляне. Это был крупный матёрый волк. Были здесь и множество других зверей: рыси, гиены, медведи, россомахи, шакалы... Молчаливые, будто изваяния. Взгляды их были обращены в сторону громадного, вывороченного с корнем дуба в дальнем конце поляны.

Ник-Ник всмотрелся в физиономию волка, на которого налетел, — кого-то отдалённо напомнило выражение мохнатой морды.

— Тише ты, пёс! — даже не поведя на него ухом, прорычал волк сквозь зубы.

«И голос похожий...» — подумал бывший доцент.

И вдруг Ник-Ника обожгло догадкой. В матёром сером он опознал ЕЕЦа — Ефима Елисеевича Цигельмана, ректора университета. «Его повадка...»

— Если бульдожек будет ногами сучить или скулить — мы его порвём, — хорошо поставленным голосом секретарши Цигельмана промурлыкала белая рысь.

— Ежели рыпнется, я ему паршивый хребет сломаю, падлюке, и скажу, что так и было! — басовито заверил медведь.

«В шкуре топтыгина, конечно же, полковник милиции Лёша Курь», — узнал Ник-Ник.

Он лицезрел полковника в университете неоднократно, когда тот, пошатываясь, весь багровый от выпитого, выходил от ректора. Визиты Курия в кабинет ЕЕЦа случались настойчиво-регулярно, отчего не выдерживала дверная ручка пресловутого кабинета, которую тот неоднократно срывал, прямо перед носиком секретарши.

«Господи... — подумал Ник-Ник. — Стало быть, не я один сегодня превратился... И если все они...»

Додумать свою мысль бывший доцент не успел. Между чудовищных корней поваленного дуба внезапно черкнула яркая, как молния, вспышка. Образовалась чёрная нора...

С густым дымом, пронзительным визгом взлетающей ракеты из норы вырвалось нечто и расправило громадные остроугольные и перепончатые, как у летучих мышей, крылья.

«Да это же птеродактиль!», — чуть не вскричал Ник-Ник, поражённый увиденным.

Из змеиной пасти бронированной головы, обрамлённой жёстким шипастым воротником, полыхнул огонь. Догадка, что это — сам «Босс», о котором говорила рыжая дворняжка, успела мелькнуть в собачьей голове бывшего доцента.

По небу — ясному, в звёздах — прокатился гром — оглушающий голос дракона.

— Все ли здесь собрались?!

Ник-Нику показалось, что сидящие вокруг звери по-настоящему окаменели: настолько густая тишина воцарилась после раскатов драконьего грома.

— Все ли здесь собрались, я спрашиваю?! — гром с пламенем ещё яростнее.

— Все... все... — прорезался дребезжащий голосок.

Ник-Ник, скосив глаза, различил его обладателя — маленького паршивого шакала, в котором тут же узнал зубного техника Яшу Яфферта, по прозвищу «Пачкун». Все знали, что протезист имеет графоманский грешок. Но пишет не только свои мемуары о том, как когда-то работал электромонтёром в симферлевском зоопарке, потом — даже в правительственной столовой, но уже официантом, но и анонимки. И подвергает субъекта, захотевшего «красивой жизни», бумажным атакам — многочисленным проверкам типа пожарной, милицейской, санэпид и прочим.

— К тому же... здесь — несколько кандидатов в неофиты... — проверещал шакал Яшка уже погромче, позволяя себе даже некую фривольность в слове «кандидатов».

— Готовы они получить посвящение?!

Бывший доцент увидел за клубами дыма, сквозь огонь злые, вперенные в него, будто в самую душу, яростно горящие глаза.

Бульдogu Ник-Нику сделалось гнетуще; сознание на миг раздвоилось...

В отдалении он услышал свой слабый голос:

— Г-г-гот-т-тов...

— Ну, тогда пусть его получают! Выведите этих презренных тварей сюда! — огненная струя, выблеванная из пасти машущего

крылами «Босса», очертила на проплешине перед дубом пылающее кольцо.

Ник-Ник почувствовал, что его подхватили с боков и несут («проводимыми» были волк ЕЕЦ и медведь Курь). Несут к огненному знаку. Не успел он опомниться, как очутился внутри драконьего кольца рядом с какими-то съжившимися барсуком и росомахой.

— Дабы посвящение было действенным, нужна жертва! — прогромыхало сзади.

Ник-Ник понял, что дракон опустился и восседает на повергнутом дубе.

— Эй, кто там!.. Жертву — сюда! Живей!

Головы сидящих зверей зашевелились, будто серое море заволновалось. Шевеление это продолжалось, как показалось бульдогу, целую вечность.

— Вот она... вот жертва, Босс! — раздалось резкое тьяканье гиены.

Ник-Ник узнал в ней своего соседа — нигде не работающего уже много лет Стаса Кулёмина, кокаиниста и педофила, «прокручивающего» тёмный валютный безнал и выходящего на свою «охоту» каждую ночь.

В огненном кольце появился извивающийся дрожащий комочек. Это была собака со связанными лапами.

Бывший доцент вздрогнул и похолодел. Он узнал в связанной «жертве» свою недавнюю знакомую — рыжую дворняжку.

— Я первый! — вызвался барсук голосом преуспевающего скульптора Юрдасова, автора бездарных памятников, которыми, с разрешения и под патронатом временщиков-чиновников, был заставлен центр Симферля.

— Нет — я! — закричала росомаха — известная всему городу тележурналистка Жируева, ранее открыто, в плакатных стихах, призывавшая сограждан к бунту, а ныне — ведущая скандально-го политического ток-шоу.

— Нет — я! — неожиданно (для себя) твёрдо заявил Ник-Ник.

Бывший доцент всю жизнь, как помнил себя, старался никогда не выдвигаться в первые ряды. Никогда он не стремился числиться ни комсомольским вожаком, ни партийным агитатором — даже в своей преподавательской практике не пытался новаторствовать. «Здоровья пока хватает, на хлеб с маслом и небледной икрой пока хватает», — по такому принципу прожил Николай Николаевич Крюберг вот уже целую эпоху и пол-эпохи. Семьи своей у него не сложилось, родные (он был поздний ребёнок) давно отошли в мир иной. И хотя стараться для кого-нибудь надобность отсутствовала, деньги — такая штука... Нужны всегда!.. Подношения (а проще сказать — взятки) вначале шли в виде дорогих горячительных напитков, экзотических «цацок», дальше — больше — «зеленью»... Но и тут доцент весьма и весьма осторожничал.

Потому сейчас, в драконьем пылающем кольце, подав голос, перекрывающий других, Ник-Ник совершил как бы революционный прорыв.

Тощая рыжая собачонка мелко дрожала и жалобно поскуливала. Лапы её, стянутые какими-то кореньями, подёргивались, мокрый хвост был поджат и блестел в отсветах жёлтого пламени.

— Убей жертву! — прогрохотал дракон. — Обагри свежей кровью наш алтарь!

— Лапами, лапами, бульдог!.. На артерию жми!.. — подсказывал шакал Яшка Яфферт из-за огненного кольца. — Дурилка... У тебя же намордник... Лапами!

— Рви когтями нашу жертву! — взвыл волк ЕЕЦ. — Я приказываю! Не запори ритуал!

— Убей! Убей!! Пусти кровь! — начали раздаваться звериные голоса — сначала нестройно, по одному, но вот — скандируя в едином ритме: — Пусти кровь! Пу-сти кровь! Пу-сти...

Ник-Ник склонился к уху несчастной собачонки и тихо шепнул ей:

— Беги... Беги так быстро, как можешь...

Дальнейшие его действия были неожиданны как для всех, так и для него самого: бывший доцент когтями разодрал коренья, стягивающие лапы рыжей дворняжки, и мордой подтолкнул её к Свободе.

Дальше — провал в памяти бульдога Ник-Ника.

...Доцент Крюберг Николай Николаевич осознал себя лежащим на земле на своей родной улице пригорода Окраинка, неподалёку от дома...

— Это ж... Чтой-то ты, милоч, лежишь? — раздался женский дребезжащий голос у него над головой.

Доцент приподнялся на локте и повернулся на голос.

Старушка с палочкой в одной руке всплёскивала другой, хлопая себя по бедру, и выражала сердобольство покачиванием головы в белом платочке.

— Ведь вот какая бяда-то... Пожар у тябёй нонешней ночью случился... А я — соседка твоя... из пятнадцатого дома... Помнишь? Марья Афанасьевна я... Видать, память у тябёй, милоч, провалилась... И впрямь: такой пожар, такой пожар!.. Вот бяда-то, вот бяда... Хорошо хоть ты целёхонёк...

Николай Николаевич, начиная понимать причитания соседки, в страшном волнении поднялся с земли и на непослушных ногах, насколько мог быстро, проковылял до своего палисадника. Оставшееся от двухэтажного особняка гряда чёрных камней и обугленных брёвен ещё дымилось.

— Как, почему? — прохрипел он. — Почему именно сейчас?!

Постояв ещё энное время, махнув рукой и не слушая более старушечьи соболезнования, пошёл, пошатываясь, по направлению к центру. К кофейне «на Архивном», где вчера оставил машину.

Он не удивлялся, когда из-за чужих палисадников или заборов собаки, которых так много на Окраинке, захлёбывались в лае и рвались с привязи. Что уж говорить о встреченных шавках, которые долго и громогласно преследовали его.

Станным и удивительным было то, что мысли оставались не рядом со сгоревшим домом — доцент мечтал о мозговой косточке в тарелке обжигающего густого супа.

Добравшись до кофейни «на Архивном», машины своей Николай Николаевич не обнаружил. Впрочем, это его уже не огорчило — зияющая пустота вместо иномарки и на асфальте — копотью, небрежно: «ЖЕРТВА».

— Любопытно... — сказал вслух доцент. — Автомобильные лиходеи поработали или... или...

«Поеду в университет», — решил он. Благо в кармане брюк, лишившихся намедни пояса, ещё звенела какая-то мелочь.

Встретаться с некоторыми из своих коллег, особенно с Цигельманом, совсем не хотелось — это доцент в себе отметил.

Впрочем, он не отдавал себе отчёта, что университет, которому он посвятил больше половины жизни, круг сослуживцев — по сути являлись последним, от чего можно было сейчас оттолкнуться, «держаться на плаву». Если такой словесный трафарет годится для нынешнего его статуса погорельца.

Николай Николаевич, впрочем, действовал хотя и машинально, но последовательно.

В университете бывший бульдог Ник-Ник получил то, к чему уже внутренне подготовился.

— Ефим Елисеевич передал, чтобы вы НАПИСАЛИ... — не отрываясь от монитора компьютера, промяукала секретарша, — НАПИШИТЕ... Сами...

Она поправила крашенные белокурые локоны длинными чёрно-лаковыми ноготками. Хищные немигающие глаза отражали разноцветную пульсацию на экране — игру в «кошки-мышки».

...Николай Николаевич Крюберг вышел за дверь и выдохнул, глубоко вдохнул носом и снова выдохнул. Это была Свобода.

Очищение от скверны.

От ЕЕЦа и ему подобных.

От круговой поруки лжи и лицемерия.

От всяческого беспокойства.

От страха.

«Это — счастье!.. Это — счастье!..» — пело всё внутри бывшего доцента, когда он шёл цветущими аллеями парка, а потом — милыми старыми улочками родного Симферля.

— Эй, парень! — вдруг окликнул его чей-то женский голос, возвращая к действительности.

Николай Николаевич обернулся.

Перед ним стояла незнакомая женщина, худощавая, смуглая, в «бальзаковском», что называется, возрасте, однако не лишённая неуволимой привлекательности.

— Прикурить не найдётся?

Из-под рыжей чёлки глядели карие, совсем девчоночьи, искрящиеся смехом глаза.

— Да я... я... не курю, — бывший доцент и бульдог беспомощно развёл руками.

— А как насчёт позавтракать, а заодно и пообедать вместе? Ты ведь не завтракал с утра, верно? — она сделала паузу и хитро подмигнула. — Как насчёт порции говядинки или... хотя бы, на худой вариант, — жареной колбаски?..

Дарья ВОРОНИНА

г. Симферополь. Крым.

ЧАЕПИТИЕ

Часть первая: за гранью понимания

Лиза сидела на подоконнике, подобрала ноги и положив подбородок на колени. Она была юна и хороша собой. В каждом её движении, и даже сейчас, в полной неподвижности, ощущалась грация. Медно-каштановые локоны крупными волнами падали на плечи. Изумрудно-зелёные глаза светились спокойствием и мудростью, что было необычно в её-то двадцать три. Кончик аккуратного острого носика слегка шевелился, когда она что-то беззвучно шептала, перебирая тонкими пальцами цветные нитки.

В маленькой мансарде царил полумрак, но из окна уже начал просачиваться свет нового дня. На электроплитке, в дальнем углу комнатки, вскипел чайник. Лиза улыбнулась своим мыслям, легко спрыгнула с подоконника, достала из старого буфета любимую кружку со стилизованным изображением кота и стала заваривать чай. Комнату заполнил запах лимона и корицы.

— Привет, — донеслось со стороны вязаного кресла-мешка, которое Лиза довязала только на прошлой неделе и очень им гордилась.

Она обернулась. В кресле сидел кот, немного крупнее положенного, но, тем не менее, это был самый настоящий кот. Рыжий, с более тёмными полосками на хвосте и лапах. Вертикальные зрачки разрезали янтарь глаз, а правое ухо хранило следы давней драки.

— Привет, Сэм, — улыбнулась Лиза. — Тебе как обычно?

Она потянулась к верхней полке буфета и достала коробочку рыбного печенья.

— Знаешь, — задумчиво проговорил Семён. — Ты единственная, кто не верещит как дрель, когда у неё в комнате внезапно материализуется говорящий кот.

— А что тут такого? — Наиграно удивилась Лиза. — Ну, кот и кот, ну говорящий, зато есть с кем поболтать. Вот если бы ты появлялся не весь сразу, а, к примеру, начиная с улыбки, как твой Чешир, я бы как минимум удивилась. — Она подошла к креслу и ласково потрепала Сэма за загривок. — Молока хочешь?

— Нет, мой желудок этого не переварит, вот от чая с молоком не откажусь.

— А вот это действительно странно, — заметила Лиза. — Кот, который пьёт чай.

— Знаю, — вздохнул Сэм. — Но ничего не могу с собой поделаться, ты ведь завариваешь самый восхитительный утренний чай.

— Ты льстишь мне! — Рассмеялась Лиза.

— Ничуть, — ответил кот. — Далеко не все умеют заваривать чай из утреннего тумана и ветра.

— Ну, и не каждый кот умеет говорить и появляться там, где ему вздумается, — заметила Лиза.

— Тоже верно, — согласился Семён.

Они пили чай молча, разглядывая друг друга и создавалось ощущение, будто взглядами они рассказывали друг другу больше чем словами. Первым тишину нарушил кот:

— Как думаешь, сколько ещё?

— Чего сколько? — откликнулась Лиза.

— Не знаю. Жизней, вселенных, таких же, как мы? — Задумчиво протянул Сэм.

— Много, наверное, — легкомысленно отмахнулась Лиза. — Тебя это беспокоит?

— Меня много чего беспокоит, — фыркнул кот, а потом продолжил: — Но в последнее время мне стало скучно, тесно и душно здесь. Не именно у тебя дома, а вообще здесь, в этом мире.

— И чего же ты хочешь? — Лиза вопросительно подняла бровь.

— Уйти.

— Куда?

— Не знаю пока, может вообще ни куда, а когда. Пойдёшь со мной? — Оживился кот.

— А может, и пойду. — Лиза хитро прищурилась. — Алиса же пошла.

— Ага, пошла, — согласился кот. — И чокнулась под старость лет.

— Зато ей было весело. Пойдём прямо сейчас?

Они допили чай. Утреннее солнце уже всю заливало комнату.

Лиза проснулась. На электроплитке, в дальнем углу комнаты, неистово свистел чайник.

Часть вторая: прогулка у моря

Восходящее солнце расплыло серебро по водной ряби и начало выбивать из него искры тонкими бледными лучами. Широкая полоса безлюдного пляжа медленно заселялась чайками. Ленивый прибой пытался отогнать надоедливых птиц, но впуская, чайки только игриво отпрыгивали от пены, а после вообще взлетали и нагло усаживались на воду за линией прибоя. Лёгкий бриз играл с пеной, раскидывая водяную пыль по пляжу, а иногда спускался ниже и перебирал золотистые песчинки, словно любясь своим богатством. И вдруг ветер притих и затаился, он наблюдал за крайне странной парочкой, вывернувшей на пляж из-за ближайшего утёса.

По прохладному песку пружинящей походкой шла девушка. Стройные ноги в лёгких босоножках почти не оставляли следов на песке, будто девушка только для вида касалась его ногами и вовсе не считалась с гравитацией. От сырости каштановые волны её волос свернулись в очаровательные колечки, а зелёные глаза излучали абсолютное умиротворение и по глубине своей могли поспорить с морем.

Рядом шёл необычайно крупный рыжий кот и брезгливо трусил лапой каждый раз, когда наступал на тёмное пятно мокрого песка, отчего его походка была больше похожа на странный танец, чем на неспешную прогулку.

Солнцу стало любопытно.

Солнце начало медленно подниматься, чтоб не спугнуть неожиданных гостей, и прислушалось к их разговору.

— Сэм, не проще перейти на другую сторону и идти по сухому песку, чем постоянно оттряхивать лапы?

В ответ прозвучало лишь мерное сопение.

Девушка с удивительной лёгкостью подняла кота:

— Неужели ты так разленился, что тебя на нужную траекторию каждый раз вручную переставлять надо... — она переставила его подальше от воды.

В ответ опять раздалось мерное сопение.

Девушка пригляделась, удивлённо хмыкнула, а потом, набрав побольше воздуха в лёгкие, неправдоподобно зычно командовала: «Рота подъём!»

От неожиданности кот подпрыгнул на месте метра на полтора.

— Вот же изверг, — отдышавшись, пробормотал Сэм. — Так ведь и зайкой остаться можно!

— А нечего спать на ходу. Меня вообще поражает это твоё умение: спать и идти, не спотыкаясь и не врезаясь в препятствия.

— Лиза, ты же знаешь, я не могу вставать так рано. А ты какого-то ляду вытащила меня из дома аж на рассвете. Как я, по-твоему, должен себя вести? Петь и плясать? Мне вообще положено сейчас всюю блуждать по снам, а не по сырым пляжам... — нахмурился кот.

— Да что ты понимаешь, — фыркнула Лиза. — Рассвет, это же самая мистическая пора.

Кот остановился и принялся флегматично вылизываться:

— Нет, самая мистическая пора — закат, поверь эксперту, — заметил он между делом. — И, кстати, с тебя чай, раз уж ты меня разбудила.

К удивлению Сэма, девушка сняла со спины небольшой рюкзачок, достала оттуда цветастый лоскутный плед, термос, судочек из которого доносился интригующий запах еды и две походные эмалированные чашки. Она расстелила плед на песке, уселась на него и открыла судочек. К огорчению кота, там оказались омлет, огурцы и сыровяленая колбаса, которую Сэм не ел по причине слабого желудка. Он жалобно посмотрел на Лизу.

— А мне чай без ничего пить, что ли?

— Нет, конечно, ты думаешь, я могла оставить тебя без завтрака? — улыбнулась девушка и достала из рюкзака ещё один судочек, в котором оказалась курица, тушёная в сливочном соусе, а следом появилась пачка творога с изюмом.

В глазах кота пробежала янтарная искорка.

— Это всё мне? — заморожено прошептал Сэм.

— Ну, немного творога я у тебя отберу, десерт нам всё-таки на двоих.

Они ели, пили ароматный чай и болтали:

— Слушай, а что ты имел в виду, когда сказал, что тебе в такое время «положено всюю блуждать по снам»?

— Ну, я же всё-таки из чеширской породы... — прочавкал кот. — Вот помнишь, я к тебе на рассвете на чай забегал? Это же тоже был сон.

— Как это? — удивилась девушка. — Мы ведь действительно пили чай и ели печенье, я проверяла потом, чашки стояли с остатками чая, и печенья убавилось.

— И, тем не менее, это был сон. Сон в реальном времени, если хочешь. Это когда всё ощущаешь, и всё происходит как бы наяву, только во сне. И видишь ты его ровно столько времени, за сколько происходят события, а не за пару минут до пробуждения, как это происходит с обычными снами. И если ты проснёшься во время такого сна, а потом уснёшь снова, — сможешь в него вернуться. Так вот мы, чеширы, способны по таким снам гулять или даже создавать их для тех, с кем хотим увидеться.

— Вот оно что... — понимающе протянула Лиза. — Я-то думала, что ты так приходил, по-простому, а я потом снова уснула. Тогда извини, что разбудила тебя сегодня в такую рань.

— То-то же... — наставительно произнёс Сэм.

Солнце поднялось окончательно, и рассвет перерос в полноценное утро. Чайки кричали и носились в поисках еды. Ветер, притаившийся от подозрительной пары, вышел из своего укрытия и принялся снова перебирать песчинки на пляже. А ленивые волны медленно слизывали с кромки берега следы, оставленные недавними гостями в песке. И даже волнам показалось странным, что следы эти обрывались так резко, будто, оставившие их, внезапно исчезли, как и не было. Но какое морю до этого дело?..

Часть третья: меланхолия Лизы

Уже неделю погода не радовала солнцем. Дожди лили каждый день с новой силой, не выпуская людей из домов. Вот и сегодня мягкое алюминиевое небо угрожало обрушиться на зем-

лю потоки воды. Воздух становился всё гуще, подавляя любую попытку ветра прогуляться по улицам, а вскоре и вовсе стал тягучим и липким как патока. Запахло пылью, крупные капли начали отбивать ритм о жестяной карниз.

Лиза лежала на кровати и смотрела в потолок абсолютно пустым взглядом. Все домашние дела были уже переделаны по нескольку раз. Начатая неделю назад вышивка теперь красовалась на стене в аккуратной деревянной рамочке ручной же работы. Даже плита, вечно залитая убежавшим молоком или кофе, теперь сияла чистотой. Идеальный порядок в маленькой мансарде нарушали только кружка со стилизованным изображением кота и миска с рыбными крекерами. Они стояли посреди стола, словно ожидая скорых гостей.

Гостей не было. Никого не было. Кроме Лизы.

Сэм не появлялся больше недели. Иногда уличные коты запрыгивали на соседский забор, с которого Семён часто забирался на её подоконник. Тогда Лиза подбегала к окну, помахивала рукой и расцветала самой нежной в мире улыбкой, но стоило ей приглядеться, и улыбка тут же гасла, а рука бессильно опускалась, — это были просто дворовые коты, большие и рыжие, но ни один из них не был Сэмом. И только редкие прохожие кидали настороженные взгляды на девушку, так радостно приветствовавшую пустую промозглую улицу.

Иногда, ночами, когда дождь прекращал попытки утопить город, Лиза слышала боевые вопли котов и вздрагивала. Перед её внутренним взглядом всплывала картина, как Сэм прыгает из окна на забор, как большой серый кот, сидящий там, принимает боевую стойку и рычит, как они сцепляются в разноцветный меховой клубок и, задержавшись секунду на краю забора, падают вниз, не размыкая зубов и когтей. Ещё с минуту слышна их борьба, а потом тишина. И серый кот, забравшись обратно, садится зализывать раны, а Сэма нигде не видно.

С той стороны забора у соседей шла стройка, и нагромождения железок сменяли горки песка и мешков с цементом. За день до этой драки привезли какие-то рейки и черепицу. На такую подложку падать неприятно, а если упасть неудачно....

От таких мыслей Лизу кидало в холодный пот, руки начинали трястись так, что она не могла даже выпить чаю, не расплескав половину на пол, а внутренности будто наматывало на миксер или пережимало жгутом.

Но дни шли, и физически ощущаемое беспокойство сменялось синей тоской, а размышления о происшедшем — ожиданием. Сэм ведь всегда приходил, сколько Лиза себя помнит, — он всегда был рядом, наяву или во сне, даже после болезней и драк возвращался, тёрся щекой о руку и требовал чай с молоком. И она ждала.

Пару раз она порывалась убрать кружку с изображением кота в буфет, засунуть её подальше, чтоб не замечать. Вернуть крекеры в пачку, а в миске вырастить мяту. Но каждый раз замирала на полпути, оборачивалась к окну, тяжело вздыхала и оставляла всё как есть. Вдруг придёт?

А вечером, после очередного дня ожиданий и утомительных дел, она открывала окно настежь, укрывалась пушистым одеялом и уже на пороге сна тихо произносила: «Я хочу тебя увидеть, приходи».

Может... хоть во сне?

Часть четвёртая: возвращение кота

Холодало.

При открытом окне ночью уже плохо спасали даже два тёплых одеяла и горячие батареи. Деревья теряли последние листья и, как раз сегодня утром, два листка занесло морским ветром в открытое окно маленькой мансарды. Они лежали рядом, тёмно-коричневый дубовый листок, и оранжевый кленовый.

Лиза отошла от ноутбука и вздохнула:

— Сегодня обещают заморозки ночью, придётся закрыть окно...

Её взгляд упал на листья, занесённые ветром.

— Пожалуй, — произнесла она почти шёпотом. — Потерплю ещё одну ночь.

Лиза всё ещё ждала Сэма, хотя он не появлялся всю осень после той драки с чужим серым котом, и надежда таяла.

Она подошла к буфету, достала пачку какао и поставила чайник на электроплитку. Какао хорошо согревало тело и душу, и помогало почти не обращать внимания на соседей снизу, которые затеяли ремонт и сверлили целый месяц. Девушка взяла чашку с горячим напитком, кинула в него пару зефирок, щепотку корицы и устроилась в вязаном кресле-мешке, разместив на коленях ноутбук.

Лиза каждый день пролистывала все объявления о найденных животных. Конечно, вероятность найти Сэма по ним была практически равна нулю, но ведь надежда умирает последней.

Когда объявления кончились, она взяла книгу. Сборник сказок народов мира. На что-то более серьёзное не хватало духа, серьёзное заставляло задуматься, а все мысли неизбежно возвращались к Сэму и только усиливали тоску.

Незаметно для себя Лиза задремала. Ей снились чаепития и прогулки по «генеральским» пляжам. А потом ей снился крепкий рыжеволосый юноша с очень взрослыми глазами. Он чем-то неуловимо напоминал Сэма, и Лиза понимала, что это, скорее всего он. Знакомые во снах иногда видятся в абсолютно неожиданных образах.

Они гуляли по парку, держась за руки, смеялись и дурачились. А потом они вдруг поцеловались, и этот поцелуй был настолько реалистичный, что Лиза почувствовала его и оттого проснулась.

И вздрогнула от неожиданности.

Перед ней сидел тот самый юноша из сна, только абсолютно нагой, и улыбался. Янтарные глаза искрились золотом в лучах заходящего солнца. Мочка правого уха была слегка надорвана, но давно зажила, оставив небольшой шрам. А свежий длинный шрам тянулся почти от ключицы через все рёбра к спине.

— Привет... — произнёс юноша до боли знакомым голосом.

— Привет, — ошарашено отозвалась Лиза.

Он взял её за руку и прислонился щекой к тыльной стороне её ладони.

— Я же говорил, что самая мистическая пора — это закат. Может, сделаешь чай с молоком?

Сергей МОЛОДЦОВ.

г. Керчь. Крым.

СПАСЕНИЕ

В научных кругах бытуют версии, что не только Земля, но и вся солнечная система созданы искусственно. Кем, как, когда и с какой целью — вопрос. Многие учёные склоняются к тому, что и Луна — искусственное образование, полое внутри и скрывающее под своей поверхностью, различные наблюдательные комплексы, неотъемлемой частью которых, являются различные и множественные НЛО.

Выводы учёных опираются не только на наблюдения за лунной и космические исследования, но и на свидетельства таких мыслителей прошлого, как Плутарх и Аристотель. В описании Аркадии (Пелопонесский полуостров), Плутарх рассказывает о её правителе, имя которого было Проселенос, что означает «Долунный», а его подданные звались проселенитами. Аристотель в своих трудах тоже упоминает о жителях горной Аркадии, живших во времена, «...когда на небе ещё не было Луны» (2-й век до н.э.)

Из этого следует, что луна была создана уже на определённом этапе развития человечества, а значит — гораздо позже образования (или создания) самой солнечной системы.

Вывод из всего этого делается неоднозначный — проводится эксперимент в глобальном, космическом масштабе, который находится под непрерывным наблюдением и контролем.

Кем и для чего?

Планета Земля, Крым.

Эти погожие, пронизанные солнечными лучами дни, заступившего на вахту апреля, всегда вызывали у Николая Николаевича стойкое ощущение душевного подъёма: приближалась очередная годовщина освобождения города от фашистских оккупантов, а там и День Победы не за горой.

Майор запаса, бывший командир эскадрильи полка истребительной авиации, Николай Николаевич Богданенко, отправился на традиционную прогулку к морю. Прогулявшись вдоль, пустынного пока ещё пляжа, он направился к белой каменной беседке, которая возвышалась чуть в отдалении, на уступе, выдающемся в море и как бы парила над морем, словно белоснежная чайка

Раньше Николай Николаевич приходил сюда просто посидеть, подышать морским воздухом; вспомнить, в этом отдалённом от городского шума уголке, о делах минувших дней; поразмышлять о днях настоящих и грядущих. Сегодня он захватил с собой, подаренный накануне сыном, кассетный магнитофон «Весна-306».

— Это тебе, батя, чтоб не скучно гулять было! — сказал Серёжка. — И парочку кассет я записал по твоему вкусу: на этой — Высоцкий, а на этой — сборничек из твоих любимых.

Николай Николаевич частенько крутил дома на старенькой «Астре» катушки с записями военных песен Владимира Высоцкого и постоянно поражался: как мог человек, не прошедший войну, так её знать, чувствовать и передавать всё это через свои песни.

Расположившись в беседке почти по-домашнему, Николай Николаевич налил в крышку от термоса (тоже подарок сына) горячего душистого чая, закурил привычную «беломорину» и нажал на кнопку воспроизведения.

...«Сверкал закат, как сталь клинка,
Свою добычу Смерть считала.
Бой будет завтра, а пока,
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалам...»

— «Кавказ... — Николай Николаевич сделал глубокую затяжку. — Начало моего боевого пути».

Под звучащий, с хрипотцой, голос, он окунулся в прошлое. Из кавказского периода боёв, его вернула в настоящее самая любимая песня, которую он готов был слушать постоянно.

«Их восемь — нас двое.
Расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
«Серёжа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять!»
Я этот небесный квадрат не покину
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит и шансы равны!
Мне в «хвост» вышел «Юнкерс», но вот задымил он,
Надсадно завыли винты.
Им даже не надо крестов на могилы-
Сойдут и на крыльях «кресты»!
«Я — первый, я — первый! Они под тобою,
Сбей пламя! Уйди в облака, я прикрою!
В бою не бывает чудес!
Сергей, ты горишь! Уповай, человече,
Теперь лишь на крепость строп!»
Нет! Поздно! И мне вышел «Юнкерс» навстречу:
«Прощай! Я приму его в лоб!»
Я знаю: другие сведут с ними счёты,
Но по облакам скользя,
Взлетят наши души, как два самолёта,
Ведь им друг без друга нельзя!
Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота — щёлк,
Мы Бога попросим: «Пишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»
И попрошу я Бога, Духа и Сына,
Чтоб выполнил просьбу мою:
«Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою!»
Мы крылья и стрелы попросим у Бога —
Ведь нужен им ангел-ас!
А если у них Истребителей много,
Пусть пишут в Хранители нас!

Хранить — это дело, почётное тоже, —
Удачу нести на крыле,
Таким, как при жизни, мы были с Серёжей
И в воздухе, и на земле!»

«Почти про нас с Ковалёвым!» — вновь констатировал Николай Николаевич.

Про их последний вылет и последний бой, после которого комэск, капитан Богданенко, чудом спасённый, отлежал в госпитале и был списан лётной комиссией в наземную службу. А вот его ведомый, старший лейтенант Серёжка Ковалёв, погиб.

Как он выжил — Богданенко до сих пор не мог понять. По словам наших пехотинцев, очевидцев этого боя, один самолёт, загоревшись, врезался на их глазах в землю. Другой — взорвался в воздухе. Пилотов на парашютах никто не видел. Следовательно, погибли оба лётчика.

Но он-то, вопреки всему, остался жив! Николай Николаевич не помнил ничего. Полная потеря памяти после момента атаки на его самолёт. Сознание вернулось уже в госпитале. Но не память. Он усиленно пытался вспомнить и связать воедино то, что мелькало в голове странными картинками, как из научно-фантастического фильма. Тщетно... Да ещё вот этот, появившийся у него неизвестно откуда, не менее странный значок...

Николай Николаевич достал из нагрудного кармана бумажник и извлёк из отдельного кармашка небольшой значок: круглую, размером с пятикопеечную монету, пластинку из жёлтого металла, покрытого белой эмалью, на которой была изображена фигура сидящей в профиль кошки. Сзади значка имелось два небольших усика, посредством которых он крепился к одежде.

Счастливого спасение, загадочные картинки из глубин памяти и этот странный значок... Многие годы бывший лётчик искал между ними связь, но никак не мог ухватиться за кончик нити в мелькающих кратковременных вспышках-видениях. Ответ на мучившие вопросы ускользал от него. Сотни раз он прокручивал в голове, как киноленту, события того дня. Помнил всё, до

мелочей, но до определённого момента. Дальше — беспамятство и странные, обрывочные видения...

...В то ясное, солнечное, апрельское утро они вылетели с Серёгой в свободный поиск.

Операция по освобождению Крыма вступала в завершающую фазу. В воздухе господствовала наша авиация. Противник был уже не в силах проводить регулярные воздушные налёты на наши позиции, и вынужден был ограничиться редкими авиаударами небольших авиазвеньев. На них-то и вели охоту наши истребители. Не обнаружив в квадрате поиска противника, комэск отдал команду на возвращение. Развернувшись, истребители направились на базу. Теперь поднимающийся к зениту солнечный диск стоял у них прямо по курсу. И вот тут-то, со стороны солнца, используя это преимущество, их атаковали две пары «Ме-109».

Ведомый был сбит сразу. Дымный шлейф тянулся за самолётом Серёжки Ковалёва. Николай, в отчаянье, кричал: «Прыгай, Серёга! Прыгай!!!» А сам тянул штурвал на себя, стараясь подняться как можно выше. Набрал высоту, он развернулся и понёсся вниз, навстречу преследующей его паре «мессеров». Поймав в перекрестье прицела фюзеляж ведущего, врезал по нему из носовой пушки и обеих пулемётов. «Мессер» задымил.

— «Один, за Серёгу, — есть!» — зло подумал Николай и бросился за растерявшимся от молниеносно проведённой атаки, ведомым.

Тот попытался уйти вверх. Николай, догнав его, предельно задрал нос своего «ЯК-а» и распорол «брюхо» противника пулемётными очередями. «Мессер» клюнул носом и свалился в «штопор». Николай провожал его взглядом, пока тот не врезался в землю.

— «Ещё один за тебя, Серёжа!» — прошептал он чуть слышно — и в тот же миг почувствовал, ощутил физически, как его «ЯК» сотрясается от пуль и снарядов. Эти несколько секунд, на которые он отвлёкся, стали роковыми. Вторая пара «мессеров» взяла его в «клещи» и расстреляла, как мишень в тире. Самолёт, буквально, развалился на куски, а потерявший сознание Николай выпал через разбитый «фонарь» и камнем полетел навстречу земле...

Станция наблюдения «Селена», Луна.

Почти неделю земного времени, наблюдатели «отходили» от недавнего стресса. Получив в считанные минуты два взаимоисключающих приказа, они умудрились виртуозно их выполнить. Особенно это касалось второго распоряжения. Испытав потрясение от исторически важного момента — зачистки человеческой цивилизации, они перенесли ещё более сильный стресс — получив тут же приказ об отмене предыдущего распоряжения и немедленной аннигиляции ракет, летящих к Земле.

Прекрасно обученные и подготовленные в стенах Звёздной Академии, они проявили выдержку и хладнокровно, действуя как хороший автомат, смогли в считанные секунды остановить гибель земель. Ракетам был послан сигнал на самоликвидацию. Они не успели достичь атмосферы Земли, превращаясь в сверкающие искры космической пыли. Невообразимый по красоте и страшный по сути, фейерверк, наблюдали и «селениты», и земляне. Последние и не подозревали, чего им пришлось избежать...

Сегодня на «Селене» всё шло обычным чередом. Пин сидел за общим пультом управления; его брат, Пун, отслеживал на экране перемещение автоматических исследовательских аппаратов в воздушном пространстве Земли; Тос занимался плановой проверкой технического состояния автоматики станции; молодой выпускник Звёздной Академии — Тим, сменивший на посту ушедшего в отставку Ера, — контролировал зонды дальнего обнаружения и предупреждения.

Всё было привычно и обыденно. Как всегда. И только командир базы, Анда, вела себя беспокойно. Причина для этого была. И если коллеги делали вид, что ничего особенного не происходит, то Анда эмоций не сдерживала, поскольку осуществить задуманное Высшим Советом предстояло ей.

— Зачем Высшему Совету потребовался этот прыжок во времени — назад? Что мы упустили в предыдущих наблюдениях?.. — размышляла она вслух, рассказывая по командному пункту. — Ведь за этот хронопериод произошло столько войн и столкновений и все они, по сути своей, одинаковы: одни — захватывают, другие — обороняются! С той и с другой стороны

— масса погибших, как военных, так и мирных людей. Меняется только техника, появляются всё более изощёренные способы уничтожать себе подобных! Всё остальное остаётся на том же уровне дикарского сознания: захватить как можно больше, и уничтожить всех, кто этому мешает! Ничему не может научить их история! Надеялись, что последняя, страшная война, заставит людей задуматься. Нет! Опять по всей планете полыхают очаги войн! Они же сами себя ставят на грань катастрофы!

Коллеги не встречали в монолог командира, продолжая заниматься своими делами. Только Пин пробурчал:

— Ну, чего ты завелась, Анда? Всем всё давно известно. Что мы можем сделать? Мы — наблюдатели и исполнители. Всего лишь. Что предпринять — решает Высший Совет. И если им нужно, чтобы ты ещё раз побывала именно в том временном отрезке — значит, у них есть какая-то цель. Твоё дело — прибыть туда, провести наблюдение, сделать запись и доложить результат.

— Да в том-то и дело!.. — взорвалась Анда. — Мы же давали полнейший отчёт по этой войне — от технического оснащения, до всех значимых событий и эпизодов, вплоть до количества погибших! Что мы могли упустить?

Тут, на свою голову, встрял никогда не унывающий Тим:

— Не ломай голову, Анда! Я слышал у людей такую песенку: «Жираф — большой, ему видней!» Вот и Высший Совет...

— Да помолчи ты, юное дарование! — оборвала его Анда. — Вот проведёшь здесь хотя бы четверть хронопериода, тогда и можешь судить: кто, что и зачем! А пока — внимание на экран и рот на замок!

— Успокойся, Анда! — примирительно сказал Тос. — Тим-то здесь причём? Молодой ещё. Со временем и он наберётся опыта.

— Верно, Анда, — добавил Пун. — Давай ближе к делу, время старта подходит. Хронокапсула подготовлена, автоматика настроена. Тебе, как обычно, ничего делать не надо. Реальное время твоего пребывания и наблюдения, в том отрезке, Высший Совет определил в 15 земных минут. Оно введено в бортовую программу.

Анда, выслушав, кивнула, вошла в хронокапсулу и задраила за собой люк. Пун начал 10-секундный предстартовый отсчёт.

Планета Земля, Крым.

...Включив режим невидимости, Анда зависла в хронокапсуле и наблюдала за шедшим внизу воздушным боем. Отношение её к воюющим сторонам, как и у всех прочих членов базы, было нейтральным и безэмоциональным. Это являлось главным условием при подборе кандидатов в наблюдательные группы. Никаких приоритетов и никакого вмешательства, что бы ни происходило на Земле. Бесстрастное наблюдение и констатация событий и фактов, при соблюдении полнейшего режима секретности.

Проследив на экране, как удаляются самолёты, выигравшие бой, она заметила, падающего без парашюта, пилота. Направив на него луч сканера, Анда определила — живой!

И тут, в нарушение всех инструкций и правил, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, для неё непонятному, Анда резко бросила хронокапсулу вниз, включила антиграв и подхватила на его площадку лётчика, почти над самыми кронами деревьев небольшого леса. Затем, не раздумывая над тем, что она совершает, действуя почти рефлекторно, лишь запустив в голове внутренний хронометр отсчёта оставшихся земных минут... Анда открыла люк хронокапсулы, схватила бесчувственного пилота и затащила его внутрь тесной кабины.

С трудом оторвав от себя его руки — лётчик, бессознательно, всё пытался ухватить и сжать в руках то ли штурвал, то ли стропы парашюта... — Анда прислонила его спиной к креслу наблюдателя и включила экспресс-диагност.

Быстро просканировала:

— «Так. Глубоких ран и кровопотери нет. Много мелких поверхностных порезов — не опасно. Кости скелета и внутренние органы целы. В своде черепа и в левой височной кости — трещины. Точечные кровоизлияния в центры слуха и зрения. Есть реальная опасность распространения кровоизлияния на другие отделы мозга. Без оказания квалифицированной помощи не исключён летальный исход...»

Она была в состоянии провести необходимое лечение на месте — оборудование позволяло. Каких-то 10-15 минут работы манипулятора и человек очнётся без всяких последствий для себя.

Но — время! У Анды его попросту не было. Хронометр отсчитывал последние минуты её присутствия в этом временном отрезке. Затем сработает автоматика. Изменить она ничего не могла.

— «Что делать?» — лихорадочно думала Анда. — «Бросить его — может погибнуть! С собой взять — нельзя!»

Толчок к принятию решения и действиям дал сам лётчик: застонав, он, вдруг, открыл глаза. Оглядев непонимающим, удивлённым взглядом, незнакомую причудливую кабину, он уставился на Анду, широко распахнутыми глазами и хрипло спросил:

— Что со мной? Где я? Кто ты!?

Анда ответить не могла — человек не обладал телепатией, а языки землян нынешние обитатели базы пока не осваивали — не было необходимости. Лишь, молнией, пронзила мысль: «Нарушен режим секретности!»

И Анда начала стремительно действовать, применив иньектор прямо сквозь одежду пилота.

Обезболивающее со снотворным мгновенно погрузили человека в глубокий, спокойный сон. Затем последовали инъекции: универсального антибиотика, регенератора костной ткани и стенок сосудов и, наконец, блокиратора памяти. Большого она сделать не успевала.

Опустив хронокапсулу почти на верхушки деревьев, Анда распахнула люк и вытащила лётчика на площадку антиграва. Затем достала его парашют и сбросила свёрнутый купол на крону ближайшего дерева. Убедившись, что купол основательно запутался в ветвях дерева, она, придерживая стропы, осторожно опустила лётчика вниз. Увидев, что тот надёжно висит на стропах застрявшего парашюта, в каких-нибудь паре метров от земли, Анда захлопнула за собой люк, выключила антиграв и — вовремя. Через три секунды сработала автоматика возврата.

Станция наблюдения «Селена», Луна.

...Выходя из хронокапсулы, как ни в чём не бывало, она произнесла с нарочитой небрежностью:

— Всё прошло, как обычно. Наблюдала воздушный бой. Запись на носителе. Я — отдыхать. За меня остаётся Пин.

Коллеги, без лишних слов, кивнув в знак согласия, продолжили заниматься своими обязанностями. И только любопытный Тим, для которого хронокапсула была пока ещё недоступна и он, с нетерпением ожидавший, возвращения Анды, вдруг спросил:

— Анда, а где твой индивидуальный знак?

Анда посмотрела на левую сторону груди — знака не было. «Видимо лётчик, когда пытался ухватиться за меня, нечаянно его сорвал...» — подумала она, а Тиму сказала:

— Посмотри в кабине, Тим. Может, зацепилась за что-нибудь, он и упал.

Но в кабине значка не нашлось.

— Значит, у меня в отсеке остался. Забыла сегодня прикрепить. Денёк-то непростой выдался! — ответила она на незаданный вопрос Тима и пошла к себе.

Ей необходимо было переосмыслить сегодняшние стремительные события. Понять себя. Почему она так поступила? Впервые, за всё время этого хронопериода, в ней появилось что-то новое, а именно — чувство сострадания к людям, таким близким и таким чуждым народу кош...

А может, это и было целью Высшего Совета? Дать ей проявить себя в данной ситуации, отследить её чувства, действия и реакции, чтобы в будущем подготовить контакт? Как знать...

Планета Земля, Крым.

...Николая так и нашли наши пехотинцы, прочёсывающие лесок, — висящим на стропах запутавшегося в ветвях парашюта. В себя он пришёл уже в госпитале, где лечащий врач и рассказал ему историю его спасения. Сам Николай не помнил ничего.

— Да, капитан, отличная физическая подготовка и рефлексы тебя спасли. Ведь ты, можно сказать, в полной отключке кольцо парашюта рванул. Прямо над деревьями! Купол и раскрыться не успел. Лесок тебя спас! И отделался, считай, лёгким испугом. Кусками плекса от «фонаря» порезало малость, а так — целёхонек! Сотрясение, правда, есть и сильное. Ну, это в порядке вещей. А вот зрение со слухом — резко снизились, но, со

временем, всё должно придти в норму. Летать, конечно, пока не сможешь, но в строй вернём! Благодарю матушку-пехоту, что нашла тебя, а главное — своего ангела-хранителя! — Врач потрепал его по плечу, и уже было пошёл, но, вдруг, остановился что-то вспомнив.

— Дырявая голова! Чуть не забыл!.. — полез он в карман халата. — Держи, это твоё! Когда тебя нашли, ты кулаки так сжимал, что разжать только здесь смогли! А в правом кулаке у тебя был этот значок. Талисман что ли?

И он подал Николаю круглый, с пятикопеечную монету, значок из жёлтого металла, покрытый белой эмалью, на котором была изображена фигура сидящей в профиль кошки...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ

Андрей ГЕРАСИМОВ

г. Тула.

СОКРОВИЩЕ АЛИМА АЙДАМАХА

— Как, вы ничего не знаете о кладе Алима Айдамаха?!

Судакский кафенжи, розовощёкий толстяк Нургали Абдураман-оглу, хлопнул себя по толстым ляжкам и удивлённо уставился на собеседника.

Юный член-корреспондент Императорского Одесского общества истории и древностей Ермолай Ковригин, неделю назад прибывший в Судак для изучения фряжских древностей, виновато улыбнулся и, как бы извиняясь за своё неведение, пробормотал:

— Но я действительно впервые слышу об этом вашем гайдамаке.

— Казылык шайтану в дышло! — воскликнул Нургали, потешно всплеснув пухлыми ручками. — Вы удивляете меня всё больше и больше, почтеннейший Ермолай-ага. Такой любознательный молодой человек — и никогда не слышал об Алиме! Ай-яй-яй-яй-яй. Вам бы следовало знать это имя, коль скоро судьба закинула вас в наши края, возлюбленные Аллахом.

Кафенжи не спеша, со знанием дела, набил глиняную трубку с длинным черешневым чубуком, радушно протянул расшитый золотом кисет русскому. Молодой человек вежливо отклонил предложение — он не успел обзавестись привычкой вдыхать дым.

Говорливый татарин хитро прищурился, поцокал языком. Затем выудил щипцами из мангала уголёк, не спеша раскурил трубку, сладостно затянулся. Пробормотал:

— Бир каве, бир тутун, зиэфет бютюн. — Не дожидаясь вопроса собеседника, перевёл поговорку на русский: — Чашка кофе, трубка табака — вот и весь бал.

Ермолай вновь смущённо улыбнулся:

— Вот от чашечки кофе я, пожалуй, не откажусь.

Кафенжи кивнул, взял медную джезве, бросил на дно толику соли, положил крохотный кусочек сахара. Затем присыпал всё молотым кофе, залил водой и поставил ковшик на раскаленный песок. Пока кофе закипал, татарин немного подогрел две фельджан — маленькие, буквально в два-три напёрстка, фарфоровые чашечки, и кинул в них по горошине курдючного жира. Как только кофе в джезве вспенился, Нургали быстро разлил его по чашкам.

— Благодарю, — сказал Ковригин, принимая фельджан.

— Всё для вас, достопочтеннейший Ермолай-ага, — расплылся в елейной улыбке кафенжи. Подвинул гостю блюдце с мелко наколотым сахаром и поднос с медовым курабье. Сам же — по привычке «закусил» кофе трубочкой.

Ермолай пригубил чашку, хрустнул кубиком сахара. Затеяливые условности восточного политеса были соблюдены, можно продолжать беседу.

— Так что там за клад такой? Чем знаменит этот ваш гайдамак Алим? — обратился Ковригин к Нургали.

— О-о-о, — закатил глаза плутоватый толстяк. — Алим Азамат-оглу — легенда крымских гор. Знаете, какая у него была жизнь? Э-э-э, не жизнь — дастан! «Идиге» наших дней... Вы знакомы с «Идиге»? Впрочем, это неважно... Так вот. Родился Алим более полувека тому назад, ещё при Искандере Первом. Только-только закончилась война с Буанапартием. Родился он в селении Капырликой. Совсем юным отроком был отдан в услужение богатому караимскому купцу из Карасубазара — Соломону Бабовичу. А у Соломона была красавица дочь — Рахиль, ровесница Алима. — Нургали отхлебнул кофе, снова затянулся, пустил дым кольцами. Продолжил: — Шли годы. Мужал Алим, расцветала Рахиль. И вот, когда молодые люди встретили свою двадцатую весну, они поняли, что не могут жить друг без друга. Всепоглощающий огонь любви опалил их юные сердца.

Но не суждено было Рахиль и Алиму познать радости семейной жизни. На пути их счастья встал отец девушки — купец Соломон. От одной мысли, что его зятем может стать нищий татарин, богатый караим пришел в ярость. Он решил опорочить Алима в глазах дочери. Нанял людей, не обремененных излишками совести, и те подбросили в лачугу Алима серебряные часы с цепочкой. Купец заявил о пропаже в полицию и указал на ненавистного слугу. Тут же в дом Алима нагрянули стражники, учинили тщательный обыск. Каково же было удивление юноши, когда в его постели служители закона обнаружили пропавшие у Бабовича часы...

— Под порогом, — раздался вдруг чей-то скрипучий голос.

Нургали осёкся, оглянулся.

В кофейне, кроме них с Ковригиным, находился только старый чабан в выдавшей виды япындже и надвинутом до самых бровей башлыке. Он сидел в дальнем углу и, устремив взгляд потухших серых глаз в некую точку на выцветшем от времени ковре, мирно попыхивал трубкой.

— Простите, уважаемый, — обратился к старику кафенжи. — Что вы сказали?

— Под порогом, — неспешно повторил чабан. — Часы нашли не в постели, а под порогом.

Нургали пожал плечами:

— Возможно. Такие тонкости мне неизвестны. Сам я при обыске не присутствовал. — Усмехнулся: — По весьма прозаической причине: я тогда ещё под арбу пешком гулял. Рассказываю со слов ведающих людей... Смею полагать, вы как раз из таковых?

Старик не удостоил кафенжи ответом. Лишь буравил затуманенным взором выгоревший ковёр да посасывал жасминовый чубук. Так и сидели. Нургали смотрел на старика, старик — на ковёр. Курили.

— А что же было дальше, уважаемый Нургали? — нарушил затянувшееся молчание Ковригин.

— А что дальше, Ермолай-ага... — повернулся к собеседнику кафенжи. — Алима признали виновным в краже часов и забрили в солдаты. Служить его отправили, как это принято говорить у

вас, у русских, туда, куда Макар телят не гонял — в Бобруйскую крепость. Подальше от родимых гор.

— Хм, однако... — покачал головой Ермолай.

— Ни много ни мало три года тянул Алим солдатскую лямку...

— Четыре, — вновь проскрипел чабан.

Нургали нахмурился, но спорить не стал.

— Не исключено что и четыре, — спокойно сказал он. — Четыре года невзгод и лишений. Четыре года муштры и палочной дисциплины. «Хочешь вернуться в родной Карасубазар... — говорил Алим его командир. — Служи царю верой и правдой». И Алим служил. Терпел ради любви, ради прекрасных очей несравненной Рахиль. А через четыре года комендант Бобруйской крепости отправил запрос в Карасубазар: не желают ли отцы города принять Алима назад? Но заправлявшие в Карасубазаре караимские купцы, подговорённые Соломоном Бабовичем, ответили отказом. И тогда кровь ударила Алим в голову. «Они боятся меня, словно айдамаха! — воскликнул он. — Что ж, так я им и стану!». И Алим сбежал из крепости... Ещё чашечку, уважаемый?

— Нет-нет, спасибо, — поблагодарил радушного хозяина Ермолай. — Я ещё эту не допил... Да вы не отвлекайтесь, рассказывайте. — История кафенжи увлекла молодого человека.

Нургали отхлебнул кофе, продолжил:

— Через некоторое время Алим объявился в Крыму. Первым делом он бросился искать Рахиль. Но безуспешно. Девушки и след простыл. Вскоре через верных товарищей Алим узнал, что Соломон вместе с женой и дочерью тайно покинул Карасубазар и скрылся в неизвестном направлении. Боль раскалённым кинжалом пронзила сердце джигита. Горечь преисполнила его душу. В отчаянии он вскочил на коня и помчался на вершину Ак-Кая. Там, под рёв ураганного ветра, среди всполохов молний, Алим дал аннибалову клятву. Он поклялся отомстить караимам за свою растоптанную любовь!

— Прямо таврический граф Монте-Кристо какой-то, — вклинился в эмоциональную речь кафенжи Ковригин.

Нургали выпустил в небо облако душистого дыма, покачал головой:

— Зря вы смеётесь, молодой человек. Алим сдержал свою клятву. Целых пять лет...

— Семь... Семь лет, — опять-таки поправил кафенжи загадочный чабан.

— Тем более, — кивнул Нургали. Обратился к русскому: — Вы слышали? Целых семь лет он наводил ужас на караимских купцов. У этих толстосумов поджилки тряслись при одном лишь упоминании об Алиме. Месяца не проходило, чтобы отважный мститель кого-нибудь из них не ограбил.

— Так ваш Алим был обыкновенным разбойником?

— Не обыкновенным, а самым могущественным и грозным айдамахом крымских гор! Лихой был человек, доложу я вам. Суций дьявол! За его голову была назначена баснословная награда. Рассказывают, несколько раз Алим даже попадал в плен, но каждый раз ухитрялся вырваться на свободу. Он был неудержим, словно ветер, и быстр, точно молния. Друзья прозвали его Рузгяром, а враги — Шайтаном. Клянусь бородой пророка, они были тысячу раз правы.

— Мне кажется, вы симпатизируете этому разбойнику.

— Эх, юноша, юноша. Вы малосведущи в наших крымских делах. Алим ведь был не просто разбойником. Не каким-нибудь там башибузуком. Он был последним джигитом здешних гор! благородным джигитом. Он никогда и никого не убивал. Только грабил. Причём грабил Алим исключительно одних богатеев. Чаще всего караимских купцов. А награбленным всегда щедро делился с бедняками.

— Точно, — заметил Ковригин. — Ринальдо Ринальдини. Хотя, учитывая наши российские реалии, скорее уж местный Дубровский.

— Не знаю о ком вы, уважаемый Ермолай-ага... — сказал Нургали. — Но для здешних жителей Алим Азамат-оглу — миф, легенда, мечта!

— Мечта? Интересно о чём?

— Мечта о свободе, о торжестве справедливости. Мечта о том, что всякая подлость и низость рано или поздно будут наказаны. Крымцы боготворят Алима. Он для нас настоящий наци-

ональный герой. Всё равно, что Робин Гуд для англичан... — Кафенжи неторопливо выбил из трубки пепел, смерил Ковригина лукавым взглядом: — Только не рассказывайте об этом господину полицмейстеру. А то у меня могут быть неприятности. Сами понимаете.

— Как можно, уважаемый Нургали, — приложил руки к сердцу Ермолай. — За кого вы меня принимаете? В семье Ковригинах от роду не водилось штафирников... И всё же — что там было дальше, с этим вашим Алимом?..

Юноша таки попался на крючок велеречивого татарина.

Кафенжи спрятал хитрую улыбку за чашечкой кофе. Сделал маленький глоток, продолжил сказ:

— О подвигах и приключениях Алима можно рассказывать часами. Если у вас есть желание и немного свободного времени, то за партией в шахматы и трубкой доброго табака я могу поведать вам несколько десятков занимательных историй из жизни татарского Робин Гуда.

— «Знать, говорливому пройдохе не хватает в этой глуши свободных ушей», — подумал Ковригин. Вслух же сказал:

— Я рассчитываю пробыть в Судаке ещё пару недель. Видите ли, я намереваюсь отыскать здесь следы пребывания самого Марко Поло. Есть у меня теорийка, что этот синьор на самом деле не был ни в каком Китае. А материалы для своей знаменитой «Книги о разнообразии мира» он собирал именно здесь, в Солдаёе, работая в торговом доме у своего дяди.

Нургали с умным видом покачал головой, хотя не имел ни малейшего понятия ни о великом венецианском землепроходце, ни о его книге, ни, тем более, о его дяде — тоже венецианце, и тоже Поло.

— Работы предстоит много... — продолжал тем временем Ермолай. — Но по вечерам, многоуважаемый Нургали, я всецело в вашем распоряжении.

— Ба! — хлопнул в ладони татарин. — Да вы интересующийся человек! Не то, что иные напыщенные снобы, считающие всех кафенжи дешевыми болтунами. Терпеть не могу этих дутых индюков, камчой им ниже копчика. Я, знаете ли, уважаю

людей любознательных, пытливых, таких как вы. — Словоохотливый толстяк ткнул собеседника сарделькообразным пальцем в грудь. — Специально для вас, Ермолай-ага, у меня припасено несколько захватывающих историй из жизни Алима Айдамаха. Вот, например, повесть о лже-Алиме и отрезанном ухе: Как-то раз по осени ехал с базара один койлю. Едет, песни поёт, подсчитывает барыш. Вдруг его арбу нагоняет всадник на чёрном коне. «Стой! — говорит. — Я — Алим Айдамах. Отдавай кошелёк!» А сам целит в арбакеша из пистоля. Испугался несчастный, отдал разбойнику всё, что наторговал.

Только воздал молитву Аллаху, поблагодарил, что жив остался — чу, вновь копыта стучат. Оглянулся койлю — видит ещё один всадник. На этот раз на сером коне. Запричитал бедняга, стал пощады просить. А всадник ему: «Здравствуй, добрый человек. Зачем кричишь, почто надрываешься? Уж не спутал ли меня с кем?» Рассказал тогда койлю второму всаднику о встрече с первым, пожаловался.

«То был не настоящий Алим, — говорит всадник. — Я — настоящий. Жди меня здесь». И пришпорил коня.

Не прошло и часа — вернулся Алим, протягивает койлю его кошель. Ни монетки себе за труды не взял. Такой был человек наш Алим.

— А с двойником-то что стало? — любопытствовал Ковригин.

— Проучил его Алим, — ответил кафенжи, и, точно шашкой, резко взмахнул длинной трубкой перед носом Ермолая. — Отсёк ему правое ухо.

— Левое, — вновь подал голос из своего угла чабан.

— Не исключено, — поспешно согласился со стариком Нургали. — Но ведь это не так важно: правое, левое. Главное — не убил! Алим никогда никого не убивал. Даже самых распоследних мерзавцев. Он говорил: «Моя кара справедливая. Ибо я караю от имени Аллаха».

Старик чабан как-то странно хмыкнул.

А кафенжи продолжал:

— Вот ещё пример бескорыстия и благородства Алима. Один симферопольский армянин погряз в долгах. А чем распла-

чиваться — не знает. Ведь всё его богатство — красавица дочь Марине. Вот на это-то сокровище и позарился старый грек-ростовщик. Выкупил все векселя армянина, пришёл к нему, говорит: «Или плати по долгам, или выдавай за меня Марине». Поюлил, поюлил армянин, да так ничего и не выюлил. Делать нечего, стали готовиться к свадьбе. А Марине — ни в какую. Не пойду, говорит, за старца. Лучше руки на себя наложу!.. А всё дело в том, что был у неё суженый — молодой красавец армянин. Всем хорош избранник Марине, одна напасть — гол как сок л. Ничем не может помочь отцу своей любимой.

Прознал про то Алим Айдамах. Решил пособить влюблённым. Ибо как никто другой понимал горе молодых людей. Пробрался грозный мститель в дом грека-ростовщика, приставил к его груди булатный кинжал: «Или отдаёшь мне векселя, или прощайся с жизнью, старый шакал!» Грек, естественно, выбрал жизнь. От ростовщика Алим отправился к армянину, сказал: «Желаешь дочери счастья — не влезай в долги. А это — мой подарок Марине, на свадьбу». И кинул на землю стопку векселей.

Ковригин покачал головой:

— Вас послушаешь, уважаемый Нургали-ага, так ваш Алим — прямо-таки альтруист-бессребреник. Денег за помощь не брал, всё награбленное раздавал бедным. Спрашивается, откуда тогда взялся клад, о котором вы давеча говорили?

— Сам всегда задавался этим вопросом, достопочтенный, — сказал кафенжи. — И вот, что мне по этому поводу поведали знающие люди. До конца своих дней Алмим не оставлял мысли отыскать свою несравненную Рахиль. Но не желал предстать пред возлюбленной нищим оборванцем. Вот и откладывал после каждого налёта некоторую часть добычи. Всё накопленное, говорят, прятал в некоей тайной пещере. Сказывают, пещера та находится где-то в наших местах, неподалёку от Судака. Много кто пробовал её отыскать. Но пока безрезультатно. Никому не даются в руки сокровища Алима Айдамаха.

— Прямо «Тысяча и одна ночь»... — усмехнулся Ермолай. — «Али-Баба и сорок разбойников». Сплошной «Сезам, откройся». — ...Юноша отхлебнул кофе, схрумкал ещё одно курабье.

Спросил: — И как же сложилась дальнейшая судьба Алима? Отыскал он свою Рахиль?

— Люди по-разному рассказывают, — пожал плечами Нургали. — Правды не ведает никто. Одно знаю точно. Слава о подвигах Алима достигла аж Петербурга. Сам император Николай, лично... — кафенжи с напускной важностью вздел толстый палец к закопченному потолку. — Распорядился изловить смельчака. И его приказ был в точности исполнен. Алима схватили и заточили в крепость. Вскоре он предстал перед судом. Случилось это ровно двадцать лет тому назад. Судьи вынесли суровый приговор. Звучал он так... — Нургали посерьёзней, словно и вправду зачитывал грозное постановление суда. Откашлялся, замонотонил:

— «Принимая во внимание, что подсудимый никого не убивал, а только грабил, суд повелевает крестьянина Феодосийского уезда деревни Капырликой и беглого солдата Алима Азаматоглу прогнать через строй пятьсот человек шесть раз и сослать на Алландинские острова».

— Сколько раз?! — даже привстал Ермолай.

— Шесть раз, — уже своим нормальным голосом ответил кафенжи.

— Да ведь это ж верная смерть!

— И, тем не менее, люди рассказывают, что Алим выжил. Мало того — сумел-таки сбежать и отыскать свою несравненную Рахиль. Говорят, они скрылись в Турции... А иные молвят, что Алим вернулся в Крым. Мол, забросил он своё разбойничье ремесло, стал простым чабаном. Ходят слухи, что он до сих пор пастушествоует где-то на яйлах... — Кафенжи помолчал, помусолил чубук, добавил: — Поговаривают, человека, похожего на Алима, как-то видели в окрестностях Таракташа.

— Может быть, он вернулся за своими сокровищами? — в шутку заметил русский.

— Всё может быть, — без тени улыбки ответил татарин.

— Хотел бы я увидеть этого смельчака, — мечтательно протянул Ковригин. — Не сохранился ли какой-нибудь ферротип Алима?

— Простите, что?

— Ну, какое-нибудь изображение.

— Не видал, — развел руками Нургали. — Но вот досто-
почтимый Ованес-ага...

— Ованес-ага?

— Господин Айвазовский, живописец из Феодосии, наша крымская знаменитость. Он, когда бывает в Судакe, частенько заходит ко мне на чашечку кофе. У него здесь неподалёку дача — у подножия горы Алчак. Два года назад Ованес-ага даже принимал там у себя великого князя Сергея Александровича и великую княжну Марию Александровну... Так вот. Господин Айвазовский как-то рассказывал мне, что по его протекции одна французская художница в симферопольском тюремном замке рисовала портрет Алима. Вот только где та картина... — толстяк пожал плечами. — Мне, право, неизвестно... А вот как выглядел Алим, я вам сказать могу. Со слов всё того же Ованеса-аги. Он ведь был лично знаком с легендарным айдамахом. Алим, если верить господину Айвазовскому (а не верить ему, у меня нет ни малейшего основания), был поджарым широкоплечим молодцем среднего роста. Лицо у него было вытянутое, усики чёрные, глаза серые, умные. Облачён он был в чистую рубаху, чёрный люстриновый чекмень, чёрные же штаны, опоясанные цветастым шарфом. На ногах носил воловьи чарыки, на голове — серую смушковую шапку. Вот вам портрет Алима Айдамаха.

— Среднего роста, говорите? Сероглазый? И лет ему должно быть уже под шестьдесят? — тихо произнёс Ермолай и укордкой бросил взор в дальний угол кофейни. В тот самый, где восседал загадочный старик-чабан. Каково же было удивление Ковригина, когда он увидел, что старика в кофейне нет.

Молодой человек нервно сглотнул и мелко перекрестился. Решил перевести разговор на другую тему.

— А зачем Айвазовский встречался с Алимом? — спросил он Нургали.

— Тот сам пришёл к художнику, — ответил болтливый татарин. — В его мастерскую в имении Шейх-Мамай.

— А зачем, если не секрет? Ведь не грабить же.

— Зачем грабить? Алим очень уважал красоту. Даже логовища свои, поговаривают, устраивал в весьма живописных местах. А к Ованесу-аге он приходил смотреть картины.

— Разбойник? Смотреть картины? Гм, поистине чудной человек был это ваш Алим. — Ковригин покачал головой. Немного помолчал, допил кофе, посмотрел в окно.

На улице уже стемнело. Месяц занесённым золотым ятаганом навис над соседней горой. Звёзды серебряными светлячками расплзлись по чёрному бархату неба.

Ермолай поставил пустую чашку на поднос, поднялся.

— Засиделся я с вами, уважаемый Нургали-ага, заслушался. Пожалуй, пойду, пора.

Татарин встал вслед за гостем.

— Да-да, почтеннейший, конечно. Но обещайте, что зайдёте ко мне завтра. Я буду ждать. Приходите. Посидим, покофейничаем. Как у вас принято говорить, поточим лясы. Ха-ха-ха!.. У меня в запасе ещё масса увлекательнейших историй про Алима Айдамаха. — Кафенжи принялся загибать толстые пальцы-сардельки: — Я расскажу вам о хвастливом офицере, о таинственном подземном ходе, о золотой булавке, о чудесном коне, о том, как Алим на свадьбе Ованеса-аги гулял. О... В общем... — Нургали растянул пухлые губы в слащавой улыбке. — Нам будет о чём поговорить. До завтра, уважаемый Ермолай-ага, до завтра.

Ковригин простился с хлебосольным хозяином и, насвистывая «Una furtiva lagrima», направился в сторону немецкой слободы, где поселился в доме у одного старика-садовода.

Не успел юноша пройти и двухсот метров, как перед ним, словно из-под земли, возник тёмный силуэт. Ермолай вздрогнул, запустил руку в карман сюртука, нащупал рукоятку верного «дерринджера», с коим никогда не расставался после памятного случая в одесских катакомбах.

— Спокойно, урус, — раздался знакомый скрипучий голос. — Я пришёл с миром.

На тропинку вышел давешний старик-чабан из кофейни. Из-под башлыка сверкнули умные глаза цвета дамасской стали.

— Что вам надо? — стараясь не выказывать страха, спросил татарина Ковригин. А сам попытался взвести курок пистолета. Но тщетно — липкие холодные пальцы лишь беспомощно скользили по металлу.

А старик без излишних прелюдий перешёл к делу.

— Кафенжи рассказал тебе о пещере Алима. Я же — могу её показать.

У Ермолая внезапно пересохло в горле.

— Пещеру с кладом Алима? — просипел юноша.

Старик кивнул.

— Я не понимаю... — сипел Ковригин.

Он уже забыл о спрятанном в кармане пистолете.

— А что тут понимать, — произнёс старик. — Я отведу тебя к пещере Алима. А ты — поможешь мне достать его сокровища. Сам-то я уже староват для подобных дел.

— Но... почему я?

— Ты молод, ловок... и честен.

Ковригин начал потихонечку приходить в себя. Сказал:

— Моя молодость очевидна. Ловкость — предполагаема. Но как быть с честностью? С чего вы взяли, что я, допустим, не выдам вас властям? Или не присвою себе клад целиком, после того, как вы покажете мне пещеру?

— По глазам вижу, — отрезал загадочный старик.

— По глазам?

— Я читаю в душах людей, урус. В твоей душе я увидел искренность и любопытство. Ты — охотник за тайнами, а не за золотом. Такой помощник мне и нужен.

— А если я не соглашусь?

— Ты согласишься, — тоном, не терпящим возражения, заявил таинственный старик. — Уже согласился. Я вижу.

И, не давая Ермолаю опомниться, чабан поставил в беседе точку:

— Буду ждать тебя здесь на рассвете. Оденься соответственно. В горах нет дорог, только козьи тропы. И возьми с собой верёвку. Желательно подлиннее и покрепче.

Сказав это, старик растворился в ночной мгле...

Ковригин так и не уснул этой ночью. Просидел под старой яблоней в хозяйском саду. Разглядывал чернеющие на фоне звёздного неба развалины генуэзской крепости и думал о загадочном старике.

«Откуда этот старый шайтан знает подробности из жизни разбойника Алима? Как он отыскал пещеру с сокровищами? И почему обратился именно ко мне?.. Да и вообще — не шутит ли со мною этот татарский чёрт? Вдруг как он сам из последних гайдамаков и люто ненавидит всех урусов? Заведёт завтра в горы, да полоснёт кинжалом по горлу».

От этих мыслей у Ковригина аж под ложечкой засосало. Внезапно вспомнился прошлогодний инцидент с астраханскими душителями. Рука невольно потянулась к застарелому шраму от шёлковой удавки.

Да-а-с. Ермолай в очередной раз почувствовал себя настоящим искателем приключений (он не любил иноземное словечко «авантюрист», предпочитал русский аналог — выразительный, вкусный, смачный). Хотя — разве он ищет приключений? Скорее это они везде находят его. В прошлом году на Урале и Волге, в этом — в Карпатах и Одессе. И вот теперь здесь — в Крыму.

Не прошло и месяца, как он еле унёс ноги от господ контрабандистов, и вот его опять пытаются втравить в новую авантюру. Уговаривают отправиться на поиски клада крымского Робин Гуда. И не скажешь, что тащат силком, нет. Сам лезет на рожон.

И самое интересное — это всё ему жутко нравится!

Да, прав старик-татарин: Ермолай — настоящий охотник за тайнами. Можно даже сказать, коллекционер тайн и загадок. А разве может такой человек пройти мимо секрета пещеры сокровищ? Да ни в жизнь!

Старик не обманул. Чуть забрезжил рассвет, он появился ровно в том месте, где несколько часов назад простился с Ковригиным. Как и ночью, — возник из ниоткуда. И как он это делает?

— Ас-салямю алейкум! — на восточный манер поприветствовал татарина Ермолай.

Старик не ответил, лишь кивнул и махнул рукой: мол, следуй за мной, урус.

И они пошли. Шли долго, часа два, а то и три. Насчёт дороги, вернее насчёт её отсутствия, старик опять-таки не слухавил. Идти пришлось по еле приметным тропинкам, петляющим между деревьями, норовящими своими когтистыми ветвями разодрать одежду путников в клочья.

Ковригин проклял длиннющую снайдеровскую винтовку, что захватил с собою для пущей солидности. Тяжеленное — поди, в батман весом — оружие постоянно цеплялось за ветви и больно било юношу по спине. Случись какое непредвиденное происшествие — пользы от однозарядной винтовки никакой, а вот проблем — несть числа. Да тут ещё моток верёвки на другом плече. Широкий охотничий нож на поясе. Тоже не прибавляют комфорту...

Ох, уж эти взрослые игры в героев Фенимора Купера!

Унылое однообразие путешествие вскоре наскучило Ермолаю, но все попытки разговорить спутника терпели фиаско. Старик либо вовсе игнорировал реплики русского, либо давал короткие односложные ответы.

Вот и сейчас. На вопрос Ковригина «А как вас хоть зовут, уважаемый?», татарин коротко бросил:

— Селим.

Ермолай чуть было не споткнулся. Внутри всё похолодело. Созвучие имени проводника с именем знаменитого разбойника немало смутило молодого человека, заставив задуматься о целой череде весьма подозрительных совпадений. Рост, возраст, цвет глаз, знание мельчайших нюансов жизни Алима Айдамаха. Ох, неспроста всё это, неспроста...

Ковригин поправил винтовку, невольно подумал: «Сколько потребуется времени, чтобы снять с плеча оружие, зарядить его и выстрелить? Эх, лучше бы я взял с собою верный «дерринджер». В этих кущах куда как сподручнее. Хотя... желал бы старик меня порешить, давно бы уже порешил. Зачем так далеко уводить от населённых мест? Какой в том прок? Правильно, никакого. Что-то ему от меня надо».

Немного успокоившись, Ермолай прибавил ходу — догнал чабана, бодро шагавшего по узкой, извилистой тропе.

Вскоре путники выбрались из чащи, оказались на голом гребне невысокого пологого хребта. Справа Ковригин увидел

широкую живописную долину и уютно расположившуюся в ней татарскую деревушку, верстах, так, в двух. Всё как полагается: аккуратные домики, мечеть, сады.

— Кутлак, — сказал Селим. — Но нам не туда, нам — на Карул-Обу... — и без дальнейших пояснений повернул в противоположную сторону, к морю.

Ещё несколько сотен метров по кручам и валунам — и искатели сокровищ оказались в маленькой, поросшей можжевельниковым редколесьем долине, со всех сторон зажатой серыми зазубренными скалами.

— Райское местечко, — хмыкнул Ковригин, оглядываясь по сторонам. — Прямо Эдем, сокрытый от любопытствующих взоров. Вот только херувима с пламенным мечом не хватает.

Селим ожёг русского взором, кивнул в сторону одной из вершин, величественно возвышающихся над райской долиной:

— Нам туда.

Скала, к которой старик вёл Ковригина, напоминала изъеденный кариесом клык исполинского ящера. Пещера на пещере, и гротом, что называется, погоняет.

— Говорят, в незапамятные времена здесь жили древние люди, — сказал Селим.

— Наверное, тавры, — подтвердил догадку татарина Ковригин. — Я читал о них у Геродота.

Имя «отца истории» ни о чём не сказало татарину. Он проигнорировал замечание уруса и указал рукой на одну из пещер. Вход в неё зиял ровно посреди отвесной стены. Саженой так по пять: как от подошвы скалы, так и от её вершины.

— Пещера Алима, — пояснил Селим.

Ермолай поднял голову и наконец-то понял, зачем он понадобился старому чабану. В одиночку старец бы вряд ли сумел добраться до тайника Алима — высокогато.

— А с чего вы взяли, что именно в этой пещере Алим спрятал свои сокровища? — спросил Селима Ковригин. Повёл рукой: — Вон тут сколько разных расщелин и гротов.

— Видишь? — Селим указал куда-то вправо от тёмного зева пещеры. — Тамга Алима.

Ермолай присмотрелся и действительно узрел на скале еле различимый рисунок — некую витиеватую загогулину, отдалено похожую на букву «i», только с маленьким хвостиком.

— Так Алим помечал свои тайники, — пояснил Селим.

— Понятно, — сказал русский. — Но вот только как мы заберёмся в пещеру? Скала-то отвесная, гладкая.

— Ты спустишься сверху, по верёвке.

— Сверху?! — пуще прежнего удивился Ковригин. — А туда-то как я попаду? Крыльев у меня не имеется.

— Крылья тебе не понадобятся. Идём. — И Селим повёл Ермолая через чащу.

Они обошли скалу вокруг, и Ковригин увидел, что с обратной стороны «клык ящера» — от вершины и до самого низа — расщеплён надвое, словно мифический небесный кузнец со всей силы саданул по нему своим громадным молотом. Внутри расщелины — сложенная из камней лестница.

— Как тут не уверовать в античных титанов? — восхитился циклопической постройкой Ермолай. Но тут же научный прагматизм и железная логика взяли верх над поэтической экзальтацией. Уже совсем другим тоном юный член Императорского Одесского общества истории и древностей добавил: — Сдаётся мне, это дело рук тавров.

По «лестнице тавров» кладоискатели поднялись на вершину скалы.

Пейзаж, открывшийся сверху, вновь тронул романтические струны в душе юного путешественника. Ковригин от восторга лишился дара речи.

Знойное зенитное солнце отражалось в море мириадами сказочных рыбок. Живое золото слепило глаза. Кудрявые завитки белоснежных облаков придавали этой величественной картине эфемерную воздушность.

А виды! Всё юго-восточное побережье Крыма — от Аю-Дага и до Меганомы — как на ладони. А если хорошенько присмотреться, и развалины судакской крепости видны. Точно — во-о-он Девичья башня.

— Эх, красотища-то какая! — восторженно выдохнул Ковригин. Сложив руки рупором, заголосил: — Ого-го-го-го!

«Хо-хо-хо!» — раскатисто рассмеялись в ответ горы.

Селим не разделял восторга юного спутника. Грозно одёрнул его:

— Потише, урус. Шум — помеха в нашем деле... Давай верёвку. Ковригин подчинился.

Татарин размотал верёвку, взял свободный конец, пропустил под мышками молодого человека и сноровисто завязал хитроумным узлом на груди. Другой конец накрепко привязал к растущему на вершине скалы дереву. Затем покрепче ухватился за верёвку (предварительно обмотав ладони лапами япынджи — дабы не обжечься), сказал:

— Я буду держать, ты — полезешь вниз.

Ермолай скинул с плеча винтовку (глупая была идея вооружиться такой длинной и главное что тяжелой штуковиной), на всякий случай проверил надёжность узла, осенил себя крестом и начал спуск.

Опыта в лазании по скалам у Ковригина не имелось, но молодой человек компенсировал сей недостаток природной ловкостью и юношеским азартом. Да и помощь Селима не стоило недооценивать. Старик, несмотря на годы, прекрасно справлялся с ролью страхующего — спускал русского неспешно, без рывков.

Фут за футом, аршин за аршином...

Потихоньку, помаленьку...

Ещё немного, ещё чуть-чуть...

И... Фу, слава Богу! Вот и Алимова пещера!

Ермолай не без труда (хотя юноша он был subtilный, не обременённый излишним весом) протиснулся в узкую расщелину, крикнул Селиму:

— Я на месте.

Татарин промолчал, но верёвку ослабил.

Ермолай осмотрелся. Пещера встретила его прохладной сыростью и таинственным полумраком. Внезапно на юношу нахлынули воспоминания о трёхдневных блужданиях по одесским катакомбам. Не самые, надо сказать, приятные воспоминания. Бр-р-р...

Но в этот раз Ковригин хорошенько подготовился к подземным изысканиям. Достал из кармана коробок шведских спичек в непромокаемой упаковке и огарок свечи.

Чирк! — и тьма отступила.

Изнутри пещера оказалась похожей на реторту. Узкий вход, длинный, сажени в четыре, расширяющийся коридор и глухая, практически правильной сферической формы камера, в которой даже нельзя было встать в полный рост. Держа свечу в вытянутой руке, Ермолай осторожно полз на коленях вперёд. Не забывал подтягивать верёвку — вдруг пещера внезапно закончится обрывом. От разбойников, прячущих клады в горах, чего угодно можно ожидать. И хитроумных ловушек тоже.

Ловушек, слава Богу, не обнаружилось. Впрочем, как и клад... Ну, не считать кладом старый, побитый ржой кинжал, полустлевшую бурку, медный кумган без крышки, да небольшую овальную картину в простой непритязательной рамке.

Ковригин смахнул с картины пыль, поднёс поближе свечу. С полотна на юношу взирала юная черноволосая красавица с влажными, словно у лани, глазами и миниатюрной родинкой на левой щёчке.

«Интересно, кто это? — подумал Ермолай. — И что в пещере Алима делает эта картина? А где деньги, золото, серебро, драгоценные камни? Или что там обычно принято прятать в пещерах?»

Ковригин ещё раз со всем тщанием осмотрел пещеру. Заглянул в каждую щёлку, обыскал все закоулки. Ни-че-го. То есть абсолютно... Хотя нет, постойте. Что это — вон там, под буркой? Какая-то пожухлая бумажка.

Ермолай поднял находку, поднёс к глазам.

Ба, да это же пожелтевший от времени ферротип в картонном паспарту! А на ферротипе — изображена всё та же девушка с глазами трепетной лани.

Ковригин приложил фотокарточку к портрету, сравнил. Точно — одно и то же лицо. Никаких сомнений! Вон — и приметная родинка на левой щеке.

Но как зовут эту девушку? Кто она? Почему...

И тут отсвет пламени свечи выхватил из мрака нижнюю часть полотна. Ермолай увидел подпись художника и ахнул. Всё сразу стало на свои места...

Ковригин аккуратно убрал ферротип в карман охотничьей куртки и направился к выходу. Остальные находки: и кинжал, и кумган, и картину — юноша оставил на месте.

Он выглянул из узкой расщелины и ослеплённый солнечными лучами зажмурился. Немного привыкнув к яркому свету, Ермолай дёрнул за верёвку, крикнул вверх:

— Селим, тяни!

Татарин втащил юношу на вершину скалы за считанные секунды. Знать, не терпелось поскорее взглянуть на сокровища Алима. Какого же было его удивление, когда юный урус появился с пустыми руками. Прежнюю безмятежность как рукой сняло. Губы старика задрожали, руки мелко затряслись. Глаза, до этого спокойные и будто даже выцветшие и потухшие, блестели лихорадочным огнём.

— Где клад? — с нескрываемой угрозой проскрипел Селим.

— Увы, — развёл руками Ковригин. — Никакого клада там нет.

— Как нет?!

— Вернее, он есть. Но это не совсем тот клад, о котором мы с вами думали, уважаемый Селим. То, что находится там, внизу, представляет ценность для одного лишь Алима. Ни для кого больше.

— Не понимаю. — Глаза Селима сверкнули из-под башлыка недобрый светом.

Ермолай попытался объяснить:

— Главное сокровище Алима — память о любимой, о Рахиль, а не материальные ценности... Понимаете, не деньги. Деньги, золото, серебро Алим, наверное, и взаправду раздавал беднякам. А если что и копил, то спрятал где-то в другой пещере, явно не здесь. Скорее всего, ближе к тем местам, где разбойничал. А сюда... сюда он приезжал отдохнуть душой. — Юноша достал из кармана ферротип, показал Селиму. — Вот оно — сокровище крымского Робин Гуда. Это — Рахиль, дочь Соломона Бабовича. А там, внизу, в пещере, есть ещё и портрет работы Айвазовско-

го... Я как увидел картину и сравнил с ферротипом, так сразу и понял, зачем Алим приезжал к живописцу в Шейх-Мамай. Всё очень просто. Он не картины приезжал смотреть, он приходил заказать Айвазовскому портрет своей возлюбленной. Но так как Иван Константинович никогда не видел Рахиль, то Алим показал ему карточку. Вот эту... Скорее всего, девушка подарила её своему избраннику ещё до того, как его отдали в солдаты. И...

Селим не дал Ковригину договорить. Грозно рыкнул:

— Ты лжёшь!

— Зачем мне врать? — начал было Ермолай, но татарин вновь грубо перебил его.

— Проклятый урус! — брызнул он слюной. — Я ошибся в тебе! Ты такой же, как все! Ты — обманщик! Я двадцать лет как проклятый искал эту пещеру! Я облазил все горы, обшарил все закоулки от Симферополя и до Феодосии! За годы скитаний я потерял здоровье! Из могучего джигита я превратился в ветхого старца! И ты, сын иблиса, решил воспользоваться этим! Ты решил присвоить себе мои сокровища! Но я тебе их не отдам! Они мои! Мои, и ничьи больше!

Селим схватил оставленную Ковригиным винтовку, нацелили Ермолаю в грудь.

— Не дури, — спокойно сказал молодой человек. — Она не заряжена.

Наученный горьким опытом общения с людьми, сулящими показать дорогу к кладу, Ермолай, перед тем как спуститься в пещеру, предусмотрительно вытащил патрон из патронника.

Селим не поверил юноше, нажал на спусковой крючок.

Чик! — вхолостую щёлкнул боёк.

Старик грязно выругался по-татарски, перехватил винтовку за ствол и, размахивая оружием, словно простой дубиной, бросился на Ковригина.

Такого поворота событий Ермолай никак не ожидал. Он еле успел увернуться от кованого приклада винтовки. Замешкайся юноша хоть на мгновение, его голова раскололась бы как пустой орех.

— «Надо защищаться, — сообразил Ковригин. — А то секрет пещеры Алима будет последним, разгаданным мною в этой

жизни. А загадка Марко Поло так и останется тайной за семью печатями». Ермолай стиснул кулаки, встал в защитную стойку. Ну, держись, старый шайтан!

Селим развернулся, вновь занёс импровизированную дубину над головою. Ковригин поднырнул под удар, ловко подскочил левую ногу татарина (всё по правилам савата — как учил его в одесских доках Шарль Бургей, весельчак-матрос из Марселя). Старик рухнул, выпустил из рук оружие. Винтовка полетела со скалы вниз — схватились-то кладоискатели над самым обрывом.

— Амба! — перешёл на грубоватый язык одесских биндюжников Ковригин. — Подурили — и будя. Худой мир лучше хорошей драки. — И, широко улыбнувшись, юноша протянул татарину руку.

Селим зло прищурился, немного подумал и подал русскому руку. Тот помог старику подняться. А зря...

Чуть успев утвердиться в вертикальном положении, Селим рыкнул, подобно барсу, и выхватил из-за сапога узкий длинный кинжал. Клинок сверкнул над Ковригиным ослепительным всполохом. Ещё мгновение — и булатная сталь вонзится в грудь юноше.

Но тут... Земля ушла из-под ног противников. Тряхануло так, что Ермолаю почудилось, будто тот же самый небесный кузнец, что некогда расколосил скалу, вновь громыхнул по ней своим молотом. Русский и татарин не устояли на ногах и полетели со скалы вниз...

Ковригин очнулся от тянущей боли.

Тело ныло, точно Селим ни разу не промахнулся и всё-таки приложил пару — а то и не пару — раз по нему прикладом. Каждый вздох отзывался резкой, колющей болью. Знать, у Ермолая было сломано несколько рёбер. Вот ведь незадача.

Юноша медленно разлепил глаза, осмотрелся.

Ого! Молодой искатель приключений болтался в воздухе в паре сажений над землёй, повиснув на, затянутой на груди, верёвке. Да, Селим знает толк в узлах, раз тот не развязался от такого сильного рывка...

Впрочем, не знает, а уже знал. Вон он лежит на земле, как раз под Ковригиным. Нелепо раскинув руки, и, неестественно подвернув под себя правую ногу. Серые немигающие глаза вопросительно уставились в синь неба, из-под основания черепа вытекает струйка бордовой тягучей крови.

Ермолай, преодолевая боль, вздохнул:

— Велика расплата за непомерную алчность. Ни одно соколовище в мире не стоит человеческой жизни.

Но стенать и философствовать было некогда. Следовало выбираться из этого подвешенного положения. Ковригин дотянулся до висевшего на поясе охотничьего ножа, извлёк его из ножен, разрезал стягивающую грудную клетку верёвку.

Падение с двухсаженной высоты молодой организм перенёс без особых последствий. Лишь сломанные рёбра напомнили о себе резкой простреливающей болью. Ермолай полежал пару минут без движения, отдышался. Затем встал, поправил растрёпанную одежду, посмотрел вверх.

Землетрясение — а это было землетрясение, Ковригин готов был биться об заклад — оставило на скале неизгладимый след. Так пещера Алима Айдамаха стала практически неразличима. Исчезла тамга разбойника (словно её никогда и не было), а съехавший пласт горной породы наглухо закрыл вход в пещеру. Такое ощущение, словно исполинское чудище захлопнуло зубастую пасть.

О недавней пещере теперь напоминала только узкая щель в скале. И никто при всём желании не смог бы в эту щель залезть. Сама природа надёжно скрыла от человеческих глаз секрет крымского Робин Гуда.

Ковригин тяжело вздохнул и подошёл к телу Селима. Юноша закрыл глаза старику, поправил съехавший при падении башлык. И только теперь заметил: у татарина было отсечено левое ухо.

Так была раскрыта ещё одна тайна Алима Айдамаха.

PS: Внимательный читатель, хорошо знакомый с историей Крыма, с лёгкостью определит точную дату описываемых в рассказе событий.

Как известно, реальный Алим Азамат-оглу появился на свет в 1816 году. А Нургали утверждает, что легендарный разбойник родился более чем за полвека до описываемых в рассказе событий. Следовательно, визит Ермолая Ковригина в Судак имел место не ранее 1866 года. К тому же из рассказа известно, что суд над Алимом состоялся за 20 лет до беседы Нургали с Ковригиным, а за два года до этой самой беседы И. К. Айвазовский принимал в своём судакском поместье великого князя Сергея Александровича и великую княжну Марию Александровну. Зная, что суд над Алимом Азамат-оглу состоялся в 1849 году, а приезд членов императорской фамилии в Судак — в 1867, легко сделать вывод: действие рассказа «Сокровище Алима Айдамаха» разворачивается в 1869 году. А учитывая, что именно в этом 1869-м году произошло знаменитое судакское землетрясение, можно смело утверждать: описываемые в рассказе события произошли 11 октября 1869 года (30 сентября 1869 года по старому стилю).

Тимур КАЗАНЛИЕВ

г. Феодосия. Крым.

КРАЙ ГРЕЧЕСКОГО СВЕТА

Этот день можно было назвать беспокойным. Бледно-пепельные облака торопливо плыли по небосводу, нагромождаясь друг на друга пышными пластами. Волны жадно лобзали берег, пенясь и сглаживая песочные кучи, а морской прибой монотонно выл у белых стен города.

За этими безмолвными стенами, обратившими свои взоры далеко за пределы Чёрного моря, к Элладе, кипела повседневная жизнь. Многочисленные струйки дыма, поднимавшиеся из труб гончарных и кузнечных мастерских, вились вверх и сплетались воедино, образуя полупрозрачный дымный столп. И даже вне полиса бурлил жизненный поток. В пролеске над городом, среди зарослей кизила и трепещущих веточек бузины неспешно брели двое мужчин в бурых тогах с сумками из сыромятной кожи наперевес.

Старик, шедший впереди размеренным и твёрдым шагом, был невысок, но крепко сложен. У него были серебристые кудри, едва касавшиеся плеч, и залысины, которые углубляли, и без того высокий лоб. Из-под густых бровей спокойно и вдумчиво смотрели темные глаза над орлиным носом, от которого, казалось, сразу курчавилась жидкая с проседью борода.

Юноша, покорно следовавший за старцем, был высок, гибок и статен. В отличие от своего проводника он нес две сумки, превосходившие в размере ношу пожилого мужчины. Его коротко стриженные кучерявые волосы обхватывал шнурок, глаза были большие, взгляд их резок, губы тонки, а нос аккуратен и выразителен. Да и профиль его был запоминающимся: небольшая горбинка на носу, слегка выступающая нижняя губа и мощный подбородок — всё говорило о волевой натуре.

Пройдя овраг, густо поросший сухим кустарником, они остановились у огромного камня, подпиравшего пригорок.

— Здесь расположимся, — старик ткнул выщербленным концом посоха в сторону камня.

Юноша покорно подошёл к камню и, свалив на него сумки с травами и ягодами, сразу принялся чистить свои сандалии. Старец же без лишней спешки добрёл до края камня, уселся и, запрокинув голову, промолвил:

— Профон, ты выполнил все мои поручения, что я дал тебе в городе? — спросил старик уставшим голосом.

— Да, отец. Я заходил к Геамосу, выменял у него пестик со ступой за чашу милетского мёда. Потом на рынке купил гроздь винограда, пять головок чеснока, чабрец... склянку горчицы. Ах, да, ещё кувшин молока купил! Ещё, как ты и велел, заходил я к Аглае, купил у неё кору сосновую, отвар ячменный и уксуса склянку. Вроде, это всё, отец... — юноша улыбнулся и продолжил протирать сандалии.

— А как же молочай? Про него ты не забыл? — старик, не изменив позы, все так же спокойно продолжал разговор.

— Не было молочая, отец. Моряки поговаривают, что только на следующей неделе прибудет корабль из Афин. Ты ведь знаешь, как трудно сюда доставлять товар.

— Это верно, Профон, на краю света живём... Прекрасная земля, сын мой, прекрасная... — старец улыбнулся. — Помню, твой дед рассказывал мне в детстве, что до прибытия наших предков, эллинов, на этом берегу жили прекрасные сирены, а на вершине мыса гнездились гарпии...

— А теперь? Где они? — Профон с потаённой усмешкой взглянул на отца.

— Отбыли в места, такие же девственные, как и Таврида до нас... — старик грустно вздохнул. — Девственность мира теряет своё неповторимое обаяние после встречи с человеком. Мы подстраиваем мир под себя, мним себя богами. Но если Гея создала и творила, то мы лишь нещадно перекраиваем идеальные формы первозданного мира. Коснись любой эллин Афродиты, — она бы тоже потеряла всё своё совершенство.

— А если боги даровали нам этот мир во владение? Что, если мы теперь единственные его хозяева? Помнишь, отец, моряки говорили, что у мыса Меганом берёт свое начало Стикс? Если мы овладели землей гарпий и сирен, то и реку душ сможем познать! — юноша вскочил на камень, в порыве восторга.

— Не надейся владеть жизнью, будучи смертным, сын. Человек велик и может равняться с самим Зевсом, но ему никогда не одолеть бога. Ты говорил о Меганоме... Там Одиссей убил циклопа, — это так. Но смог бы он совершить это без благословения Афины? Ни-ко-гда! Слышишь?— старик строго посмотрел на сына.

— Одиссею в первую очередь помогли его верные братья, аргонавты, а не благословение богини. И как не можем мы править землей, если овладеваем ей всё больше и больше с каждым днём? — Профон спрыгнул с камня. — Наше Великое Боспорское царство лежит у севера Меотийского моря, а Пантикапей так близок к землям амазонок, что ещё немного и мы сможем увидеть град их, летящих в нас, стрел. Каждую весну мы расширяем территории своих царств настолько, что через тысячелетие не увидим на картах ничейных земель. И ты всё равно говоришь, что мы подвластны богам?

— Молод ты, сын, горяч и неопытен. Наши царства запросто могут обратиться в пепел, а на нашем месте воссядут новые цари с новыми народами и новыми законами. Наши боги умрут и родятся новые, такие же, как боги захватчиков с востока. Эта земля слишком прекрасна, чтобы оставаться вдалеке от человека. Помни мои слова: придут в Тавриду другие люди, изничтожат нас и сожгут дотла нашу Феодосию, чтобы на её останках воздвигнуть новый город. А позже и их поглотят другие народы... И так будет продолжаться, куда Атлант держит небосвод. И это будет нашей судьбой, если не прекратим перечить богам. Ведь всё это может произойти по велению силы, которой подчиняются даже они, и которую ты пытаешься подчинить. Живи с ней в гармонии и тогда память о тебе и твоём народе будет жить в веках.

Профон молча склонил голову и ничего не отвечал. Ещё несколько минут они сидели в тишине, слушая пение трясогузок и вздохи морского прибоя, который глухо шумел вдали.

— Ну, пойдем, нечего зря время тратить. У нас много работы дома, необходимо сварить три отвара и заготовить листья для сушки. Вставай, вставай... — пожилой травник бодро соскочил с края камня и бодро зашагал вниз по склону.

Профон немного удивлённо посмотрел ему вслед, схватил сумки и поспешил догнать отца, тотчас забыв о недавнем споре...

Евгения ДЕРИЗЕМЛЯ

г. Кременчуг. Украина.

НЕВЕРОЯТНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

— Наверное, вы мне не поверите, но началось всё с того, что мой верный пёс Тибо заговорил со мной! — Прохор Свиридович Коваленко, известный на весь Крым миллионщик, вытер капельки пота, выступившие на его лысине, большим шёлковым платком. Уголок рта мужчины нервно дёрнулся. Руки владельца многочисленных заводов и фабрик дрожали. Миллионщик с опаской огляделся по сторонам, убедившись, что кроме частного детектива, его больше никто не слышит, продолжил свой рассказ:

— Пёс вначале кивнул мне головой, затем раскрыл рот и на чистейшем русском языке сказал... — Прохор Свиридович запнулся на полуслове. Увидев в глазах собеседника недоверие, промышленник произнёс твёрдым голосом: — Я не сумасшедший!

Сыщик, Николай Иванович, не зная как реагировать на столь странное заявление, молча закивал и, чтобы, не дай Бог, не обидеть важного барина, попытался изобразить на своем лице понимание....

По долгу службы ему не раз приходилось выслушивать самые невероятные истории, но ни с чем подобным сталкиваться детективу ещё не доводилось. Да и как браться за это сомнительное дело — Николай Иванович Корнилов не имел ни малейшего представления.

Он с интересом заглянул в маленькие серые глаза миллионщика, пытаясь увидеть в них признаки безумия, но ничего, кроме тревоги, в глазах Прохора не было.

Сыщик поудобнее устроился в большом кожаном кресле:

— Продолжайте, пожалуйста, — медленно протянул Николай Иванович. Ему и в самом деле хотелось услышать весь рассказ до конца: — Так что вам сказала собака?

Детектив взял со стола блокнот и приготовился подробно записывать показания потерпевшего, которые больше походили на бред.

Коваленко, нервно заламывая руки, произнёс:

— Тибо сказал, что я должен вытащить из сейфа все деньги и золото, сложить в мешок, чтобы перепрятать, потому как меня хотят ограбить... — миллионщик перешёл на шепот.

Николай Иванович отложил блокнот в сторону:

— Уважаемый, Прохор Свиридович, — неуверенно начал он. — Не поймите меня превратно, но я всё-таки должен поставить вам этот вопрос, — детектив замялся...

Немного помолчав, он все же продолжил:

— Сколько вы выпили в тот вечер?

Прохор Свиридович в негодовании стукнул по столу тяжёлым кулаком.

— Я нанял вас, милейший, для того, чтобы вы, не придавая делу огласки, вернули мои деньги, а не ставили мои слова под сомнение! — миллионщик резко встал со стула и быстрым шагом прошёлся по кабинету. — Да и кроме травяного чая, который мне Глашка заварила, я тогда ничего не употреблял! — отчеканивая каждое слово, заключил Прохор Свиридович.

— Хм... Понятно! — сыщик задумался. Он посмотрел на мечущегося по кабинету заводчика. — Да вы присаживайтесь, господин Коваленко, в ногах правды нет.

Промышленник, немного успокоившись, послушно вернулся к дубовому столу и сел на табурет. Частный детектив вновь взял в руки блокнот и стал внимательно вчитываться в свои записи:

— А Глаша — это кто? — небрежно спросил он.

Прохор махнул рукой, давая понять, что к делу эта особа не имеет никакого отношения:

— Прислуга, — коротко отрезал он.

Корнилов задумчиво подпёр жилистой рукой острый подбородок и немигающим взглядом больших карих глаз воззрился на собеседника:

— Значит, собака посоветовала вам перепрятать деньги? — не веря в то, что он произносит подобную нелепицу, сыщик насупил светлые брови.

— Да, — на лице крупного промышленника, впервые за время разговора, заиграла улыбка. — Тибо — очень преданный и ум-

ный пес. Видать хотел, лохматый, предотвратить несчастье... — Прохор тяжело вздохнул. — Да поздно. Ах, да... — встрепенулся Коваленко: — Я же его с собой привёл.

— Кого? — в недоумении Корнилов глядел на миллионщика.

Тот резко вскочил со стула и ринулся к двери. Уже через мгновенье мужчина вернулся в кабинет Николая Ивановича, ведя на поводке большую лохматую собаку. Тибо послушно сел у ног хозяина.

Детектив ошарашено смотрел то на Прохора, то на пса.

— Я подумал, а вдруг это поможет дело раскрыть, — пояснил Прохор Свиридович, потрепав по косматой голове своего питомца.

Корнилов озадачено уставился на четвероногого свидетеля, тщетно пытаясь понять, чем Тибо может помочь. Да и что скрывать, детективу стало интересно на «говорящую» собаку посмотреть. Раньше с такой небывальщиной Николаю Ивановичу сталкиваться не доводилось.

«А вдруг и впрямь заговорит?»

В воздухе повисло затянувшееся молчание.

Пёс не издал ни звука.

— А больше ничего вам Тибо не говорил? — любопытствовал детектив, поочередно переводя взгляд с собаки на хозяина.

— Нет! — сокрушенно покачал головой потерпевший. — Я уж и так и этак пытался разговорить его, но после той ночи Тибо ни слова не произнёс.

Как и предполагал Корнилов, чуда не произошло. Сыщик скептически улыбнулся своим мыслям. Глупо было надеяться, что собака назовет имена грабителей.

— Да, с такого свидетеля проку мало! — заметил Николай Иванович. Он почесал светлый затылок. — Вы, Прохор Свиридович, продолжайте. Что дальше было?

Сыщик приготовился слушать продолжение истории.

Миллионщик вновь вытер вспотевшую лысину платком:

— Так вот, — уже более уверенным голосом Прохор Свиридович повёл свой рассказ: — Я вначале ошалел. Не мог поверить в происходящее! — промышленник округлил маленькие хитрые глазки, — но Тибо послушался... — простодушно улыбнулся Прохор. — А как же, ведь эта псинushка — мой лучший друг!

Миллионщик почесал собаку за ухом. В подтверждение слов своего хозяина Тибо лизнул ему руку.

— В-о-т, значит я, не теряя времени даром, вытащил из сейфа все ценности и сложил их в холщовую сумку. Тут-то всё и началось. Завертелось, закрутилось! — Прохор на мгновение замолчал, словно собираясь с мыслями.

— С этого места поподробнее! — детектив, как прилежный ученик, записывал каждое слово потерпевшего в свой блокнот.

— Как раз то, что было дальше, я помню плохо, — признался миллионщик. — Всё как в тумане происходило...

Прохор Свиридович заметно разнервничался. Он всё больше потел и всё чаще промакивал взмокшую лысину белым платком.

— Вначале за окном была яркая вспышка, словно молния озарила всё вокруг... — перешёл на зловеющий шепот миллионщик. — Хотя на небе не было ни тучки, — поднял он вверх указательный палец. — Потом послышался хлопок и запертая дверь распахнулась. Я бросился к своему саквяжу, чтобы достать из него револьвер, но ноги стали словно ватные. Не хотели слушаться.

Николай Иванович оторвался от своих записей и внимал каждому слову потерпевшего, серьёзно сдвинув брови. Наконец-то показания миллионщика дошли до сути.

— С огромным трудом я всё же добрался до оружия, — Коваленко горько усмехнулся в густые, подкрученные кверху, усы. — Да что толку?.. — покачал головой Прохор Свиридович.

На его лысине заплясали яркие огоньки от солнечных лучей, попадавших в помещение через распахнутое окошко. Невольно Корнилов залюбовался этой игрой света.

Коваленко тряхнул головой:

— В дверном проёме, на пороге, появился он... — голос мужчины предательски дрогнул. Прохор потянулся рукой к стакану с водой и стал жадно пить.

— Кто он? — Николай Иванович в нетерпении заёрзал на месте. Карие глаза сыщика так и впились взглядом в потерпевшего.

Отставив стакан, Прохор Свиридович вытер рукавом усы:

— Это был демон! — нервно сглотнул слюну рассказчик. — Он явился ко мне прямо из преисподней... — зубы миллионщика стали выбивать мелкую дробь. Прохор Свиридович размашисто перекрестился.

— А с чего вы взяли, что это был именно демон? — спокойным голосом спросил Корнилов. После рассказа про говорящую собаку детектива уже было сложно чем-нибудь удивить. — Может, это был всё-таки человек? — скептически заметил он, склоняясь к более приземлённой версии.

«Ну, просто напился вчера барин, а признаться в этом стесняется. Померещилось ему всё это!.. — хмыкнул своим мыслям Корнилов. — А что касательно похищенных ценностей, так, поди, сам промышленник сумку куда-нибудь засунул, да запаятовал».

Дело представлялось простым. Только высказывать свои предположения барину детектив не спешил. Корнилов рассудил так:

— «Раз верит человек в то, что рассказывает, — вон даже пса привёл подтвердить свой рассказ, — то огорчать уважаемого господина не стоит!»

— Да что ж я, по вашему, милейший... — Прохор Коваленко обиженно выпятил нижнюю губу. — Человека от беса отличить не могу?!

Немного помолчав, промышленник всё же отбросил обиды:

— У демона и рога на голове были, и налитые кровью огромные глаза, — Прохор Свиридович выпучил глаза, видимо, чтоб показать, как именно выглядел его вчерашний гость. — Просто жуть, — скривился Коваленко. — А ещё у него был пяточок вместо носа и острые клыки.

«Ну, точно! — подумалось Николаю Ивановичу. — Допился барин до чертиков».

Корнилов тяжело вздохнул, но перебивать рассказчика не стал.

— Так вот, я револьвер поднял и бац! — неожиданно Прохор Свиридович стукнул кулачищем по столу. — Выстрелил!

— Убили? — детектив подался вперёд всем телом, подыгрывая потерпевшему.

— Куда там... — махнул рукой заводчик. — Это ж бес! Его убить нельзя. Я же с двух шагов промазать не мог.

Действительно, Коваленко славился ещё и тем, что был опытным охотником. С двух метров миллионщик точно бы не промахнулся. Ну, если только стрелял по несуществующей цели.

— Значится, схватил рогатый сумку с деньгами и тут же исчез... — закончил свою историю Прохор Свиридович. — Прямо на глазах в воздухе растворился, только столб дыма остался!

Миллионщик замолчал.

Корнилов развёл руками:

— Помилуйте, господин Коваленко, чего же вы от меня хотите? — детектив пожал плечами. — Неужто вы ждёте, что я беса поймаю?! — Николай Иванович был скорее материалистом и в подобные вещи не верил. Соответственно, никак не мог взять в толк чего от него хочет ограбленный.

Прохор Свиридович медленно протянул:

— Я своим глазам верю, и рассказал вам всё как было. Да только... — миллионщик хитро прищурился. Теперь, закончив свой рассказ, мужчина окончательно успокоился. Стало видно, что это вполне себе умный и здравомыслящий человек. Он почесал волевой подбородок: — Сдается мне, что в этой истории без человека всё же не обошлось.

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался Корнилов.

— А вот что, — Коваленко медленно вытащил из-за пояса свой револьвер и положил его на стол перед детективом.

Николай Иванович взял в руки оружие и стал внимательно разглядывать ствол. Заглянул в дуло. Там виднелись следы воска.

Дело приобретало совсем другой оборот. Лицо Корнилова стало серьёзным. Теперь уже сыщику не казалось, что эта история всего лишь плод больного воображения чудаковатого промышленника. Нужно было ехать на место преступления и уже там разбираться в произошедшем.

Николай Иванович поднялся с кресла и надел на голову шляпу.

— Поехали! — коротко произнес он.

Оказавшись возле дома потерпевшего, Корнилов, первым делом, стал внимательно осматривать дверной проём.

Сыщик наклонился к порогу и провёл рукой по ступени. На белоснежной перчатке остались чёрные следы копоты. Такие же следы обнаружил детектив и на самой двери. К тому же с вне-

шной стороны дверь была повреждена. Вывод напрашивался сам собой — дверной замок взорвали. К тому же, взорвали очень аккуратно, не наделав шума. Да и сам потерпевший утверждал, что слышал хлопок.

Николай Иванович вышел во двор и стал всматриваться в следы на траве. От середины двора, вдоль всего аккуратно подстриженного газона, к дверному проему, словно ядовитая змея, тянулась длинная чёрная полоса.

Теперь всё встало на свои места. Яркая вспышка, которую миллионщик принял за молнию, была вспышкой пороха.

«Кто-то уж очень сильно хотел попасть в дом промышленника! — покачал головой сыщик... — Но для чего злоумышленнику потребовалось устраивать весь этот маскарад?»

Скорее всего, грабитель рассчитывал на то, что Коваленко не пойдёт в полицию. Побойтся, что по городу поползут слухи о его сумасшествии. Да только вор просчитался. Не такой человек Прохор Свиридович, чтобы просто так, за здорово живёшь, кому-то свои кровные отдавать.

Хотя, конечно, в жандармское управление миллионщик действительно не пошёл. Но здравого смысла у промышленника хватило, чтобы заподозрить неладное и нанять лучшего в городе частного детектива.

Николай Иванович вернулся обратно в дом. Там, тщательно осматривая каждый квадратный сантиметр комнаты, в которой произошло ограбление, сыщик провёл около часа. После осмотра места происшествия, он приблизился к промышленнику, который всё это время скромно стоял в стороне и наблюдал за непонятными манипуляциями Николая Ивановича.

— Да, господин Коваленко, — медленно начал Корнилов. — Вы действительно были правы, без человека здесь не обошлось! — детектив наморщил гладкий высокий лоб: — Мне нужно будет провести опрос свидетелей, — закрутил головой он, оглядываясь по сторонам.

Дом заводчика находился в самом конце улицы. К тому же со всех сторон усадьба была окружена высоким забором. Так что вряд ли соседи могли много увидеть, но опросить их было необ-

ходимо. Только делать это следовало осторожно, не поднимая излишней шумихи.

— Для начала я хотел бы поговорить со всей прислугой!

«Они-то точно должны были стать очевидцами происшествия.»

— Да, конечно, — понимающе закивал головой Прохор Свиридович. — Вот только вряд ли это вам поможет! — миллионщик почесал лысый затылок: — Я вчера, как назло, всю прислугу по домам отправил! — развёл руками мужчина. — Захотелось, понимаете ли, дураку старому одному побыть!

— И часто вы так остаетесь наедине с самим собой? — заинтересовался Корнилов этим обстоятельством.

— Каждую пятницу, — простодушно ответил Коваленко.

— Так значит, злоумышленник был осведомлён об этой вашей привычке... — скорее самому себе пробормотал под нос Николай Иванович. — А как же Глашка? — встрепенулся он. — Вы ведь сказали, что она вам чай заварила?!

— Да, — утвердительно кивнул головой потерпевший. — Девка мне чай подала и сразу же ушла.

— А когда всё началось? — большие карие глаза сыщика хитро сощурились.

Миллионщик задумался:

— Стало быть, она ушла, я чай выпил. Тогда всё и завертелось! — Коваленко задумчиво потер волевой подбородок. — А вы, господин Корнилов, полагаете, что девка замешана в этой истории? — удивлённо приподнял густые брови Прохор Свиридович.

— Пока я знаю только то, что с этой особой нужно будет обязательно поговорить! — твёрдым голосом произнес детектив. — Могу ли я её увидеть?

При этих словах Прохор Свиридович заметно занервничал:

— Она сегодня с утра не пришла, — пояснил барин. — Я сильно удивился, ведь Глаша очень расторопная и исполнительная.

— А как давно эта девушка прислуживает вам? — не обратив внимания на положительную характеристику служанки, продолжил свои расспросы детектив.

Промышленник закатил глаза под лоб, пытаясь вспомнить точную дату:

— Да, в общем-то, недавно. Может, месяц.

— Ясно! — коротко отрезал Николай Иванович. — А как она к вам в дом попала? — сыщик вытащил из внутреннего кармана сюртука свою записную книжку и ловко зашуршал страницами.

— Так сама пришла! Прознала, что мне служанка нужна, и пришла.

При мысли, что его смогла одурочить простая девка, миллионщик покраснел как рак.

— Выходит, — нараспев протянул Прохор Свиридович. — Глашка с самим нечистым знается?

Этот вопрос Корнилов оставил без ответа. То, что служанка сама пришла наниматься к барину, заводило дело в тупик. Где ж её теперь сыщешь?

Как и предполагал Корнилов, — опрос соседей практически ничего не дал. Все в один голос твердили, что ничего не видели. Что, правда, некоторые из соседей слышали приглушенный хлопок. Да проку от этих показаний. Очевидно, грабитель рассчитал силу заряда так, чтобы взрыв не привлёк ненужного внимания.

— «Хорошо, что в доме у барина удалось обнаружить кое-какие улики!» — обдумывал ход своих дальнейших действий детектив, как вдруг его окликнул коренастый мужичек с косматой бородой:

— Ваше благородие! — приблизился к Николаю Ивановичу бородач. — Мне сказывали, что вы вчерашним вечером интересуетесь.

Сыщик утвердительно кивнул и воззрился на подошедшего мужика:

— А вы кто? — поинтересовался он, вытаскивая свой блокнот.

— Я, ваше благородие, Порфирий — сторож! — мужичок махнул крепкой рукой, указывая на роскошный особняк, находящийся аккурат напротив дома потерпевшего.

Николай Иванович принялся записывать:

— Расскажите подробно, что вы вчера видели?.. — сыщик с любопытством разглядывал собеседника.

Сторож выглядел немного сконфуженным, замаялся:

— Я, барин, вчера обходил имение... — неуверенно повел свой рассказ он, обдав собеседника сивушным перегаром.

Корнилов наморщился, но прерывать рассказчика не стал.

— Проходя мимо ворот, заприметил я на улице незнакомца!
— сторож немного покачулся.

— Незнакомца? — переспросил детектив.

— Ага, — кивнул головой свидетель. — В свете ночного фонаря я заметил, как какой-то человек проскользнул за ворота господина Коваленка. Ну, мало ли! Подумал я, гость к барину пришёл... — сторож запнулся на полуслове.

— А в котором часу это было? — Корнилов внимательно смотрел на говорившего.

— В котором часу не знаю. Темно уже было... — почесал густую бороду сторож. — А-а-а... — стукнул себя по лбу свидетель, будто что-то важное вспомнил: — Сразу же после этого Глашка, хозяйская служанка, со двора вышла!

— Ушла? — следователь быстро водил карандашом по белому блокнотному листу.

— Нет, — сторож так резко замотал головой, что картуз чуть не слетел с его головы. — Так и стояла, будто выжидала чего.

— А что дальше было? — заинтересовался частный детектив, — наконец-то ему удалось найти ценного свидетеля.

— Дальше... А дальше, я вглубь хозяйского сада пошёл. Так что, чем там девка занималась, не видал! — Порфирий пригладил обветренной рукой растрепавшуюся бороду. — А как хлопок услышал, так сразу обратно к воротам кинулся... — свидетель потупил взор и уставился на свои стоптанные грязные сапоги:

— Не знаю как вам и сказать... — голос сторожа дрогнул. — Я увидал, как со двора господина Коваленка чертяка выскочил! — Порфирий мелко закрестился. — Рога, копыта, длинный хвостиче... — начал подробно описывать увиденное сторож: — А за плечами — большая торба. Я уж было подумал — чудится мне!.. — Порфирий простодушно улыбнулся.

— И что же дальше было? — уже второй раз за день сыщик про чертей слушал.

— Так, ничего, — пожал плечами свидетель. — Схватил чертяка Глашку за руку и побег в-о-о-о-н туды! — Порфирий указал коротким толстым пальцем на широкую дорогу.

Николай Иванович ещё раз внимательно оглядел свидетеля. Опухшие глаза, красный кончик мясистого носа, выдавали в стороже любителя выпить. Раньше Корнилов бы поставил под сомнение показания Порфирия. Но теперь слова мужчины проливали свет на это запутанное дело.

— А как выглядел человек, который вечером к Прохору Свиридовичу пришёл? — поставил последний и очень важный вопрос сыщик.

— Так, обыкновенно... — Порфирий задумчиво почесал затылок. — Росту обычного, волосы светлые... — мучительно пытался вспомнить приметы ночного гостя свидетель. — Помилуйте, ваше благородие, — взмолился сторож, — я ж его только со спины и видел. Одет был, как барин: брюки, сюртук, шляпа. Ах да!.. — воскликнул он. — Вспомнил! Уши... У барина того уши лопухие были.

Получив важные свидетельские показания, Николай Иванович Корнилов сразу же отправился к себе домой. Забрав в квартиру, частный детектив первым же делом вытащил из письменного стола подшивку газет. Была у него такая привычка — не выбрасывать прочитанные газеты, а аккуратно складывать их в ящик стола. Теперь, как никогда, сыщик был рад этому обстоятельству. Николай Иванович зашуршал большими газетными листами, судорожно всматриваясь в заголовки:

— Где же оно было? — бормотал себе под нос Корнилов. — Ах, вот же оно!

В самом низу газетной страницы, в рубрике происшествия, виднелся небольшой заголовок "Невероятное ограбление". В статье рассказывалось о том, что пять недель назад был ограблен некий господин Фадеев, заезжий фокусник, который гастролировал по всей стране, вместе со своим помощником. У мага и чародея пропал сундук, в котором находились все принадлежности, необходимые для магических действий. Подозрение пало на ассистента заезжего артиста, потому как тот бесследно исчез. Так же в статье было дано подробное описание подозреваемого: средний рост, светлые волосы, голубые глаза, лопухие уши.

— Вот оно! — сыщик резко поднялся со стула, отложив газету в сторону и, прошелся быстрым шагом из одного угла по-

мещения в другой. В голове у него тут же сложилась картина преступления.

На следующий день, с самого утра, в кабинете частного детектива, сидел Прохор Свиридович Коваленко. Миллионщик слушал отчёт о проведённой работе.

— Значит, началось всё с того... — повёл свой рассказ Николай Иванович. — Что к вам, господин Коваленко, на работу, четыре недели назад, нанялась девица Шкуренко Глафира Павловна! — сыщик заглянул в записную книжку. — Так вот, смею вас заверить, что никакой мистики в этом вашем происшествии нет! — успокоил потерпевшего детектив.

— То есть, как это нет? — в негодовании пробасил промышленник. — Я же собственными глазами всё видел.

Корнилов утвердительно кивнул:

— Конечно, видели! Разыгранный перед вами спектакль, продуманный злоумышленниками до мелочей.

Коваленко ахнул, но спорить не стал.

— Нанялась к вам госпожа Шкуренко, чтобы, так сказать, изнутри провести подготовку к представлению.

— Но зачем? — перебил говорящего миллионщик. — Зачем понадобился весь этот балаган?

— Ну, это совсем просто... — развел руками Корнилов. — Преступники прекрасно понимали, что добраться до ценностей, которые хранились в сейфе, они не смогут! — сыщик выразительно посмотрел на собеседника.

По городу про миллионщика Коваленка шла слава жестокого и волевого человека. Все знали, что не таков промышленник, чтобы богатством своим делиться. Поговаривали, что барин скорее пулю в лоб получит, чем копейку кому-то задарма отдаст. Это в городе знали все. Помнили люди историю, как пару лет назад на Прохора Свиридовича напали грабители прямо на улице. Так барин, вместо того, чтобы кошелёк отдать, на нож пошёл.

— Вот именно для того... — сыщик прервал затянувшееся молчание. — Чтобы до ваших денег добраться, мошенники и придумали весь этот план с говорящей собакой.

— Но я же собственными ушами слышал, что Тибо заговорил! — насупил густые брови обокраденный.

— Конечно, слышали, — подтвердил Корнилов. — Злоумышленники знали, что Тибо — это единственное существо, которое вы любите.

Коваленко был одинок. Из-за скверного характера не имел ни семьи, ни детей. Собака, действительно, была его самым близким и верным другом.

— Расчёт мошенников был верен. Единственный, кого бы вы послушали — это Тибо! — заключил сыщик. — Для того чтобы заставить Тибо говорить... — детектив выразительно посмотрел на промышленника. — Похитители воспользовались нехитрым приспособлением, украденным из волшебного сундука господина Фадеева.

Брови промышленника удивленно взлетели вверх:

— Каким таким приспособления? — глаза миллионщика ошарашено уставились на Корнилова.

Прохор Свиридович всё ещё не хотел верить в то, что его просто одурачили.

— Акустической трубки! — коротко ответил Николай Иванович. — Я связался по телеграфу с ограбленным фокусником, — Корнилов вытащил из стола телеграмму:

— Тут подробно описывается работа этого нехитрого аппарата! — детектив передал листок собеседнику, а сам продолжил пояснения. — Акустическая трубка была подведена через отверстие в стене, прямо к месту, где спит Тибо...

Николай Иванович поудобнее устроился в кресле, разговор предстоял долгий:

— Похититель, со двора, через это приспособление, говорил за собаку.

— Но откуда мошенник мог знать, что Тибо находится именно на своем месте? — медленно задал свой вопрос Коваленко.

Корнилов ничуть не смутился, казалось, сыщик ждал этого вопроса:

— Глашка... — коротко бросил детектив. — Служанка дала знать своему подельнику, когда вышла из дома. Она и впустила злоумышленника... — резюмировал Николай Иванович. — Перед тем, как уйти, она вам чай подала. Уверен, что в напиток был подмешан некий препарат, который и вызвал слабость в вашем

теле и немного затуманил рассудок для того, чтобы вы поверили в происходящее и не смогли дать отпор грабителю.

Прохор Свиридович нервно вытащил из кармана трубку.

— «Неужто его, самого Коваленка, могли так ловко одурачить какие-то проходимцы?!» — не укладывалось в голове заводчика.

Мужчина нервно закурил, выпустив в воздух колечко терпкого табачного дыма.

— Признаться, я не сразу поверил в ваш рассказ, — продолжил тем же спокойным тоном сыщик, глядя на сконфуженное лицо промышленника. — Но как только осмотрел ваш револьвер — сразу понял, что вы говорите правду.

— Да, — подтвердил Коваленко. — Я тоже, первым делом, с самого утра, оружие проверил, — закивал головой Прохор Свиридович. — Следы воска меня удивили. Сами посудите, ну откуда ему взяться? — Коваленко затыкнул в рот струйку дыма. — Я револьвер всегда в чистоте держу. А тут такое?! Я и на пули поглядел. Их на одну больше!.. — пожал плечами миллионщик: — Но я точно знаю, что револьвер заряжен был. Как тогда пуля в сумке оказалась? — озадаченно глядел потерпевший на сыщика. — Вот тут-то я и заподозрил неладное.

— И правильно! — утвердительно кивнул головой Корнилов. — Кто-то заменил настоящую пулю — вылитой из воска. Вот и весь фокус! — детектив улыбнулся собеседнику, обнажив белые ровные зубы: — Я давно этот трюк знаю... — хмыкнул он. — Вот и понял, что кто-то пытался вас одурачить!

Сыщик запнулся, увидев, как при этих его словах лицо Коваленка густо побагровело.

"Вот она гордыня и тщеславие!"

Такие люди, как Прохор Свиридович, больше всего на свете боятся быть высмеянными. Не обращая внимания на негодование собеседника, Николай Иванович повел рассказ дальше:

— Грабитель заранее приготовился к маскараду. Попав к вам во двор, он быстро переоделся в подготовленный костюм, — сыщик быстрым движением открыл верхний ящик рабочего стола и вытащил оттуда странный предмет.

На ладони детектива лежал резиновый свиной пяточок.

— Злоумышленник в спешке потерял! — пояснил Корнилов.
— Так вот, взорвав входную дверь и проникнув в помещение, мошенник схватил сумку с ценностями... — хмыкнул сыщик. — Через окно вор наблюдал, как вы вытаскиваете из сейфа деньги...

Прохор Свиридович ахнул. Со злостью стукнул кулаком по столу:

— Вот я дурак старый! — схватился за голову миллионщик.
— Поверил! Позволил обмануть себя! — сокрушался он.

— Злоумышленники были абсолютно уверены в своей безнаказанности, — заключил Корнилов. — Поэтому и действовали так нагло и самоуверенно.

Мысленно детектив восхищался тщательно продуманным планом ограбления. Мошенники просчитали всё до мелочей.

— Вор знал, что вы броситесь к револьверу, поэтому Глашка и подменила пулю... — детектив выразительно поглядел на собеседника.

Злость и негодование его сменились растерянностью. Сразу было видно, что миллионщик не знает, как дальше быть. Если грабителей поймают, то вся Таврическая губерния, от мала до велика, над заводчиком смеяться будет.

Словно прочитав мысли потерпевшего, Николай Иванович произнес твёрдым голосом:

— Наверное, дело лучше будет закрыть, чтобы не навредить вашей репутации!

Миллионщик нехотя кивнул, соглашаясь с детективом.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОЕННЫЕ

Андрей ЛОБОДИНОВ

г. Севастополь. Крым.

ПРАВИЛЬНЫЕ ПОСТУПКИ ЛЕЙТЕНАНТА ПИМЕНОВА

Хорошие парни не пользуются таким успехом у девушек, как плохие парни. Пименов — видный собой, непьющий, а Федька Шхонкин, шибздик чернявый, но на гармонии наяривает будь здоров, и девок не меньше наяривает.

Таких, как Пименов, нужно сразу в мужья арканить... а до свадьбы ни-ни... такова нехитрая бабья мудрость, — уже позже понял Пименов. А с Федькой можно и погулять, главное не нагулять.

Поскольку Пименов абы на ком жениться не хотел, то его особо не трогали. До тех пор, пока не вернулся из училища с погонами лейтенанта. Тут уже ставки высоки. Стать офицерской женой это вам не это...

Танька, девка видная и красивая, просчитала варианты — и легла под Пименова. Тот с изумлением обнаружил, что Татьяна деваственница. Такое у него было впервые. Пименов, чувствуя и гордость, и некоторую неловкость, предложил ей руку и сердце.

Свадьбу сыграли, как полагается, с размахом.

Правильную свадьбу.

Вскоре началась война. Пименов получил боевое крещение под Одессой, откуда войска организованно эвакуировались в Севастополь. Во время первых боёв заходило сердце, шум крови в ушах мешал чётко мыслить.

«Главное — не оказаться трусом», — считал Пименов.

Когда очередной из господствовавших в небе над Севастополем «мессеров» с натужным рёвом пикировал на позицию, Пименов остался стоять в полный рост. Он просчитал, что шанс попадания пулёмётной пули относительно невелик, и хотел показать пример хладнокровия рядовому составу.

— Ложитесь, товарищ лейтенант, — заорал ефрейтор, распластавшись в пыльной траве.

Пименов лишь махнул рукой, дескать, отдыхай.

Пуля попала в брюшину.

«Ой, дурак лейтенант», — покачал головой ефрейтор, глядя на скорчившегося Пименова.

В госпитале Пименов познакомился с Ниной, медсестрой. Отношения в такой обстановке обычно развивались стремительно.

— Ну что, Пименов, военно-полевую жену нашёл себе? Так держать, — усмехался, топорща усы на широкой роже, капитан Евстигнеев.

Пименов, подавив острое желание врезать по этой роже, лишь отшучивался.

Уже когда Пименов пошёл на поправку, в палату вбежала Нина.

— Грузят ранеными паром на Сухуми, я за тебя замолвила словечко, — обрадовано выдохнула она.

— Нина, ты чего? Тут тяжелораненых куча, ты же сама говорила, а я на выписку иду, — искренне удивился Пименов.

Нина посмотрела на него как на дурака и тяжело вздохнула. В Сухуми Пименов не поплыл и вернулся в строй.

Когда немецкие штурмовые отряды прорвались на Корабельную сторону, поступил приказ командующего флотом Октябрьского об эвакуации офицерского состава.

Объяснялось это сохранением нужных армии кадров.

— Товарищ капитан, это же... неправильно. Это же подло... трусливо, в конце концов, — в голове Пименова идея оставить рядовой состав без офицеров попросту не укладывалась.

— Ты что же, хочешь сказать, у нас в командовании трусы?!
— Свирепо ощерил усы Евстигнеев, оглянулся и сплюнул. — Дурак ты, лейтенант.

Свои эвакуационные документы Пименов в последний момент отдал Нине. Та на прощанье всплакнула.

— Найди меня... Дождусь... Слышишь?!

— Нина, ты это... извини, меня жена ждёт, — с неловкостью ответил Пименов.

Нина и рыдала и улыбалась сквозь слёзы.

— Эх, Пименов, Пименов, — всхлипывала она.

Больше Пименов её не видел.

Остатки войск скапливались на мысе Херсонес. Эвакуация шла теперь по воздуху, «Дугласами». Пименов дождался своей очереди, и на карачках попытался влезть в один из последних самолётов.

— Куда ты щемись, шалава сухопутная? Только моряков берём, — краснофлотский сапог повстречался с лицом Пименова.

Кроме сапога, тот успел заметить ещё рыжую перекошенную харю пилота.

Пришёл в себя Пименов через пару минут. Вокруг царил ад. Вывозили моряков, потому что тех немцы в плен не брали, расстреливали на месте. Кое-кто из пехоты, изрыгая проклятия, стрелял вслед самолетам, но таким сразу заламывали руки свои же, ещё сохранившие способность рассуждать.

Правильных решений было два. Или идти на прорыв и погибнуть в бою, или плыть в открытое море. Пименов бросил монетку. Ночью, взяв шину, он поплыл прочь от берега, всё ещё покрытого серо-зелёной толпой, ждущей непонятно чего.

Жажда начала мучить его ещё на берегу. Во второй половине дня, когда берег уже скрылся из виду, она стала нестерпимой. Пименов, отпустив шину, лёг на спину. Небо над ним и море под ним. Внезапно по небу пробежала рябь.

«Морок...», — равнодушно подумал Пименов.

В следующее мгновение он провалился в небо, и оказался в воде. Вынырнув, Пименов не мог понять, что же изменилось. Вода стала теплее... и голубее, что ли? Но жажда никуда не делась.

Подобравший его парусный катамаран появился ещё спустя пару часов. Пименов был отличником в школе, и любил географию, поэтому определил в «пиратах», как он их мысленно прозвал, представителей полинезийской расы...

После произошло знаменательное событие: Пименов влюбился. Её звали Амару.

Чужой язык Пименов освоил всего за пару недель. Морские кочевники ели рыбу и моллюсков, воду опресняли при помощи какого-то хитроумного устройства, приручили дельфинов.

Разумеется, Пименов спрашивал о суше. Суши не было. Насколько понял Пименов, остался лишь миф о суше. Причём, как о некоем зле. Пока люди жили на суше, они убивали друг друга. Теперь же им незачем убивать друг друга.

Пименов загорел и был счастлив как никогда. Счастлив с Амару. Отдавалась она ему лишь в полной темноте. Прямо как Танька в тот её первый раз. Впрочем, о своём мире Пименов вспоминал всё реже и реже...

Пока снова не увидел на небе морок.

— Там мой мир! Суша! Ты слышишь, там суша! Идём со мной, — возбужденно звал Пименов Амару. — «Тане всё объясню. Я люблю Амару», — думал Пименов.

Амару внимательно посмотрела на Пименова, чуть покачала головой и сняла сандалии. Впервые при Пименове. Между пальцами на ногах у неё были перепонки.

Пименов глянул на Амару, на морок... и принял единственно правильное решение.

Амару посмотрела вслед бухнувшемуся в воду и вскоре пропавшему Пименову, провела ладонью по едва заметно округлившемуся животу и тихонько сказала что-то на своём языке.

Пименов выбрался на берег в сумерках...

— «Надо идти к партизанам в горы», — решил он.

Патруль обнаружил его в районе Большой Ялты. Это оказались свои, русские. На дворе был 1944-й год.

Пименова направили в фильтрационный лагерь, где он честно, от начала до конца, повторил свою историю. НКВД-эшник, похоже, неплохой мужик, долго смотрел на него.

— У нас, парень, аннанербы нет. Под психа косишь ты неплохо, но не знаю, пройдёт ли твой номер в психушке... В общем, так, контузило тебя, небось... Подпиши, что был в плену, и пройдёшь фильтрацию. Нет — сгниешь в лагерях, скорее всего... — наконец, устало заключил НКВД-эшник.

У него таких были сотни. Попавших в плен под Севастополем особо не трогали.

Пименов подписался, что был в плену. НКВД-эшник слово сдержал, и уже спустя месяц Пименов вернулся в строй.

Медали за оборону Севастополя ему не дали, а так всё кончилось хорошо.

После Победы Пименов вернулся в родное село.

— Танька твоя спуталась с Фёдором... Катька вон гутарит, Танька и до тебя с ним мутила, — рассказывал друг детства за бутылкой самогона.

— Брешешь! — вспылил, не привыкший пить, Пименов. — Я у неё первый был.

Жена друга, Катька, округлила глаза.

— Ну, Танька, ну хитра лиса! Ты что же, месячные от первого раза отличить не смог? Дурак ты, Пименов, — расхохоталась Катька.

Друг смущенно молчал, и вдруг грохнул кулаком по столу.

— А ну тихо! Раскудахталась тут!

Пименову было нехорошо...

Таню он встретил за домом, где та развешивала бельё.

— А если и встречалась Федькой? Нечего в плен сдаваться было, — лягнула та, уперев руки в ладные крепкие бёдра, и прикусив язычок от собственной дерзости, но не с раскаянием, а с весёлым вызовом, мол, — и что ты мне теперь сделаешь?

Совсем плохо на душе стало Пименову... ведь никому бы сказать такое не посмела. А ему сказала.

Коротко замахнувшись, врезал он прямо в её хорошенькую мордашку. Танька ахнула, пошатнулась, аж изогнулась вся, ко-

лыхнув грудью, но устояла-таки на длинных ногах, прижимая ладонь к лицу. Такая искренняя обида появилась в её глазах... И ведь Федька её постоянно по пьянке лупит, так терпит, разве что добавки не просит. А тут Пименов ударил! Всегда правильный Пименов! Обидно!

Пименовым овладел разухабистый кураж, и он уже хотел снова замахнуться, чтобы врезать в это холёное красивое лицо... теперь уже пошире, наотмашь, так чтоб кровь не капелюшками закапала, а фонтаном захлестала из аккуратненького носика...

Танька всё прочитала в его глазах и бухнулась на колени, выдохнув:

— Не бей.

Пименов понял, что так же она и перед пьяным Федькой стояла на коленях. А тот всё равно бил. А потом они... И всё повторялось, снова и снова.

Плюнув, он ушёл. А Танька, оставшись одна, зарыдала с глупой бабьей жалостью к нему и к себе.

— Дурак ты, Пименов... Ой, дурак... — повторяла она, всхлипывая.

После этого Пименов запил.

Амару снилась ему каждую ночь.

Из села он уехал. Решил вернуться в Одессу, где служил.

Однажды в уже привычном кабаке, увидел он знакомую рыжую харю.

— О, лейтенант... — лётчик «Дугласа» тоже его узнал. — С меня бутылка, лейтенант. Надеюсь, ты не в обиде? Сам понимаешь, от меня тогда ничего не зависело.

— Да какие обиды, командир... в следующий раз, значит, я угощаю, — ответил Пименов, улыбаясь.

Когда бутылка почти опустела, рыжая харя обхватил голову руками и стал раскачиваться взад и вперёд.

— Комиссовали меня, лейтенант... С-суки... тремор, видите ли... Я же небо люблю... не могу я без него, лейтенант! Понимаешь?! Да что ты можешь понять! Ты там не был! Ты никогда не сможешь понять, что, что я потерял! — говорил, захлёбываясь в словах, войдя в раж, лётчик.

На последних словах Пименов, до этого примирительно улыбавшийся, внезапно заорал и врзал прямо в рыжую харю. Потом снова и снова. На руках у него повисли, и теперь самому Пименову порядком досталось.

— Амару... — бормотал он, сплёвывая кровь с осколками зубов. — Амару.

Спустя пару дней Пименов сидел в плацкартном вагоне поезда, следующего в Севастополь. Хоть медаль за оборону ему не дали из-за записи о пребывании в плену, но участником обороны он оставался, и с билетом проблем не было.

Мысленно Пименов уже был там, в тёплом море, далеко от берега, за точкой невозврата... Лежал на спине и смотрел в небо.

Какие у него шансы? Один из тысячи? Один из миллиарда?

Прислонившись головой к оконному стеклу вагона, Пименов счастливо улыбался.

Вячеслав ПРОНЬ

г. Ростов-на-Дону.

КАК СПАСТИ ДВОРЕЦ

Крупный ледяной дождь временами переходил в снегопад. Все дороги раскисли. Грузовики отступавшей Красной Армии то и дело останавливались, заходились двигатели в жалобном вое. Тогда бойцы привычно высыпали из кузовов и на руках выносили из хлябей своих «коней». Щедрин, вынужденный по музейным делам чуть ли не ежедневно мотаться в Ялту, не мог понять, что ждёт всю эту реку из военных, гражданских, местных, приезжих, пеших, машин, подвод и верховых. Сотни, тысячи людей стекались на Южный берег с Перекопского перешейка, ближних плато и дальних восточных крымских гор. Ялтинский и Севастопольский порты были последними шансами на спасение, но помочь всем они уже не могли. Значит, кто-то останется, когда придут фашисты. Что ждёт музей? Что ждёт его самого?

Как-то в начале октября заместитель директора Антонов позвал Щедрина в свою комнату.

— Сергей Григорьевич, милый вы мой человек, я и моя жена убедительнейше вас просим подумать о себе и своей семье. Оставаясь здесь, вы ничего и никому не докажете! Немедленно, я повторяю, немедленно отправляйтесь на Материк. Я отдам вам ордер на сопровождение коллекций нашего музея. Вас, без сомнения, вывезут. Вы спасётесь сами и спасёте нашу историю. Кроме вас этого сделать попросту некому. Директор нас бросил, бежал, думая только о себе. Хорошо хоть ордер оставил.

Антонов попытался подняться, но ревматизм вновь срубил старика в кресло.

— Подкиньте, пожалуйста, дровишек в печь, не сочтите за труд.

Щедрин огляделся: у печи лежала кучка сырых веток, выдававшая себя за зимние запасы «дров».

— Только Вы уехали утром в Ялту, прибежал этот татарчонок, Амди. Говорит, вокруг музея ходит чужой в штатском,

заглядывает в окна. Начал расспрашивать, что в ящиках. Амди испугался и — ко мне. Пришлось идти.

— И кто он?

— Не знаю, странный какой-то молодой человек. Стекло в гостиной, мерзавец, зачем-то разбил. Сбежал, когда меня заметил. Канистру бросил... Никак не могу понять, для чего...

— Владимир Алексеевич! — перебил старика Щедрин, чтобы сменить щекотливую тему. — Я вам и Варваре Андреевне принёс немного мяса... — Щедрин смущенно показал на мешок, оставленный у двери, из которого теперь предательски вытекала на пол черная жижа:

— Извините, конины. У красноармейцев, сопровождавших нас из Ялты, лошадь пала. Они её пристрелили. И любезно решили мне и ещё двум товарищам из Горсовета отрубить немного.

Щедрин распустил завязку, достал из буфета блюдо, высыпал на него несколько крупных костей с ошмётками сухожилий и половину конской головы.

— Варвара Андреевна, Варвара Андреевна! Сергей Григорьевич — наш спаситель. Он принёс нам мяса.

Вернувшаяся с заднего двора Варвара Андреевна, со слезами радости бросилась помогать Щедрину вытирать с пола конскую кровь.

— Осторожней, Сергей Григорьевич, не запачкайтесь. Давайте, я сама. Тут уже немного осталось. Проходите к столу, я сейчас накрою, если вы не против.

— Нет, нет, Варвара Андреевна, я сыт, — соврал Щедрин. — Надо ещё обойти музей, слить воду из тазов, закрыть ставни, прочистить стоки от листвы. Поговорить с Дашей Степановной, чтобы звала, если что.

— Если что? — переспросил Антонов.

Щедрин не ответил, протянул руки к потеплевшей печи. В жидком пламени ему виделись сожжённые на неделе такими же неизвестными гражданами дворец эмира Бухарского, корпус малого Ливадийского дворца и гостиницы «Дюльбер», по фасаду которой когда-то так чудно вилась китайская глициния. Вот это он имел в виду под «если что».

Несколькими днями ранее от председателя горисполкома Чолаха принесли предписание: готовить объект всемирного исторического наследия к минированию. Щедрин немедленно отправился на прием с просьбой не трогать дворец, но получил гневный отказ: «Мы Вам выдали ордер на эвакуацию экспонатов? Что вам ещё от нас надо? Чтобы я ослушался самого товарища Сталина? Вы в своём уме? Или вы хотите это всё богатство оставить Гитлеру? — кричал председатель, — иди, жди, и действуй! — Чолах сверился с записями. — На шестое назначили».

Щедрин понял, что в этом кабинете не до разговоров о культуре и спешно вышел

— «Шестое! Значит, ещё есть время. Экспонаты и ценности музея должны быть вывезены на Большую землю», — решил для себя Сергей Григорьевич.

С сентября все ящики, пронумерованные, укрытые заботливыми руками музейных сотрудников, стояли в графской конюшне. И только сегодня Щедрину удалось выпросить в Крымнаркомпросе два автомобиля для вывоза мебели, предметов быта бывших обитателей дворца, античных скульптур, собственных фондов, передвижной выставки работ русских художников первой половины XIX века из коллекции ленинградского Русского музея, гостившей во дворце ещё с начала лета. Отдельной задачей было сохранение библиотеки, состоявшей из тридцати тысяч томов XVIII—XIX веков издания. Во многих экземплярах имелись автографы авторов, что придавало им ещё большую ценность. К воскресенью требовалось доставить 143 ящика в ялтинский порт. В ночь на понедельник морской транспорт «Советская Армения» в сопровождении катеров уходил в Новороссийск. Но «выбить» машины было только половиной дела. Топлива и грузчиков на перевозку не выделили. Предложили найти самому. У Щедрина оставалось два дня.

Прощавшись с Антоновыми, Сергей Григорьевич пошёл к добровольцам истребительного батальона. Их отряд формировался из жителей ближайших посёлков и красноармейцев. Оружие, продовольствие, боеприпасы, палатки, медикаменты и

всё, что необходимо в походных условиях, готовили к отправке в горы. Командир Дергунов с комиссаром Плетняковым сидели в зале Ш-ского флигеля, обсуждали детали перехода их отряда в горы.

— Товарищ командир, товарищ комиссар, — бодро начал Щедрин, — разрешите обратиться с просьбой, имеющей государственное значение. Мне, как ответственному сотруднику музея, поручено вывезти...

Тут Щедрин запнулся, понимая, что «вывезти» не совсем точное слово при отсутствии бензина, — и обеспечить эвакуацию... вывоз, — тут он совсем смутился и замолк, продолжая, однако, выводить в воздухе руками некие фигуры, которые, видимо, должны были одновременно объяснить и всю важность момента, и направление эвакуации и саму суть просьбы.

Товарищи переглянулись, улыбнулись и, пыхнув папиросами, как сговорившись, встали из-за стола навстречу Щедрину.

— Товарищ музейный работник...

— Товарищ Щедрин... — пришёл на выручку командиру Плетняков. — Сергей Григорьевич.

Комиссар был знаком со Щедриным с первого дня пребывания в отряде. Выкроив немного времени, он не преминул пройтись по опустевшему Дворцу, ознакомиться с его историей.

— Так точно, товарищ Щедрин, проходите, пожалуйста, располагайтесь. — Дергунов показал на стул, на котором минутами ранее сидел комиссар. — Вы даже себе не представляете, как вы нам кстати. Чаю будете?

Щедрин кивнул.

— Величко! — громко позвал Дергунов.

В комнату вошел дежурный красноармеец.

— Вот что, Величко, сделай товарищу... Щедрину чаю. А, впрочем, и нам уже пора поужинать. Неси, Величко, чайник!

— Есть, товарищ командир отряда!

Щедрин сидел, пораженный гостеприимностью его собеседников.

— Мы тут с товарищем комиссаром сегодня обошли весь парк, наметили план обороны, поднялись на крышу, осмотреть, так сказать, местность и пришли к выводу, что из Дворца—то

весьма и весьма недурной укрепрайон выходит! Побережье всё просматривается, а там, где встретились мешающие обзору деревья и кусты, я уже дал команду их спилить...

Тут Щедрин охнул. Дергунов словно архитектор перед комиссией в творческом запале продолжал:

— Верхнее шоссе мы перекроем ежами, а Нижнее — заминируем. И вот у нас к Вам, дорогой Вы наш... араби, абари...

— Абориген, — подсказал начитанный комиссар.

— Вот-вот, абориген! Вопросы у нас к вам! Вы, наверняка, знаете, где можно заложить схроны на будущее для партизан, а где — мины для фрицев. У нас приказ. Мы уходим в горы. Но ваш музей, весь этот лес — это мой район. Мы сюда обязательно будем возвращаться. За едой и оружием. Но сначала мы должны обеспечить отход наших войск к Севастополю. И здесь мы дадим фашистам наш первый бой.

Щедрин был просто уничтожен.

— П-простите, товарищ командир, товарищ комиссар... какие мины? К-какой укрепрайон? — в голове Щедрина зашумело:

— «Взять себя в руки. Взять себя в руки» — твердил он про себя. Отхлебнув из стакана крутой кипяток и даже не заметив этого, Щедрин довольно бесцеремонно перебил командира.

— ...Я хотел вас просить помочь погрузить имущество в машины. Послезавтра придут машины за нашими ящиками. В них книги, вазы...

— Ну, точно, абориген... — залился искренним смехом Дергунов. На разных языках говорим. Эй, товарищ Шадрин, какие вазы? Послезавтра? Сюда послезавтра фрицы придут. Моя задача — остановить врага, прущего на Севастополь! И я сделаю это, пусть мне для этого нужно будет в них бросаться вашими вазами! И только потом уведу отряд в горы.

— Щедрин...

— Что?

— Щедрин его фамилия. Сергей Григорьевич

— Ну, Щедрин Сергей Григорьевич, так, где вы посоветуете заложить мины?

Но Щедрин их уже не слышал, оставив чай недопитым, он побрёл во Дворец.

Величко догнал его во дворе, отдал забытую на столе шляпу. Дарья Степановна встретила дневными новостями: окна в Голубой гостиной она заклеила крест-накрест, как вы велели. Петракова слегла по болезни. Тугаева передала, что уезжает назад в Лаки, а Грачевских опять не взяли на корабль — и это при наличии ордера, представляете, Сергей Григорьевич?..

Щедрин сидел, обхватив голову руками.

Вдруг у Западных ворот раздался долгий гудок.

Кто так поздно? Неужели он не успел?

Из крытого ведомственного ЗИС-а навстречу Щедрину шёл вразвалку довольно молодой водитель. В кабине оставался ещё один человек в шляпе. Из кузова донёсся смех.

— «Эти — надолго», — понял Щедрин.

— Кто есть в здании?

— Не понимаю Вас, товарищ, потрудитесь изъясняться на понятном языке.

— Мы — из НКВД. Товарищ Чолах вас предупреждал...

— Но вы же на вторник! Он же обещал!

— Ничего не знаю. Повторяю, кто есть в здании?

Щедрин решил затянуть разговор.

— Даша Степановна, дорогая, постойте, пожалуйста, с товарищем. Я скоро вернусь.

Щедрин бросился обратно к истребителям. Он понял, что председатель исполкома не поддался на уговоры Щедрина и прислал-таки особую команду.

Не обращая внимания на поднявшегося со стула Величко, Сергей Григорьевич ввалился в штабную комнату.

— Товарищ командир...

— Смотри, комиссар, наш-то музейный вернулся, за чаем, небось? Так он остыл уже... — начал было шутить Дергунов, но увидев по взгляду Щедрина, что речь сейчас пойдёт, ну, никак не о книгах, и переменил тон:

— Что случилось?

— Там они уже, приехали... товарищи с бомбами. Разгружаются. Взрывать собираются. Так что цитадели здесь не будет, простите.

— Что-о-о?

Дергунов с Плетняковым, схватив шинели, бросились во двор:

— Величко, объявляй тревогу!

Даша Степановна уже голосила что-то на своём, на бабьем, цеплялась за солдат. «Шляпа» мерз у входа в музей, спрятав руки в широких карманах тощего пальто. Молодой водитель командовал выгрузкой взрывчатки.

— Отставить! Отставить! — взревел Дергунов и, для упрощения понимания гостями серьёзности своих намерений, дважды выстрелил в воздух. — Я командир 4-го ялтинского истребительного отряда лейтенант Дергунов. Представиться, быстро! Кто такие?

— Отдел по охране особо важных объектов оперуполномочен...

— Да мне плевать из какого ты отдела, убери своих людей с территории!

«Шляпа» уступить, однако, не спешил. Поманив Дергунова пальцем, прошипел ему прямо в лицо:

— Лейтенант, успокойся. Уходи сам и уводи людей. Приказ товарища Сталина: врагу не должно достаться ничего. Ни-че-го! Нам поручено, и мы будем исполнять. А препятствующие — будут наказаны. Фронт прорван, и ты это знаешь не хуже меня! Немцы скоро будут здесь. Я надеюсь, ты в курсе о последнем Постановлении Комитета Оборона от 17 октября? У меня есть все основания и право расстрелять тебя прямо здесь и прямо сейчас.

Дергунов неожиданно сник, виновато повернулся в сторону Щедрина.

— Мне расстреливаться никак нельзя, понимаете?.. У меня отряд.

— Не надо расстреливать... Не надо взрывать... Здесь ценности, книги, здесь история нашей страны... — Щедрин говорил и понимал, что чем дольше молчал Дергунов, тем меньше оставалось шансов у Дворца.

Но тут он вспомнил про Плетнякова.

— Я прошу вас, — прошептал Щедрин с глубочайшей мольбой в голосе. — ...Помогите, товарищ комиссар, вы же образованный человек, ну вы же понимаете, что это невосполнимо... Мы победим фашизм, но что скажут о нас наши потомки? Что мы своими руками уничтожали свою же историю?

И тогда произошло то, чего не ожидал никто.

Серая мышь, тень командира партизанского отряда, комиссар Плетняков, поправив пенсне на вытянутом лице, развернулся вполоборота к своим товарищам, громко отдал команду:

— Бойцы, слушай мой приказ. Первое отделение, оружие — наизготовку. Второе отделение, вернуть взрывчатку в машину. Командиру третьего отделения рассредоточить бойцов по периметру охраняемого объекта... — И, уже обращаясь к шляпе, негромко, но твёрдо произнес:

— Завтра все ценности музея будут вывезены на Материк. И я сделаю все, что в моих силах, если есть хотя бы один шанс спасти их. Уходите, сегодня вы здесь ничего не взорвете.

Неистовое пенсне Плетнякова и десять ошестинившихся винтовок за его спиной подействовала на особиста.

Он подал знак водителю сворачиваться. Тот хэкнул недовольно, метнул окурок в мокрую темноту, но спорить не стал.

— Поел — уברי за собой... — загоготал кто-то им вслед.

— Скатертью дорога! — подхватили в толпе.

Водитель, не останавливаясь, словно тигр, загоняемый в клетку ненавистным дрессировщиком, повернул голову, чтобы запомнить обидчиков.

НКВД-эшники, зло фырча мотором, давно съехали со двора, партизаны, шумно и весело обсуждая произошедшее, вернулись в свои временные казармы, а Щедрин всё еще мок у Западных ворот, размазывая по щекам слёзы торжества.

За час до рассвета Плетняков предоставил в распоряжение Щедрина два автомобиля с заполненными до отказа баками и четыре человека для погрузки-разгрузки. В тот же день первые 43 ящика были отправлены в Ялту. Комиссар сам вызвался сопроводить груз до порта и сдать его на «Армению». Однако исполнить задуманное ему не удалось. Когда машины уже огибали Ливадию, их заметил пилот «Мессершмитта» из сопровождения возвращавшихся бомбардировщиков. Вывалившись ненадолго из боевого порядка, он снизился до предельно низкой высоты, прошёлся из пулемёта по лобовым стеклам машин и помчал-

ся догонять своих. В Плетнякова, ехавшего в кабине первого ЗИСА, попало сразу две пули — в сердце и шею. Залитый кровью комиссар умер мгновенно. Отряд неожиданно остался без своего вожака. Никаких инструкций относительно коллекции партизаны, конечно же, не имели. Большая часть их даже не знало, что было в доставленных ящиках. Они, конечно, сунулись было на транспорт, но капитан Плаушевский наорал на них, требуя какую-то бумажку. Подавленные смертью Плетнякова, они безо всяких пересчётов и мер предосторожности спешно сгрузили ящики прямо в слякотный двор склада, чтобы поскорее вернуться в отряд с трагической вестью о гибели комиссара.

Казалось, оставленное без присмотра графское наследие должно было бы неминуемо погибнуть. Но вышло так, что комиссар дважды грудью закрыл исторические ценности от уничтожения. Первый — ещё при жизни — от взрывников—особистов. Второй раз — уже посмертно. Оказалось, что ордер, выданный на вывоз музейных экспонатов в Туапсе и далее до Ташкента, был безнадежно испорчен пулей и залит кровью комиссара, а потому предъявлению не подлежал. Капитан «Армении» вполне обоснованно требовал новый. Привези он на Большую землю без предписания высших чинов вместо раненых солдат холсты и книги, его бы попросту отдали под трибунал. Так сотни гравюр, картин, ковров, столовых наборов — 43 ящика культурных реликвий — остались брошенными в порту. И это, как ни странно, спасло их. Днём позже переполненная людьми «Советская Армения» при выходе из порта была разломлена надвое торпедой, пущенной с самолёта, и на глазах тысяч провожавших практически мгновенно затонула. Катера сопровождения смогли спасти всего несколько человек.

А уже 6 ноября 1941 года в Ялту вошли немецкие армейские части.

Игорь СЕРГЕЕВ

г. Москва.

КРЫМСКОЕ СОЛНЦЕ

«Какая же твёрдая здесь земля! Долбишь её, долбишь, и всё никак. Одни камни да галечник. А надо бы вырыть небольшой окопчик, чтобы было где укрыться. Иначе как прятаться, когда фрицы в атаку пойдут?

В том, что они пойдут, можно не сомневаться. Это как пить дать! Знаем, проверено на своей шкуре, причём неоднократно. Вот переждут самое солнце, а к вечеру, как чуток жара спадёт, и полезут. Они сейчас вон там, за той балкой прячутся, в совхозном саду. Заняли, освоились, а теперь дальше наступать собираются, уже на Керчь. Вот по этой дороге, прямо через нас. До города — всего шестьдесят километров, оседлают фрицы шоссе — и всё, Керчь, считай, в их руках. И порт тоже. А значит — и переправа на Тамань... А как их сдержат? И чем? Пустят танки и сметут нас, как листочки с парковой лавочки. Не устоять! Но, тем не менее, приказ есть приказ — держаться до последнего, стоять насмерть. Значит, надо держаться...

Эх, немцам сейчас хорошо, сидят себе в тенёчке под деревьями, жару пережидают. Отдыхают под совхозными яблонями, грушами и сливами — это хоть и небольшое, но всё же укрытие. Можно на травку прилечь, растянуться поудобнее, а заодно и покурить. А ещё в саду есть старый колодец, а вода в нём — вкусная, свежая, прохладная. Сами вчера пили, пока нас не выбили...

...И вот сидим мы посреди степи, готовимся отражать атаку. Долбим проклятую землю, которую даже сапёрная лопатка не берет — настолько сухая, твердая. И ещё жара стоит страшная, нательная рубаха вся уже мокрая от пота, а снять нельзя — сразу же на солнце сгорить...»

Рядовой Алексей Сомов вытер ладонью пот со лба и с трудом распрямился. Слева и справа от него долбили горячую землю товарищи-красноармейцы, рыли точно такие же ячейки.

Редкая цепочка ямок протянулась вдоль невысокого холма, на вершине которого расположилась артиллерийская батарея. Она и должна сдерживать немецкие танки. Когда те пойдут на Керчь...

Три низенькие, приземистые «сорокапятки» — вот и всё, что осталось от целого артдивизиона, последняя надежда полка. Больше ничего нет, другие орудия разнесли вчера «лаптяжники». Целый день бомбили, утюжили позиции, превратили гаубицы в кучу скрюченного, искореженного железа. Три «сорокапятки» случайно уцелели — их спрятали в совхозном саду, укрыли под деревьями. Вот «юнкерсы» и не заметили, проскочили мимо. И обрушили свой удар на холм, на гаубичные батареи. Знали, сволочи, где бомбить, разведали заранее, задолго до атаки.

«Слава богу, хоть «сорокапятки» есть, а то чем бы сейчас от танков отбивались? Их же одними гранатами и бутылками с зажигательной смесью не остановить! Тем более — если попрут напролом, всей стальной мощью... Так что эти пушечки — наша последняя надежда, ведь до Керчи — больше ни одного рубежа. Отступить некуда — голая степь, для немецких танков сплошное раздолье. Им до города — пара часов хода, и то — если особо не спешить...»

Алексей отряхнул галифе — одежда была вся белая от известковой пыли. А также лицо, руки и волосы. Что понятно: рядом же каменоломни, откуда испокон веков брали камень для строительства. Вот и летит по ветру белая, невесомая «мука», противно скрипит на зубах... Очень хотелось промочить горло, да нечем — воды в алюминиевой фляге осталось совсем чуть-чуть, на самом доньшке. Один-два глотка, не больше. А подвезут ли ещё — неизвестно, кухню два дня уже никто не видел. С самого начала немецкого наступления.

«Вот ведь жизнь!»

Сомов тяжело вздохнул и снова принялся долбить сухую землю. Работа шла тяжело, руки все в кровавых мозолях. Но он терпел — для себя же старается, для укрытия. В голой степи каждая ямка — считай, окоп...

Рядом неожиданно возник старшина Степан Фильченко, критически осмотрел сделанное и едко заметил:

— Мелко копаешь, Сомов, задница наружу торчать будет. Фрицы по ней как раз и попадут...

— Не земля, сплошной камень, товарищ старшина, — ответил Алексей. — Долбишь её, долбишь, а всё без толку. Гранатой бы рвануть, а?

— Я тебе дам — гранатой! — нахмурил брови Фильченко. — Сам знаешь, совсем мало их осталось, только для танков. Надо беречь! В общем, давай копай глубже, Сомов. Рой, как крот!

— Могилы себе копаем, — зло заметил слева от Сомова красноармеец Айдер Аблаев. — В которых нас и похоронят...

Старшина Фильченко услышал его, строго прикрикнул:

— Типун тебе на язык, Аблаев! Думай, что говоришь! Возьмут тебя, куда надо, чтобы панику не сеял! Будешь тогда знать, как языком трепать...

Фильченко грозно посмотрел на Айдера, тот сделал вид, что занят делом — роет ячейку. Но, как только старшина отошёл, недобро прищурился вслед:

— Это мы ещё посмотрим, кого куда возьмут...

Аблаев был из местных, из крымчан, его призвали совсем недавно. Айдер был страшно недоволен, что оказался на войне. Драться с немцами он совсем не хотел...

Алексей Сомов поковырялся ещё немного, а затем сел отдохнуть. Надо перевести дух...

Снял пилотку, вытер мокрое лицо, вынул из кармана галифе кiset с табаком. Старшина отошел, можно и покурить...

К нему тут же подскочил Аблаев:

— Угости табачком!

— Свой иметь надо! — привычно ответил Сомов, но щепотку махорки всё же дал.

Очень ему не нравился этот Аблаев (скользкий, злой, неприятный), но всё же — боец Красной армии. Вместе воюем, значит, надо делиться табачком — по-боевому, по-товарищески.

Айдер закурил, кивнул на противоположную сторону поля:

— Как думаешь, скоро они полезут?

Алексей задумчиво посмотрел на солнце (ещё высоко, почти в зените) и покачал головой.

— Нет, часа через три, не раньше. Когда жара спадет. Успеем ячейки свои выкопать и ещё отдохнуть. Может, и поедем, если кашу привезут...

— Как же, привезут! — недовольно скривился Аблаев. — Небось, сидят эти крысы в тылу и трясутся от страха, за свои шкуры боятся! А мы здесь голодные воевать должны. И подыхать!

Алексей пожал плечами.

— «Может, полевую кухню разбомбили? Вчера как налетели «лаптёжники», как устроили хоровод с «шарманкой»... Думал — всё, конец, сейчас убьют. И похоронят его здесь, прямо в траншее: слегка присыпав тело землей. Скажут пару слов на прощанье, если время будет, и всё... Но ничего, пронесло, остался цел, лишь слегка оглушило. Так что полевую кухню вполне могли разбомбить. Да и жрать на такой жаре совсем не хочется, лучше бы воду подвезли, она гораздо нужнее. Впрочем, чего зря мечтать? Ясно же, что вряд ли кухня появится до вечера. А там ещё неизвестно, кто жив останется...»

Сомов бросил окурочек в сухую, чахлую траву и снова принялся долбить землю. Прав был старшина, надо рыть глубже. А то и в самом деле задница наружу торчать будет...

Аблаев вернулся к своей ячейке, но работать не стал — лёг рядом и сделал вид, что дремлет. Но время от времени приподнимал голову и быстро оглядывался — не идёт ли старшина? Связываться с Фильченко он боялся: у того — кулаки пудовые, спокойно может и приложить. Исключительно в воспитательных целях. И не пожалуешься ведь никому — взводного лейтенанта вчера убили, и Фильченко теперь у них за главного...

* * *

Густой, горячий воздух разорвал протяжный вой моторов. — «Юнкерсы!» — крикнул кто-то, и все сразу побежали прятаться.

В основном — под чахлые кустики или в своих же ячейках. Но какое это укрытие — летчикам сверху видно всё, как на ладони!

Алексей поднял голову, посмотрел: в выжженном крымском небе висели чёрные самолеты с хорошо знакомыми обтекателями на шасси. Снова проклятые «лаптёжники», Ю-87!

Один за другим немецкие бомбардировщики срывались в пике и наносили удары по советским позициям. Главной их це-

лью, конечно, были «сорокапятки» на холме, но и пехоте тоже досталось. Взрывы накрыли редкую цепочку ячеек, разметали по склону не успевших окопаться красноармейцев...

При первых же воющих звуках Алексей упал на дно ямки, закрыл голову руками и начал повторять: «Только бы мимо, только бы мимо!» Конечно, пользы от этого было мало, как и от ямки, в которой он спрятался, но всё же...

В Бога Алексей не верил (комсомолец всё-таки), а отбиваться от «юнкерсов» нечем, зениток у них нет.

Те, что были, давно отправили в Керчь — прикрывать переправу, а из пулемёта или винтовки «лаптёжник» не собьёшь. Проверено, можно даже не пытаться, только патроны зря потратишь. Значит, будем надеяться, что бомба упадет мимо, не накроет, не похоронит взрывом.

Артиллеристам на холме досталось больше всего — батарея стояла на самой вершине, на виду. Несколько прямых попаданий — и во все стороны полетели искореженные части орудий и разорванные тела бойцов... Затем детонировали снаряды, что прибавило хаоса и огня. Воздух стал вязким, густым от кислого запаха взрывчатки. Серые клубы дыма закрыли всё небо — занялись жидкие кустики и трава. Казалось, горит всё вокруг — и земля, и даже сами камни...

Наконец «юнкерсы», довольные результатом, повернули назад, на аэродром. Дело сделано, можно обедать...

Алексей опять остался цел. Правда, его чуть-чуть оглушило, присыпало землей, но это ничего, не страшно. Вылез из ямки, выплюнул изо рта сухие комки земли, отер рукавом лицо — кажется, не зацепило.

Приподнялся, осмотрелся: вместо батареи — дымящиеся воронки, батареи уже нет. Да, основательно поработали фрицы, точно накрыли цель. Им, пехоте, впрочем, тоже пришлось несладко — слышались стоны раненых, мольбы о помощи. А кто-то уже навсегда замолчал, уткнувшись лицом в крымскую землю...

В это время и началась немецкая атака. Гитлеровцы не стали ждать, пока спадёт жара, решили наступать сразу после бомбежки. Логично — надо бить противника, пока он не опомнился. Из совхозного сада, проломив низенький заборчик, на дорогу выползло

пять угловатых машин с чёрными крестами на броне. Их тупые орудия смотрели прямо на красноармейцев. Танки шли открыто, в лоб, ничего не боясь — знали, что «сорокапятки» уже нет.

Перед самым холмом машины слегка притормозили и дали залп. В надежде, что красноармейцы испугаются и побегут.

Алексей упал на дно ямки и снова прикрыл голову руками. Очень вовремя — рядом встал огненно-чёрный фонтан. Земля тяжело вздрогнула, на пилотку посыпались камушки и сухие комки земли...

Немцы промахнулись — взяли чуть выше, поэтому новых потерь среди бойцов не было.

В ответ, разумеется, никто не стрелял — чего зря расходовать патроны? Вот подойдут ближе, тогда и разберёмся. Гранатами и бутылками с бензином...

Следующий немецкий залп оказался более успешным. Ячейки накрыло точно... Стало трудно дышать, уши заложило от близких разрывов. У Алексея загудело в голове, перед глазами поплыли красные круги.

Он вылил на голову остатки воды из фляги, стало немного легче дышать. Осторожно выглянул из ячейки: вслед за танками в атаку пошла пехота. Серо-зелёные фигурки солдат растянулись по шоссе. Шли не торопясь — пусть сначала ударят танки, а мы уж добыём оставшихся. Кто уцелеет...

Алексей заметил, как его сосед справа, Иван Левушкин, высунувшись из ямки, начал стрелять по гитлеровцам. Сомову стало стыдно — Левушкин гораздо моложе его, а смотри-ка, не боится, стреляет по врагу. А он что же? Ведь не трус, воюет уже полгода, значит, опытный человек. К тому же — комсомолец, должен сам показывать пример...

Алексей лёг удобнее, поднял «трехлинейку», прицелился и несколько раз выстрелил по серым фигурам. Попал или нет — не разобрал, далеко, зато привлёк к себе внимание.

Один из танков развернувшись, пошёл прямо на него, мигнула — и надвинется, раздавит гусеницами. Алексей нервно оглянулся: — Не пора ли бежать? Но куда? Если отступать по дороге, то попадешь под танковый пулемет, а если по степи — достанут из пушек. Танки простреливали всё пространство, по-

ливали снарядами наши позиции. «Всё, отвоевался, — грустно подумал Алексей. — Сейчас сотрёт в пыль...»

Рядом внезапно появился старшина Фильченко, вид его был страшен: на голове — глубокая рана, кожа содрана, волосы обожжены, лицо залито кровью... На немой вопрос Алексея коротко бросил:

— Снарядом накрыло, но ничего, живой. А вот ребятам не повезло — в клочки! Ну, сейчас они мне за всё ответят!...

В руках Фильченко сжимал противотанковую гранату — тяжелую, цилиндрическую. Прищурился, посмотрел на немецкий танк, затем лёг на землю и ловко, по-пластунски заскользил ему навстречу. Очень умело — прячась за редкими кустиками и невысокими холмиками...

Фильченко постепенно приближался к ревущей, лязгающей машине. Немцы его пока не видели — из-за серого, клочковатого дыма, закрывшего всё поле. Когда до машины оставалось не более десяти метров, Фильченко привстал и швырнул под гусеницу тяжёлую гранату.

Попал! Раздался глухой взрыв, танк проехал ещё немного, разматывая порванные траки, затем встал. Сверху открылся люк, показался немец в чёрном комбинезоне, вскинул руку с пистолетом и выстрелил в Фильченко. Старшина резко дёрнулся, схватился за шею и рухнул на сухую траву. Из пробитого горла, пульсируя, пошла алая кровь. Её тут же впитывала чёрная, обугленная земля...

Слева от Алексея находилась ячейка Аблаева, однако из неё никто не стрелял. Алексей сначала подумал, что Айдер убит или тяжело ранен, но потом увидел, как тот, подняв руки, бежит к немцам. Сдаваться в плен.

— «Сволочь, — подумал Сомов, — надо бы пристрелить гада...»

И взял Аблаева на мушку. Но выстрелить не успел — раздался тонкий, противный свист, и рядом встала дыбом чёрная земля. Алексея накрыло горячей волной, оглушило, он на время потерял сознание. А когда очнулся, то с удивлением увидел, что над ним стоят два гитлеровца. И один, молодой рыжий парень, уже приподнял винтовку — добить.

Сомов замер, а в голове мелькнуло:

— «Ну, точно конец, пристрелит...»

Однако второй солдат, немолодой, усатый унтер, отрицательно покачал головой. И повелительно махнул Алексею рукой — вылезай, мол!

Сомов с трудом приподнялся и встал. Если уж умирать, то стоя, с гордо поднятой головой. Как и подобает советскому солдату...

Но немец слегка подтолкнул его винтовкой по направлению к шоссе — давай, шагай! И Сомову ничего не оставалось делать, как повиноваться.

По чёрной, горящей земле его повели в плен...

Алексей чуть притормозил, оглянулся: возле немецкого танка лежал на земле окровавленный старшина Фильченко, гитлеровцы, суетясь, меняли траки на разорванной гусенице, а рядом, в ячейке, смотрел в выжженное крымское небо красноармеец Иван Левушкин.

Немецкая пуля попала ему точно в голову...

Лев КРУЖКО

г. Краснопереконск. Крым.

ВЕЩИЙ СОН

Наталья Никифоровна Бабенко, из села Почётное, проснулась утром, 31-го августа 1944 года, в большой тревоге и в такой растерянности, что через минуту после пробуждения уже почти не владела собой — не слушались ноги, тряслись руки, тяжело стало дышать.

Она вынуждена была разбудить пятнадцатилетнюю Татьяну.

Дочь, стремглав соскочив с кровати, бросилась к матери:

— Мама!.. Что с тобой?

— Ой, не знаю, что делать, куда бежать, куда лететь... — только и повторяла та в ответ.

— Мама! Успокойся! Что случилось?.. Что болит?

— Душа, доченька, болит — сегодня на войне погиб наш Петечка...

— Что ты, мама, говоришь!... — закричала не своим голосом дочь, отпрянув от матери.

— Да, доченька!... — уже сквозь слёзы произнесла мать, а потом и вовсе расплакалась и запричитала:

— Сон мне сегодня вещий приснился... сон приснился... Петечка, сынок!... Как он не хотел уходить из дома... Он же не успел ещё повзрослеть — душой-то совсем ребёнок... Он же у нас совсем домашний... Ты помнишь, какой он был растерянный, когда мы его три месяца тому назад провожали. Тогда их часть на Севастополь отправляли. А через время их пеши из Крыма выводили. Шёл мой сынок по дороге мимо своей деревни, а забежать на минутку не мог... Ты помнишь, как мы тогда с тобой быстро его любимые блинчики со сметаной приготовили и ты побежала догонять их колонну...

— Да, мама, — быстро ответила Таня, радуясь возможности прервать горестные мысли матери. — Я тогда догнала их часть аж за Будановкой, хорошо, что солдатам тогда в лесополосе привал устроили. Петя, увидев меня, очень обрадовался ... Тогда он

признался мне: «Таня! Я очень боюсь... идём вместе со мной... Ты будешь рядом, вон как братья Роман и Григорий Белоус...». Я его стала успокаивать, что всё будет хорошо и добавила: «Я бы пошла с тобой, но как оставить одну маму?»»,

— «Да, — ответил Петя. — Маму одну оставлять нельзя!».

Тут Татьяна встрепенулась, опомнившись, что снова разговор не туда завела и уже твёрдым голосом сказала:

— Что мы, мама, с тобой Петю хороним?... Живой он!... Перестань говорить о нём, как будто его нет...

Но это не успокоило мать. Она упала головой в подушки и ещё долго плакала...

* * *

Через несколько дней в Почётное пришёл солдатский треугольничек от Романа Николаевича Белоуса, в котором, среди других новостей он сообщил, что 31 августа 1944 года, в Литве под деревней Горбины Шяуляйского района, от пули немецкого снайпера, погиб его земляк восемнадцатилетний Петя Бабенко...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖИТЕЙСКИЕ

Анна МАТВЕЕНКО

г. Донецк.

ПУТЕШЕСТВЕННИК («Кошачий» отпуск).

Пашка обожал своего кота. Ещё бы! Фила он нашёл, когда учился в десятом классе и возвращался дождливым промозглым днём из школы. Настроение было особо отвратным: Тамара Васильевна, классная, намекнула, что «такие длинные патлы не соответствуют образу идеального ученика, отличника и будущего медалиста». Леночка Сафонова все перемены щебетала с Вовиком Кравцовым, главным школьным спортсменом, чья новая брендовая футболка очень выгодно подчеркивала рельеф и бицепсов, и трицепсов. Химичка обещала на завтра исключительно «убойную» самостоятельную... Короче, жизнь не удалась.

Павел тащился мимо приподъездной мусорки, размышляя, куда на этот раз были засунуты ключи от квартиры и как бы их побыстрее откопать, чтобы руки окончательно не замерзли. И тут услышал писк, доносившийся из контейнера, отмеченного гордой маркировкой «Для ТБО».

Фил «ТБО» явно не был. А был он крохотным чёрным котенком с белым пятнышком на груди, только-только открывшим бессмысленно-мутные голубые глаза. Пищал котейка «на последнем издыхании»: тельце дрожало, шерстка слиплась от дождя. Детёныш свернулся клубочком среди картофельных очистков и уже ни на что хорошее не надеялся.

Какую «битву народов» выдержал парень, когда ворвался домой, прижимая к груди полумертвого котёнка, представить могут все, у кого есть родители, из года в год изрекающие: «Никаких животных в доме!»

Но тут коса нашла на камень: Павел был готов переехать жить к бабушке, обитавшей на другом конце города (благо крепкая ещё пожилая женщина внука обожала и с радостью согласилась терпеть и его, и хвостатого приживалу, когда внук в отчаянии попросил о помощи по телефону). Был готов сам кормить котенка из бутылочки, убирать за ним все безобразия, выводить его гулять и пылесосить квартиру от шерсти хоть по три раза на дню. Пашка соглашался на всё — он впервые почувствовал себя взрослым человеком, ответственным за чужую жизнь, и готов был это доказать.

Родители сдались. С сыном расставаться они категорически не хотели, перспектива его переселения пугала их гораздо больше, чем появившийся в доме мохнатый обитатель. Тем более что слово своё Павел сдержал: в первые дни кормил Филиппа по шесть раз в сутки, массировал ему пузико, потом приучал к лотку и когтеточке, накупил кучу игрушек и всяких кошачьих гаджетов: домик-лазалку, лежанку, когтерез, фурминатор, расчёску, пуходерку... Котик питался отличными кормами, получал витамины и консультации у ветеринара. Благо, деньги в семье водились.

Фил рос, хорошел и к году вымахал в здорового красавца с пушистым хвостом-поленом, роскошным белым жабо и бакенбардистой мордой с золотыми глазами. Родители, незаметно для себя, стали считать кота ещё одним членом семьи и с гордостью демонстрировали его гостям, сопровождая показ фотографиями «было — стало». Гости ахали и восхищались. Павел помалкивал и с содроганием вспоминал, каких сил стоил ему этот год, как трудно было успевать и учиться на прежнем уровне, и растить котёнка, доставшегося ему с «помоечным приданым» из истощения, переохлаждения, блох и плохо переносимых прививок. Но парень ни о чём не жалел. Каждый взгляд, брошенный на Филя, наполнял его гордостью: он сумел! Он сумел поступить, как мужчина! Он действительно стал взрослым в тот день, когда вытащил из мусорного контейнера едва дышащее маленькое существо.

Филипп, казалось, хорошо понимал, чем он обязан Пашке. Других членов семьи он терпел, их сюсюканье и ласки выдержанно переносил, но хозяином признавал только Павла: спал у

него в ногах и, почувствовав его руку на загравке, начинал урчать погромче трактора. Приучение к лотку ограничилось парой лужиц на кухне — после этого кот чётко ходил по «своим делам» только в указанное место. Обои и мебель оставались целыми, несмотря на то, что с когтеточек свисали клочья веревочной обмотки. А ещё Павел добился, чтобы в его комнате в окно вставили новую раму с «кошачьей дверцей» — жили они на первом этаже с высоким цоколем. Стоило все это больших затрат и очередного скандала, парня на полгода лишили карманных денег. Но теперь к окну вёл пандус, собственноручно сварганенный Пашкой в школьной мастерской под руководством трудовика Сансаныча (который, кстати, был в восторге от подобного рабочего энтузиазма лучшего ученика и с удовлетворением ворчал, что у настоящего мужика должны быть умными не только голова, но и руки).

Филипп сначала на этих же умных руках, а потом и на шлейке, был ознакомлен со всеми дворовыми достопримечательностями, приучен к ошейнику (на ошейнике крепилась бляшка с указанием клички кота и данных хозяина), чипирован, привит, паспортизирован и отпущен на исследование окрестностей. Сначала под плотным присмотром Пашки, а потом, когда хозяин убедился в адекватной осторожности и предусмотрительной человеко... и собако... — фобии кота, и самостоятельно.

Материальные затраты и трудовые мучения полностью себя оправдали: кот спокойно для семьи перерос период отрочества и вступил в пору возмужания во всеоружии: с возможностью свободного входа-выхода в любой день и любое время. Так что под дверь Фил не орал, углов не метил и умудрялся решать свои вероятные амурные дела по-тихому. Пару раз, конечно, он возвращался со ссадинами на морде, но вскоре статус свой определил и занял не последнее место в иерархии домового кошачьего поголовья.

Однако в бочке меда почти нереально прекрасной Филовой жизни была и своя ложка дегтя: Павел любил путешествовать. Сначала с родителями, а потом, после поступления в ВУЗ, и в одиночку, на каникулах, летом. Кавказ, Алтай, Байкал — лёгкий на подъём парень с рюкзаком и палаткой в компании таких же

шебутных туристов облазил множество красивейших мест страны. Филипп на время его отлучек переезжал к бабушке (родители гордиться котом гордились, но ежедневный уход за шерстью и чистку лотков любили не особо). Полина Валентиновна кота обожала и баловала его всемерно, но без любимого хозяина Фил тосковал, плохо ел, худел и — о, ужас! — иногда по ночам даже выл! Кот был безутешен, и смотреть на его терзания бабушка перед очередной поездкой внука отказалась наотрез:

— Делай, что хочешь, но Филиппа я к себе на этот раз не возьму. Это — издевательство над животным!

— Но ба! Я же в Крым этим летом собираюсь! В первый раз! — взмолился Пашка.

— Ну и езжай себе в Крым. Вместе с котом! — отрезала любимая бабуля.

— ??? — Павел вытаращил глаза.

— Что ты на меня своими ресницами шикарными хлопашь? — Полина Валентиновна была дамой ехидной. — Не ты первый! Паспорт у кота есть, прививки все сделаны, оформляй ветсправку и вперёд — на поезд!

— А как же поход по горам? — парень приуныл. — Вдруг Фил испугается и сбежит — кот он всё же городской, природы не видел!

— Значит, на этот раз поживешь в пансионате, обойдётся без тебя твоя банда туристическая. Заодно и проверишь, как кот на поездки и на природу реагирует. А если волнуешься, что вы с этой наглой мордой не найдёте место для проживания, то сейчас многие частные мини-гостиницы разрешают приезжать с животными. В общем, не беспокойся. «Гугл» в помощь! — отрезала «продвинутая» бабушка.

К слову, бабушка оказалась права. Побеспокоиться пришлось, и ещё как! Когда парень прочитал комментарии о поездках в Крым поездом, он схватился за голову: железная дорога довозила даже не до самой переправы «Крым-Кавказ». Пассажиры высаживали заранее, они пересаживались в автобусы, затем проходили досмотр и только после этого грузились на паром. Потом — переправа. Все эта морока занимала больше 4-х часов. А на крымском берегу приходилось ждать другой поезд —

до Симферополя. Или автобус. Или искать машину. А ещё при всём при том нужно не забыть взять талон на паром, забрать у проводника багажную квитанцию на кота... «Не-не-не! Не знаю, как Фил, а я подобной канители не выдержу!» — с оторопью подумал Пашка.

Так что пришлось искать авиакомпанию, которая соглашалась не только перевозить животных, но и разрешала брать их в салон. Это тоже было нелегко, особенно если учесть, что у разных компаний — разные требования к контейнерам для животных, но всё же мороки было поменьше. И время сокращалось в разы.

Павел не знал, как кот воспримет путешествие. Поездка обещала быть испытанием на прочность для них обоих, но этот факт Пашку почему-то не раздражал, а даже чуток добавлял драйва в предвкушении новых приключений.

— Ничего, сдюжим! — обратился к коту парень. — Хотя ты, паразит, мне в целом состояние обойдёшься: билет, переноска. Да ещё рюкзак с окошком купить стоило бы, чтоб тебя, захребетника, в Крыму с собой таскать!

Фил щурил золотые нагловатые зенки и вылизывал пышную шерсть: «Ты, хозяин, главное, кормить-поить-вычесывать меня не забывай, а с остальным я и сам как-нибудь справлюсь!»

Так Пашка и оказался в небольшом частном пансионатике в крохотном посёлке под Алуштой.

Перелёт-переезд кот перенес на удивление спокойно: не паниковал и молча зыркал через дверцу переноски, а в автобусе «Симферополь-Алушта» и в маршрутке, идущей от Алушты до посёлка, сидел у хозяина на руках и благосклонно разглядывал окрестности.

Посмотреть было на что. Горы Крыма возникали постепенно. За Симферополем это была гряда не очень высоких холмов на горизонте. А потом холмы незаметно подрастали. И вот уже их автобус бежал по горной трассе, а вокруг поднимались склоны, поросшие соснами и держи-деревом. Уши закладывало от перепадов давления, приходилось сглатывать воздух, но Пашка глаз не мог оторвать от окрестной красоты. А потом увидел строй кипарисов и за ними, далеко, блестящий отблеск моря.

Дорога от Алушты оказалась извилистой и крутой — тот ещё серпантин! Водитель маршрутки гнал по ней так, что дух захватывало. Павел, в принципе, был не против получить немного адреналина, но ему показалось, что такая скорость на подобной трассе — это уже несколько чересчур. Однако пассажиры вели себя спокойно, обсуждая цены на фрукты-овощи и перспективы нового летнего сезона. На Павла с котом на коленях посматривали благожелательно, расспрашивали, откуда такой красавец приехал. Женщина-соседка попросила разрешения Фила погладить. Лохматый прохвост воспринял ласку нормально, даже помурлыкал чуток. Но вид в окошке его привлекал явно больше, чем общение с людьми. Так что кота вскоре оставили в покое. Зато Павла «нагрузили» кучей полезных сведений: где лучше покушать, что стоит посмотреть. Впрочем, что стоит посмотреть, он уже и сам знал: выяснил, когда выбирал в Интернете место проживания — чтобы и людей не слишком много, и места не совсем дикие, и окрестности красивые, и до моря-гор легко было добраться. Судя по тому, что он видел в дороге и о чём ему рассказали попутчики, — угадал.

Хозяин встретил его на автобусной остановке, как и договаривались. Поздоровался и с парнем, и с Филом (кот слезать с рук категорически отказался, переноска стояла внизу мёртвым грузом). Помог донести багаж — сумку и пресловутую переноску — к верхней неширокой улочке. Павел тащил кота на руках и кошачий рюкзак — на спине. Парню было стыдно, но Его Котейшее Величество ясно дало понять, что пребывание в клетке ему надоело, и запихнуть его туда будет стоять больших усилий, массу неблагозвучных воплей и, возможно даже, исцарапанных хозяйских рук. Владелец пансионата, посмеиваясь, вошёл в Пашкино щекотливое положение и занялся транспортировкой вещей нового постояльца сам.

Дворик был точно такой, как на картинке в Интернете: много цветов, одноэтажные номера на двух-трех отдыхающих со всеми удобствами, и, главное — довольно большая зелёная зона с садом и виноградником (за что, собственно, пансионат и был выбран). Вечернее солнце золотило причудливые скалы Демерджи, внизу виднелось море с прогулочным катерком, воздух пах

солью, кипарисами, сосновой смолой и «ночной красавицей». Павел от души поблагодарил хозяина, взял недовольного Фила на шлейку, провёл его по территории и постоял в уголке, скромно отвернувшись, пока кот делал свои маленькие дела, отыгрываясь за всю дальнюю дорогу. В номере распаковал сумку, достал миски, насыпал в них корма, налил воды и завалился отсыпаться. Сил ужинать или идти на море уже не было.

Филипп покосился на хозяина, поплакал водички и тоже завалился спать у Пашки в ногах, привычно проигнорировав вторую кровать, стоявшую в номере. Парень заворочался было, но, почувствовав знакомую тёплую тяжесть, повернулся на бок и блаженно засопел.

Утро началось с ласкового солнышка, заглядывающего через щели в занавесках, прохладного ветерка, пробравшегося в приоткрытое окно, и возмущенного кошачьего мява. Пашка подскочил с кровати, натянул шорты и вылетел во двор, тряся спросонья головой.

Перед порогом номера сидел его Филипп и в полной растерянности взирал на белую кошку с чёрными ушами и хвостом, припавшую к земле напротив. Уши дама прижала, хвост хлестал её по бокам, а из горла вырывался боевой клич пополам с шипением. Когтистая лапа метнулась к Филовой морде, кот очумело отскочил и по голым хозяйским ногам продрался к Павлу на плечи.

Теперь громко зашипел Пашка. От нецензурных высказываний его удержало только то, что к белой скандалистке из соседнего номера выбежала девушка в лёгком пляжном халатике, подхватив разбушевавшуюся кошку на руки.

— Ой, извините. Мы не знали, что тут ещё одна кошка отдыхать будет! Симу погулять выпустили, а она у нас котя с характером!

— Да уж вижу, что с характером! — Паша, забыв о саднящих царапинах, с улыбкой смотрел на «характерную котю». Но больше — на её хозяйку. Девушка была симпатичная, стройненькая, с тёмно-русыми короткими волосами и чуть облупившимся курносым носиком. Вроде и ничего особенного, а взгляд притягивает. — Только это не кошка, а кот. Филипп, прошу любить и жаловать!

— И правда, кот! — присмотрелась девушка. — Мордастый, серьёзный!

Серьёзный кот спрятал морду за хозяйской спиной и повернулся к дамам пышным хвостом. Кошка прекратила завывать и заинтересованно принялась.

Паша засмеялся.

— Кстати, меня Павлом зовут. Вчера приехал. А Вы?..

— Я — Алёна. Мы с мамой и Серафимой тут уже третий день, так что Симка освоилась и кинулась территорию защищать.

— М-да, проблема... — Паша почесал нос и погладил мохнатую Филову спинку. — Кот плюс кошка... И один двор... Как бы не вышло чего!

— Не беспокойтесь особо! — Алёна усмехнулась и тоже погладила притихшую кошку. — Сима у нас стерилизована, так что тут проблем не будет. А двор большой, они его, думаю, поделят и как-нибудь без нас разберутся!

— Ну что, отпускаем зверей на волю? — вопросительно заломил бровь Паша.

— Отпускаем! — согласилась Алёна. — Кстати, давай перейдем на «ты». Не против?

Павел был только «за».

Общаться с новой знакомой было легко — как будто с детства её знал. И кошек она любит и понимает — тоже немаловажная деталь. «Кошатники» всегда найдут тему для разговора!

Выпущенные на волю коты, напрягая лапы, пятились в разные стороны. Потом Серафима юркнула в дверь своего номера, а Фил, отойдя на пару шагов, демонстративно уселся вылизываться.

— Какой красавец! — восхитилась девушка. — Породистый?

— Ага. Самой дворянской помойной породы, — ухмыльнулся Павел. — Собственноручно из мусорника вытаскивал и от блох избавлял.

— О!.. — Алёна взглянула на парня с уважением. — А мы Симу из приюта взяли. Полгода прошло, пока к нам привыкла. Зато теперь ходит хвостиком. Если уезжаем — тоскует и ноет под дверью сутками. Приходится с собой возить.

— Та же история, — признался Пашка. — Так без меня бабулю извёл, что велела нам ехать отдыхать вдвоем.

— А родители? — полюбопытствовала Алёна.

— Родители с этим Бармалеем без меня возиться не хотят! — засмеялся Паша. — Ты не представляешь, сколько шерсти с него каждую неделю вычесывать нужно, чтобы она потом по всей квартире клоками не летала!

— Кажется, представляю... — глядя на разлегшегося в вольной позе кота, пробормотала девушка. — Если с Серафиминого пуха валенки валять можно, то с твоего — хватит дом утеплить.

— Во-во! — подтвердил Пашка.

За разговорами половина утра прошла как-то незаметно.

Павел и Алёна болтали бы и дальше — было о чём — но во двор вышла Аленина мама и, после взаимных представлений, грозно потребовала, чтобы молодежь немедленно проводила её на пляж и организовала завтрак — мол, она, в конце концов, не морем издали любоваться и голодать, а отдохнуть сюда приехала! А дальше пускай делают, что хотят — и Алёна с Павликом, и их возлюбленные кошки и коты!

Алёнка, подхихикивая над слегка ошалевшим парнем, шепнула, что у мамы просто своеобразное чувство юмора, и обычно она не кусается и новых знакомых живьём не ест. Паша облегчённо вздохнул и пошёл переодеваться для похода на пляж.

Отдых определённо удался. Лазать по «сырной» скале, подниматься к Кузнец-горе и водопаду Джур-Джур, смотреть на Ай-Петри с площадки замечательного храма Святого Николая Мирликийского, посещать Никитский ботанический сад и Генуэзскую крепость в Судаке оказалось намного интереснее втроём, а не в одиночку. Причём третьей далеко не везде была Ольга Денисовна, Алёнина мама. У неё действительно было всё в порядке с чувством юмора и, что ещё важнее — с чувством такта и чувством меры, но темп, который задавала молодежь, подходил ей не всегда. Поэтому иногда кампанию дополнял Фил, уютно себя чувствующий, как в заплечном «кошачьем» рюкзаке, так и у хозяина на плечах. Серафима предпочитала оставаться с Ольгой Денисовной. Бить морду Филиппу она больше не пыталась, но и особой приязни к коту не проявляла, блюла строгий нейтралитет. Это, в принципе, всех устраивало.

А ещё оказалось, что города Алёны и Пашки находились на расстоянии часа езды на электричке. И летела она с мамой

в Крым тоже самолетом. Только даты рейсов не совпадали. Ни приезда, ни отъезда...

Когда Павел донёс до маршрутки вещи уезжающих соседок, тепло попрощался с Алениной мамой, погладил Серафиму, которая символически цапнула его за палец («не хозяин — не трогай!»), неловко чмокнул Алёну в зарумянившуюся щечку под насмешливым взглядом Ольги Денисовны и помахал вслед укатившей маршрутке, ему стало, почему-то, пусто и одиноко. Так же шумели сосны маленького парка, так же шли мимо него к пляжу отдыхающие, так же аппетитно пахло чебуреками и самсой. Но три оставшихся дня отдыха уже не радовали. Даже горы, показалось, стали темнее и принахмурились тучами.

Филипп встретил его внимательным взглядом золотистых кошачьих глаз.

— «Что, попался, хозяин?» — таился вопрос в глубине узких зрачков.

— Кажется, попался! — вздохнув, ответил коту Пашка.

— «Ну и что делать будем?» — продолжал допрашивать хозяина кот.

— Что-что? Сначала звонить и узнавать, как едут и как доехали. А потом, когда сам вернусь, родителей знакомить, — проворчал парень.

— «Ну и правильно! А то я с этой Серафимой так и не успел решить, кто во дворе был главным. Как родителей познакомишь, так и дорешаем. Только меня с собой взять не забудь!» — успокоился Фил, зевнул и свернулся на кровати уютным калачиком.

Пашка достал телефон и по памяти набрал затверженный за эти дни номер.

— Алёна! Как дорога? Все в порядке? Симу не укачивает? Ну и отлично! Ты мне тоже звони! Да отовсюду — и из Алушты, и из аэропорта. И как долетите — сразу, обязательно! Я ждать буду!

Над Демерджи солнце растолкало боками облака, и веселые блестящие зайчики запрыгали на волнах огромного, разлегшегося до горизонта моря. Море мурлыкало под лучами, как большой разнежившийся кот. Как Филипп, подкатившийся во сне под надёжный хозяйский бок.

Павел поглаживал кота, смотрел в распахнутое окно и улыбался.

Сергей ГУЛЕВИЧ

г. Борисов. Беларусь.

ЗАКАТЫ

Закаты в Крыму, это совершенно отдельная часть восприятия Крыма.

В Херсонесе, солнце медленно опускается в воду, заливая всё рыжим огненным светом, пробуждая от сна туманный колокол, который начинает тихо гудеть, поднимая из руин призраки прошлого. А после того как солнце сядет, оживает башня Зенона, и Херсонес возвращается в прошлое.

На Тарханкуте солнце, шипя и выстреливая огненные брызги, опускаясь в море, воспаляет его, окрашивая в багряные тона, оставляет тени на облаках.

В Коктебеле, наступает сложно уловимый для непосвященных момент, когда набережная спотыкается в шуме, пляжи пустеют. Поселок, как двуликий Янус, меняет свой облик, который раз за день. Причем, каждый находящийся на набережной в этот момент видит свой облик Коктебеля...

В воздухе начинает разливаться ритмично-яркое безумие, плотно пропитанное энергетикой музыки из банальных динамиков в кафешках и ресторашках, от гитар уличных музыкантов, с рокотом ударных «Кураги» и загадочными индейскими мелодиями, которые как родные, ложатся на фон желтеющего Хамелеона.

Приправленное ароматами вина из деликатно спрятанных и, напротив, стоящих открыто бутылок, чебуречно-шашлычных ароматов, солёным ветром и солёным сыром.

- Бутылку мадеры от «Солнечной», пожалуйста!
- Вам открыть?
- Разумеется, к чему вечером в Коктебеле закрытая бутылка мадеры?
- Стаканчики нужны?
- Ах, оставьте...

Продавец ухмыляется и отвлекается на следующего покупателя.

К большой радости, причал на центральном пляже пуст, пока ещё пуст.

Солнце уходит за Карадаг, море целует розовеющее от удовольствия небо, мир окрашивается в розово-голубые тона, становится призрачно-зыбким.

К причалам возвращаются последние катера, везущие к берегу притихших отдыхающих.

«Курага» у Волошина начинает разогревать струны.

Для полного счастья, нужно свесить с причала ноги, чтобы ничто не мешало ими болтать как в далёкие детские годы. Благо некому одёрнуть...

Я повторяюсь, но всегда в память врезается первый глоток вина, первый поцелуй (кстати, совершенно не важно, — в жизни, или в этот день, главное, как относится к этому событию и правильно к нему подготовится).

Первый глоток, небольшой, короткий, но очень яркий, как поцелуй незнакомки. Обязательно варварски из горлышка бутылки, закрыв глаза, чтобы ничего не мешало. Задержать ненадолго во рту, чтобы услышать историю, которую рассказывает вино — о том, как жжёт солнце в полдень, как наливается сладостью гроздь винограда, о волшебстве превращения виноградного сока в чудо.

И открыть глаза, впуская в себя закат, розовеющее небо, шёпот волн, музыку с набережной. Навсегда оставляя в себе этот вечер, и навеки отпечатываясь в нём.

Цветана ШИШИНА

г. Арад. Израиль.

ЗНАМЕНИТЫЕ ФАМИЛИИ

От тусклого бытия в Севастопольском интернате Юру Грейга спасало чтение книг о путешествиях, о великих открытиях, да двое друзей — Серёга Смолин и Люся Люберецкая. В старших классах воспитанники интерната стали ходить в школу в Нахимовском районе Севастополя. Классным руководителем в 9-б классе стала молодая учительница. На первом же уроке, знакомясь с учениками, она заявила:

— Я Людмила Алексеевна Смирнова — внучка морского офицера и жена морского офицера. Мой предок — знаменитый адмирал Истомин, чем я очень горжусь. Я надеюсь, что и среди вас найдутся потомки славных фамилий. Так не посраим своих предков плохой учёбой и недостойным поведением.

Класс был ошеломлён таким заявлением. Контакт педагога с учениками был найден. Свои предметы — географию и историю — Людмила Алексеевна знала блестяще и овладевала вниманием учеников рассказами о географических открытиях, сухопутных и морских сражениях...

Ребята, жившие в городе-герое, хорошо знали о героическом прошлом своего города. Об обороне осаждённого Севастополя в Крымской войне рассказывает Панорама Франца Рубо на Историческом бульваре. Все помнили, что 264 дня стоял на смерть город перед фашистами во время Великой Отечественной войны. Что в боях за взятие города пали тысячи его освободителей. Ребята не раз бывали в Диораме битвы на Сапун-горе...

Однажды Людмила Алексеевна предложила всем подготовить материал о своей родословной или поискать своих возможных предков среди тех, чьими именами названы улицы города.

Улиц хватало почти на весь класс. У Петрова был однофамилец — генерал Петров, командующий обороной Севастополя в годы Великой Отечественной войны. И у Воронина, и у Дроз-

довой, и у Макарова был «свой» адмирал. Иванов искал родство с Яковом Ивановым — героем Великой Отечественной, улица имени которого была неподалёку от их школы. Среди учеников класса были Ильин, Орлов и Спиридов. Эти знаменитые фамилии составляли славу города и русского флота. Правда, не многие оказались их потомками.

На том уроке истории проходили Чесменскую битву.

— Шла русско-турецкая война, — рассказывала учительница. — В июне 1770 года русская эскадра под командованием генерал-аншефа Алексея Григорьевича Орлова бороздила просторы Чёрного моря в поисках противника — турецкой эскадры под командованием капудан-паши Хасан-бея. В бухте Чесма в Хиосском проливе Эгейского моря между русской и турецкой эскадрами завязался морской бой. Турецкие корабли были выстроены в две тесные дуги, стоящие друг за другом. Поэтому только суда первой линии могли применить свою артиллерию. Адмирал Спиридов решил сосредоточить все корабли русской эскадры на направлении главного удара. Так вражеский флот не мог нанести серьёзного вреда русской эскадре. Спиридов учёл высокую подготовку русских и слабую выучку турок. Это дало возможность уравнивать свои силы с численно превосходящим турецким флотом. А сейчас, внимание! — Учительница сделала паузу: — Бомбардирским кораблём под названием «Гром» командовал младший флагман Самуил Карлович Грейг.

Класс дружно повернул головы в сторону Юркиной парты, заставив его смутиться и покраснеть.

— Победа русского флота в Чесменском сражении решительно повлияла на дальнейший ход войны. Русский флот установил блокаду Дарданелл. После сражения младший флагман Самуил Карлович Грейг был произведён в контр-адмиралы. По окончании русско-турецкой войны контр-адмирал Грейг был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени и получил потомственное русское дворянство.

Людмила Алексеевна подошла к Юркиной парте и положила руку на его плечо, отчего по спине у мальчишки побежали тёплые волны.

— Юра, я уверена, что этот славный флотоводец был твоим предком. Слишком редкая для России фамилия.

— Простите, Ваше превосходительство, что непочтительно обошёлся с вами на перемене, — ёрничая, заявил Петров, не имеющий отношения к командующему Обороной Севастополя.

За что мгновенно схлопотал от Юрки подзатыльник.

— Да, Петров, ты прав, называя Юру — Ваше Превосходительство. Самуил Карлович Грейг стал дворянином в России, а по происхождению он сын шотландского капитана торгового флота, который приехал в Россию на службу и достиг здесь высот благодаря своим знаниям и умению.

— Ну, это когда было... — не унимался Петров. — Сейчас и флот-то наполовину Украине принадлежит. И мореходку «Голландию» закрыли, где сорок лет готовили морских офицеров.

Ребята зашумели, обсуждая наболевшую проблему.

— Так, класс, успокойтесь! — Тебе, Серёжа Ильин, тоже есть на кого равняться. В той же Чесменской битве отличился лейтенант Ильин. В честь него были позже названы линейный крейсер и эсминец. Так что и твоя славная фамилия не забыта.

Серёжка удовлетворённо крикнул:

— Знаю, мне отец говорил.

— Конечно. У него отец капитан второго ранга... — вмешался всезнающий Петров, за что получил подзатыльник на этот раз от Ильина. Класс одобрительно рассмеялся.

С того дня Юрка увлёкся морской романтикой, занялся поисками родства со знаменитым адмиралом. Откуда у него такая фамилия, Юра не знал. О себе воспитанник интерната вообще знал мало.

...Лето 1989 года Юра с папой и мамой проводил в Севастополе. Каждое утро они на троллейбусе доезжали до причала, откуда катер увозил их на Северную сторону к песчаным пляжам Учкеевки. У мамы и у Юры были одинаковые панамки из голубой ткани, купленные на севастопольском рынке. Чтобы отличать их, на своей мама Юля вышила жёлтыми нитками девичью фамилию: — Грейг.

Однажды Юрка пошёл с папой покупать мороженое, но у ближней палатки оно закончилось.

— Я пойду дальше, — сказал папа. — А ты беги к маме, вон она у пирса стоит в голубой панамке.

И как он мог ошибиться?

Юрка увязался за чужой тётенкой в такой же панамке, которая садилась на катер. И только матрос успел подхватить Юрку, как катер отчалил и взял курс на город.

Мама на катере никак не находилась. Мальчишка готов был разреветься, но вид сине-зелёной морской воды за бортом немного успокоил его. Он решил, что сам сможет добраться до тёти Сони, ведь не маленький и дорогу помнит.

На причале Юрка вдруг снова увидел тётенку в голубой панамке. Он смело взял её за руку:

— Проводите меня, пожалуйста, до троллейбуса, — попросил он.

— А ты знаешь, куда тебе ехать? — засомневалась женщина.

— Да, знаю, четыре остановки, на пятой выходить, — чётко доложил Юрка.

Бабушка Зина научила его считать до десяти. Каждый день он отсчитывал остановки во время поездки на пляж и обратно. Вот и теперь, честно отсчитав четыре остановки, на пятой решительно прыгнул со ступеньки. Местность вокруг была незнакомая. Юрка уже приготовился зареветь.

Но тут к нему подошёл парнишка в синих тренировочных штанах и полосатой майке-тельняшке.

— Ты что, брат, потерялся? — бодро спросил он. — Ты где живёшь?

— На Большой морской, дом 12, — назвал Юрка свой домашний адрес, как учила бабушка, когда они выходили на Невский проспект, где шли прохожие, гудели машины, и на мосту вздыбились кони.

— На Большой морской? Так ты, брат, не туда заехал.

— А ты, правда, мой брат? — удивился Юрка.

Его очень обрадовало неожиданное появление брата.

— Ну не сестра же, — засмеялся парнишка. — Это тебе на «семёрку» надо. Прости, брат, поехать не могу. Денег ни копейки. А ты маленький, тебе билет не нужен.

Юрка махал ладошкой у окна, пока новоприобретённый брат не скрылся из вида. Когда он снова вышел из троллейбуса, слёзы брызнули сами, и он заревел в голос.

Юрка честно признался симпатичной девушке, что заблудился. Та взяла его за руку и отвела в ближайшее отделение милиции.

Родители искали Юру на пляже до самого вечера, объявляли по радио о пропаже мальчика, нанимали водолазов. Отец Юры — Пётр Андреевич Каменский три дня метался между неврологическим отделением больницы, куда увезли Юлию Семёновну, и отделением милиции — безрезультатно.

В детской комнате женщина-милиционер тщетно искала в паспортном столе граждан по фамилии Грейг, которая была написана на шапочке мальчика. Мальчик знал свой адрес, но дом 12 на улице Большая Морская отсутствовал. В Центральном районе города о пропаже ребёнка по имени Юра Грейг заявлений не поступало. До вечера за мальчиком никто не пришёл, а женщина спешила в детский сад за своим ребёнком. И она отвела Юру в детский дом на временное содержание. Юра прожил там два года, а потом его перевели в интернат. С развалом Советского Союза разорвались связи, и никто уже в независимой Украине и не пытался искать родных Юрки...

Детские воспоминания путались, уходили. Дольше других он помнил бабушку Зину, но и её лицо со временем стерлось из памяти. Образ матери часто смешивался с образом девушки, которая привела его в детскую комнату милиции. Думая о матери он почти физически ощущал тёплую волну нежности. Отца он не мог вспомнить совсем, но отчётливо помнил брата в полосатой тельняшке...

Юра проводил множество часов в поисках нужных материалов в городской библиотеке и в Военно-морском музее и нашёл вот что: «Самуил Грейг принимал участие в строительстве и оснащении линейного корабля «Три Иерарха». Был советником по морским вопросам главнокомандующего графа А. Г. Орло-

ва, державшего свой кайзер-флаг на корабле «Три Иерарха». На флагманском корабле Грейга была доставлена в Кронштадт княжна Тараканова, претендентка на российский престол, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Этим он окончательно завоевал полное расположение и доверие императрицы Екатерины II. Грейга произвели в вице-адмиралы и назначили командиром Кронштадтского порта.

Возглавляя Балтийский флот, Грейг отличился и в войне со шведами. В ожесточённом и кровопролитном сражении при Гогланде, имея флаг на корабле «Ростислав», он атаковал шведский флот в течение пяти часов. Авангард шведского флота был разбит, а командир авангарда шведский вице-адмирал граф Вахмейстер сдался в плен вместе со своим кораблем «Принц Густав». В итоге, русские, будучи слабее, заставили шведов отступить в Свеаборг.

Осенью того же года Грейг простудился и тяжело заболел. Самуил Карлович умер 15 октября 1788 года. В Ревеле, в глубине старинного храма «Томкирха», которому уже более шести веков, находятся массивные мраморные гробницы знаменитых русских флотоводцев — адмиралов С. К. Грейга и И. Ф. Крузенштерна. По повелению Екатерины II, на пьедестале памятника начертаны следующие слова: «...Его славят немолчной песнью Архипелаг, Балтийское море и берега, охраняемые от вражеского огня. Его славят его доблесть и скорбь великодушной Екатерины».

Среди прославленных адмиралов нашёлся и сын Самуила Грейга, Алексей Самуилович Грейг, немало послуживший во славу России. В должности командующего Черноморским флотом Алексей Самуилович провёл реформы, благодаря которым Черноморский флот стал сильным и хорошо слаженным организмом. Когда в 1833 году А. Грейга перевели в столицу, он сдал флот своему ученику контр-адмиралу М.П. Лазареву.

Адмирал Грейг был скромным и добрым человеком. Женился на простой жительнице города Николаева. У него было три сына и две дочери. Старший сын, Самуил Алексеевич (1827—1887), названный в честь своего знаменитого деда, сделал блестящую карьеру. Он дослужился до чина полного генерала по адмиралтейству и был награжден орденами России и

многих европейских государств. Средний, Иван, служил при дворе и был шталмейстером. Младший сын Василий — камергер и действительный статский советник, с 1869 по 1873 год возглавлял Лифляндскую казенную палату».

От кого из потомков славного рода он унаследовал свою фамилию, Юрка так и не смог узнать. Ведь кроме имени отца и матери, не помнил о них ничего.

Юрка настойчиво шёл к цели своей жизни. На пару со Смолиным они поступили в Национальный технический университет на факультет судовождения и безопасности судоходства.

Однажды Юра занимался в институтской библиотеке за компьютером. Он сосредоточенно смотрел в экран и вздрогнул от неожиданности, когда кто-то тронул его за плечо.

За его спиной стояла пожилая женщина. У неё были добрые глаза, казавшиеся огромными за толстыми стёклами очков. Она произнесла, смущённо улыбаясь:

— Молодой человек, я прошу прощения. Мне сегодня случайно попал в руки ваш формуляр... — голос у неё был сиплый, будто простуженный.

— А что с ним не так? — всполошился Юрий: «Вдруг запретят пользоваться компьютером?»

— Просто ваша фамилия.... Среди моих знакомых была семья Грейг. Вы не имеете к ним отношение?

— А вы?.. — Юра в растерянности замолчал, не умея сформулировать вопрос. Ему нужно было так много спросить у этой доброй женщины, но мысли, торопясь, сталкивались в голове, и не отливались в слова.

— Меня зовут Софья Аркадьевна. Я пенсионерка, здесь временно заменяю сотрудницу... — тоже волновалась библиотекарша. — Вы так похожи на мужа моей знакомой в молодости. У них в семье была трагедия....

— Правда? — задохнулся вопросом Юрий: — Я ничего о себе не помню... Фамилия знаменитая, а родных найти не смог.

— Знаете что, юноша?! — вечером я свяжусь со своими друзьями. Они в Санкт-Петербурге живут. А вы приезжайте ко мне

завтра. Вы меня легко найдёте... — она торопливо объясняла Юрию дорогу: — От университета доедете до улицы Ленина, а там, на троллейбус «тройку». Проедете четыре остановки.

Внезапно в голове Юрия прозвучало что-то забытое, и он продолжил вслух:

— Четыре остановки, на пятой выходить. Третий этаж, дверь направо...

— Да, правильно, — удивлённо подтвердила Софья Аркадьевна. — Вы вспомнили?

— Не знаю, — растеряно проговорил Юрий. — Какие-то детские ассоциации.

Первой пришла в себя Софья Аркадьевна:

— Дом ещё довоенной постройки. Вы его сразу узнаете. Так, я вас жду.

Дом он нашёл сразу.

И старинная тахта в уютной комнате показалась знакомой, и ручной работы вязаная скатерть. Он незаметно потрогал её и будто увидел детские руки, плетущие косички из бахромы.

Софья Аркадьевна усадила гостя к столу, положив перед ним большую старинную книгу, заложенную на середине мягкой бархатной лентой.

— Полюбопытствуйте, я знаю, вы интересуетесь биографиями военачальников. А я пока на кухне похлопочу.

Вверху страницы, на которой открылась книга, текст начинался словами: «Успехи наших войск в русско-шведской войне 1808-1809 годов современники связывали, прежде всего, с именем графа Николая Михайловича Каменского-2-го, как его называли, чтобы отличать от старшего брата, тоже генерала от инфантерии Сергея Михайловича Каменского. Генерал-лейтенант Каменский-2-й, только 12 февраля 1808 года, назначенный командиром дивизии, уже 18 февраля занял финскую столицу Гельсингфорс (Хельсинки). Притом, что по пути ему пришлось треть своих войск (около 2,5 тысячи человек) оставить для осады Свеаборга — «Северного Гибралтара», как гордо именовали его шведы.

После победы Финляндия вместе с Аландскими островами отошла к России. Император Александр I писал Аракчееву:

«...за одержанные победы у Гельсингфорса и города Умео и прогнание шведского десанта у гавани Ратан произвести Каменского в генералы от инфантерии». Каменский удостоился также алмазных знаков к ордену св. Александра Невского — за победы при Куортане, а за Оравайс получил орден св. Георгия II степени. Говоря о Каменском, современники были единодушны в восторженных оценках. «Счастливо войско, имея предводителем столь искусного, деятельного и храброго генерала...» — писал о нём прославленный генерал Барклай-де-Толли. Впереди у Каменского было назначение главнокомандующим Дунайской армией, сражавшейся против турок...»

Увлёкшись чтением, Юрий не сразу заметил, что хозяйка внесла на подносе чашки и угощение.

— Юрочка, я помню вас мальчиком и думаю, что не ошибаюсь. Я только увидела, как вы потрогали бахрому на скатерти, всё поняла. Вы бывали в моей квартире. Вам кажется знакомой моя комната? А вот взгляните сюда... — и она жестом фокусника извлекла из-под скатерти фотографию.

Улыбающаяся молодая женщина глядела на маленького мальчика, восседавшего на плечах у мужчины. Её глаза цвета зелёного чая светились радостью при взгляде на ребенка. И если бы Юрий не знал, что впервые видит это фото, он мог бы с уверенностью сказать, что сам держит ребёнка на плечах.

— Юрочка, — это ваши родители. Сходство с Петром разительное... — женщина в волнении опустила на стул.

Юрий смотрел на фотографию, и какие-то смутные образы проплывали у него в голове.

— Почему они меня не искали? — смущённо произнес Юрий, заранее сознавая, что получит опровержение своим словам.

— Что вы, мальчик мой! — всплеснула руками Софья Аркадьевна. — Искали. Долго. Пётр ещё дважды приезжал в Севастополь, обращался в разные инстанции. Для поисков он и привёз эту фотографию. В Севастополь ведь нужны были пропуска, а после развала Союза ещё и визы на въезд в Украину. Полная бессмыслица... — она вздохнула глубоко, будто собиралась нырнуть в глубину: — Вы же, Юрочка, на пляже пропали. Думали, что мальчик утонул. У Юлечки — вашей мамы — нервное рас-

стройство приключилось. Петя вынужден был увезти её в Петербург. Пётр во всём произошедшем себя винил. А Зина, подруга моя, от горя тоже слегла. Недолго протянула.

— Мне кажется, — проговорил тихо Юрий. — Я помню, руку бабушки Зины. Рука у неё тёплая, и пальцы длинные...

— Руки у неё были красивые. Юрочка! — хозяйка вскочила и порывисто прижала голову Юрия к своей груди, в которой гулко стучало сердце.

Он сидел, молча, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Софья Аркадьевна принялась вспоминать:

— Мы с Зиной до войны в одном доме жили. Нас истощённых из блокадного Ленинграда по льду Ладоги вывозили на Большую землю. Потом вместе в педагогический институт поступили. На третьем курсе нас, студенток литфака, пригласили в Кронштадт на новогодний бал. Там и завязался красивый роман Зины и молодого флотского лейтенанта Семёна Грейга. Они очень скоро поженились. Родилась Юлечка — ваша мама. А потом Семён Грейг ушёл в дальний поход и к ней больше не вернулся. Почему они внезапно расстались, даже я не знаю. У Юли от отца только фамилия и осталась. А ваша фамилия по отцу Каменский. И тот великий человек, статью о котором вы читали — ваш предок.

Юрий слушал Софью Аркадьевну и не мог поверить, что всё это имеет к нему отношение.

— Юрочка, вы не поверите, ваша мама приняла известие о вашем появлении как должное. Она всегда верила, что вы живы и найдётесь. Она ждёт вас....

Юрий долго пытался осмыслить, что является потомком двух славных родов. И теперь пришёл его черёд не посрамить знаменитые фамилии. Послужить во славу Отечества.

В Петербурге дом на Большой Морской, 12 Юрий нашёл сразу, будто только вчера вышел из него на прогулку с бабушкой Зиной. А когда дверь ему открыла миниатюрная женщина с чайного цвета глазами, он ни минуты не сомневался, что это его мать.

— Проходи, сынок, — сдержанно, с королевским достоинством произнесла она, но, не выдержав, бросилась ему на шею и, привстав на цыпочки, стала целовать его лицо, приговаривая: «Мальчик мой, мой мальчик. Вот и ты...»

От её голоса и касания рук у Юрия по телу шли тёплые волны, и щипали глаза слёзы, готовые пролиться в любой момент.

...Сидя за накрытым столом, они говорили до поздней ночи. Рассматривали старые фотографии в толстых альбомах, и перед Юрием проходила незнакомая жизнь его семьи, которую он силится постичь всю сразу. Оказалось, что его отец был тем самым журналистом П. Каменским, чьи статьи в географических журналах он читал ещё в интернате, грезя о дальних странах. Что его мать была переводчиком иностранной литературы. И книги в её переводах были популярны...

А утром впервые за многие годы Юрий проснулся от нежного прикосновения тёплой руки к его щеке. И ему было хорошо и радостно, как в раннем детстве.

Светлана БОРМОТОВА

г. Дзержинск. Нижегородская область.

СИМЕИЗ

...когда-то прочла про «икигай» —
японское (生き甲斐) — причина,
ради которой просыпаешься по утрам...

Воздух.

Да.

Там он Есть.

Знаковое место. Во всех смыслах.

Если б можно было в запас... На «многия лета»... как эти консервные банки... Его даже моим львиным аппетитам доставало...

Там возДУХ...

И рядом те, кто с полуслова... чей профессиональный и самоличней бонтон не утомляет лишними словами... И моё отрадное: валяться, общаясь касаньями, и наблюдать...

По-восточному... на подушках... как секс, только лучше... потому что сама в воздухе.

Внимать: тихие радости частной жизни, — в которой женщины чуть «За...» томно выгуливают свой замужний статус, а мужчины с пустыми глазами, шестью любовницами и гонореей в анамнезе встают в стойку, ещё не видя, но уже почуяв молодое упругое и борзое...

Где Месяц, цепляясь за «Кошкины» уши, день ото дня растёт, забеременев к моему прибытию и, разродившись полнолунием с последствиями оногo, уже по убытию...

И Всевышний определённо улыбается в раздумье, пересыпая песок земной жизни рабы своей Фатиньи... Страхи-то Её в одной щепоти убираются, потому и перетирает их со своей Божьей помощью...

Зная, что умрёт она не тогда, когда перестанет дышать... А когда её перестанут любить...

Страшно, если дыханье длится дольше любви... Дышишь, но уже не живёшь.

Женщины ищут причину, мужчины — цель, а память тела находит всё сама...

Без «почему» и «зачем»: иначе бы там — в солнечном сплетенье — не случилось перекрёстка боли и счастья, от которого дышится по-особому...

Вернулась из СимеИЗа...

Ульяна КИРШИНА

г. Воркута.

ЛИХОВРЕМЬЕ

Знаете, о чём я думал, когда жал руку профессору, вручавшему мне диплом? Подкидывал шапочку вверх с криками «Ура!»? Расплескивал шампанское, чокаясь со вчерашними однокурсниками?

О том, что этот миг избавит меня от Лиховерцевой.

Неимоверно оживлённой. Залепившей своей шапочкой по моему лицу: «Прости, Земцов, я случайно, хоть ты это и заслужил». Чокающейся со мной в последнюю очередь: «Крайний стук должен быть со свободным козлом... то есть мужчиной. В общем, с тобой».

Прощаясь с однокурсниками у входа в метро, я думал — ну вот и всё, больше не будет никакой Юльки на моём подоконнике. Не будет её выходок и сигаретных заначек в закромах моего шкафа...

И тут Лиховерцева потянула меня за рукав.

— Проводишь?.. — вот зараза, заглядывает в глаза.

Милая беспомощность. Ага, как же. И слегка пошатывается на своих каблуках. Так я и поверил, что она выпила слишком много шампанского... Но в уме уже начинаю перебирать — сколько она выпила. И даже не ужасаюсь, что за этим следил. В конце концов, это же Юлька. Она просто всегда рядом. И назойлива. Как такую не заметить.

— Ладно уж, поехали, — соглашаюсь я, даже не задумавшись, как буду возвращаться сам. Хотя, вызову такси. Деньги, вроде, не все просадил. Да и живёт Лиховерцева не так уж далеко от меня. Может, пешком дойду, ночи, к счастью, белые.

До дома Лиховерцевой мы молчим. Юлька дремлет на моем плече. Я в качестве старшего слежу за станциями, чтобы не пропустить нужную. Старушка напротив смотрит на нас с умилением. Так и хочется сказать: «Не пара мы». Интересно, в какой уже раз за наше знакомство с Лиховерцевой? Навязалась же.

— Подъём, — слегка грубовато трясу её я. — Наша станция. Юлька кивает и явно собирается спать дальше. Не на руках же её тащить...

Приходится на руках. Уже стоя на платформе, ловлю взгляд старушки, сидевшей напротив. Тьфу ты, черт. Куплю себе футболку: «Я не с ней!» Хотя, о чём это я? Сейчас провожу её до дома и буду молиться всем известным мне богам, чтобы водили меня и Лиховерцеву разными дорогами.

— Ну, вот и всё, — говорю скорее себе, чем стоящей рядом особе, возле нужной парадной. Но разве кому-то так просто удавалось избавиться от «Лиха»?

— Мы с тобой едем в Севастополь, — неожиданно твёрдо заявляет Лиховерцева. — Поезд в 12.31, с Московского вокзала. Ах, да — послезавтра. Не опаздывай. Вернёмся через семь дней. Ты вернёшься. Я останусь подольше. Ну, адьес, скоро увидимся... — и предусмотрительно захлопывает дверь парадной.

Когда я отхожу от шока, стучать в дверь уже поздно. Но я от злости всё-таки стучу.

Домой иду пешком. Забыв про такси. И будучи полностью уверенным, что никуда я не поеду. Вот ещё!

Через день в 11.00 я отчего-то стою на вокзале. Ещё и с сумкой. До конца не веря, что собрался куда-то с Лиховерцевой. Естественно, это окажется её очередной выходкой. Она появится с нынешним кавалером или хихикающей подружкой. Или одна, но с огромным рюкзаком. Будет говорить, что была пьяна, или своим мерзким тоном заявит: «Не думала, что ты такой дурак, Земцов». В любом случае, я плюну и поплечусь со своей сумкой домой. А она уедет. Знать бы с кем.

— О, Ромка, уже на месте. Молодец! Держи. — Моё персональное «Лихо» чуть не сносит меня, попутно вручая свою сумку. — Я перепутала время! Поезд в полдвенадцатого, а не в полпервого, так что к вагону, к вагону.

И вот уже меня тянут на восьмой путь.

Я даже ничего не спрашиваю про билеты. Честно сказать, я надеюсь, что она их забыла (не купила/потеряла/скормила собаке — нужное подчеркнуть). Это Лиховерцева. С ней всё воз-

можно. Но нет, она протягивает их проводнице и, запыхавшись, требует у меня паспорт.

— Хорошего пути! — желает нам сотрудница РЖД, когда я нехотя подаю «документ, удостоверяющий личность».

Я предпочел бы закатыть глаза и поведать ей всё, что я думаю о грядущем пути, но я только вежливо улыбаюсь. В конце концов, дорога с Юлькой предстоит не только мне.

— Как кушать хочется! — щебечет Юлька, стоит поезду набрать скорость.

Я жду, что она начнёт рыться в сумках, все ещё не убранных вниз, но она продолжает смотреть на меня.

— Что? — не выдерживаю я.

— Что-что, — передразнивает Юля. — Доставай, что у тебя есть.

Нет, мы так не договаривались. Всю еду я брал из расчёта на себя одного и есть планировал в одиночестве. Да и ближе к обеду, а не сейчас, когда город ещё не скрылся из виду. Но лучше уж поголодать, чем терпеть нытье Лиховерцевой. Мысленно говоря всё, что я думаю о Юльке, я достаю из пакета с едой быстрорастворимую лапшу и два банана.

Фрукты Юля берёт, а лапшу с презрением отодвигает. Что же, мне больше достанется.

Разложив оставшиеся вещи, я забираюсь на верхнюю полку. Не понимаю тех, кто ведёт борьбу за нижние места. Наверху ведь есть главное преимущество — тебя никто не трогает. Хотя, может быть, лет через ...дцать я и стану думать иначе.

Я почти засыпаю, когда снизу меня пихают. Несколько толчков я игнорирую, но потом всё-таки свешиваюсь.

— Что на этот раз? — естественно, Лиховерцевой без меня спокойно не живётся.

— Я тоже хочу на верхнюю полку! — канючит она.

— Извини, но ты сама взяла нижнюю и верхнюю полку, — шепчу я максимально тихо. Не хватало ещё, чтобы соседи вникали в наши разборки. — Это логично, что парень едет сверху. Ты хочешь, чтобы меня все осуждали?

— Тогда двигайся, — с пылом шепчет Юля. — Авось не упадём.

— Нет, ни за что! — пытаюсь возражать я, но Лиховерцева уже уселась на мою полку. — Ну и зачем мы брали два места?

— Чтобы кого-то из нас не высадили из поезда, — Юля включает тон а-ля «разговор с малышом», будто я и впрямь не понимаю «зачем». — Двигайся, говорю.

Лежать с Лиховерцевой рядом мне не впервой, но полка слишком узкая, поэтому в меня упирается то локоть, то коленка разлегшейся Юльки. Плюс рядом лежащая девушка навевает совсем не те мысли, которая должна вызывать Лиховерцева. В итоге я со вздохом сползаю вниз. Думаю, этого она и добивалась. Несколько секунд смотрю на неё, ожидая увидеть ехидный прищур, но глаза у Юли закрыты, а дыхание ровное. Кажется, она спит.

— Отдохнуть едете? — спрашивает меня пожилая попутчица. Я вежливо отвечаю:

— Да, вот университет закончили — можно и отдохнуть чуть-чуть.

— Эх, молодые, влюбленные... где мои года! — улыбается соседка. Я открываю рот, чтобы возразить, но вместо этого говорю: «А вы куда едете?»

Пока она рассказывает, я думаю, что возражать про наши с Юлькой отношения — занятие бессмысленное. Друзья-то не верят, что между нами ничего нет, что уж про случайных попутчиков говорить. И зачем я в это ввязался?

— И зачем я в это ввязался? — спрашиваю я скорее себя, чем семенящую рядом Лиховерцеву. Она недобро зыркает на меня и на вопрос, естественно, не отвечает. Сколько нам ещё идти я не знаю, но надеюсь, что недолго — я изрядно подустал тащить две сумки под палящим солнцем. Честно говоря, я даже подумываю поступить совсем не по-джентельменски и отдать Лиховерцевой её чемодан (чемоданище даже). Но эта хитрая лиса идёт без остановок, не давая мне шанса вручить ей её скарб. На мои попытки сделать привал она отмахивается со словами: «Здесь недалеко».

Это «недалеко» в итоге оказывается по подсчетам моих несчастных ног в нескольких километрах от остановки, где нас высадил весёлый водитель маршрутки. Мне бы тоже было весело, если бы не приходилось в резко тормозящей маршрутке ловить своё имущество и Лиховерцеву.

Ещё в поезде она объяснила мне, что едем мы к её тетке, с нетерпением ожидающей «племянницу и её спутника». По словам Юльки, живёт тетка в лучшем районе Севастополя. По моему мнению, лучший район предполагает близость к вокзалу или к морю, но пока что-то ни того, ни другого поблизости я не вижу.

— Нам сюда, — Лиховерцева буквально вталкивает меня в калитку дома, окруженного каштанами. — Тётя Люба, мы доехали!

На её крик из соседней с домом пристройки выскакивает женщина средних лет, по пути вытирая руки о цветастый передник.

— Юленька! — кидается она обнимать Лиховерцеву. — А я уж все глаза проглядела, не идут ли мои касатики, — и к моему удивлению, обнимает и меня. Правда, из-за сумок в моих руках выходит довольно неуклюже, и она достаточно быстро отступает назад. — И что это вы без панамок? Напечёт же! Сейчас поищу... — Юлькина тётка делает два размашистых шага в сторону дома, потом машет рукой. — Эх, ладно, потом найду! Ну их, эти панамки. Есть лучше пойдёмте.

— Да нам бы умыться с дороги, — несмело начинаю я.

Внимание тети Любы переключается на меня.

— Да-да, конечно, — частит она. — Что ж это я. Эх, Юленька, давно у нас ты не была. Соскучились мы по тебе! — женщина промокает глаза фартуком и порывисто обнимает Юлю. Та неловко хлопает тётку по спине. Я мысленно удивляюсь, что есть на земле люди не просто терпящие, но и любящие Лиховерцеву. Может, конечно, дело в дальнем с ней проживании, и после этого отпуска (Господи, дай мне сил его пережить) я тоже начну её любить, ну или по крайней мере относиться теплее обычного. Как говорится, чем дальше, тем роднее.

— Да не беспокойся ты так, — выдавливает крепко прижатая к родственнице Лиховерцева. — Умывальник там же? Ну и хорошо. Мы сами найдём. Ты иди, на кухне хозяйничай. От еды бы я не отказалась.

— Хорошо, холодильник твой любимый стоговила, — тётя Люба наконец отпускает Юльку и вновь стирает набежавшие слёзы. — Надеюсь, Ромочке тоже понравится.

Я даже не сразу соображаю, что это она обо мне. «Ромочкой» меня даже мама не зовёт лет уж десять, если не больше.

— Я вам на втором этаже постелила, в бывшей Мишиной комнате. Там на кровати и полотенца лежат, если ополоснуться удумаете. Вода, думаю, уж нагрелась, — она показывает рукой на большую зелёную бочку во дворе, возвышающуюся над деревянной конструкцией.

«Летний душ», — шепчет мне Юлька, заметив моё замешательство. То есть мыться придется на улице? А туалет, стесняюсь спросить, там же?

— Мне Мишкину комнату, а Рому куда? — тем временем решает уточнить Юля, на что тётя Люба лукаво улыбается (ох, это мне не нравится ещё больше, чем идея мыться на улице).

— Что ж я, совсем старая? — продолжает улыбаться тетя Люба. — Не понимаю, что ли? В одной я вам постелила, в одной. Там кровать сейчас большая, двуспальная, не та, что у Миши была.

— Тётя Люб, нам бы разные! — пытается возразить Юлька...

Но женщина только отмахивается, как от мухи, направляясь, как я могу судить, на кухню.

— Ты сам слышал, я тут не причём, — поворачивается ко мне Юлька. Я, естественно, с ней не согласен. В конце концов, это её идея выставить нас парой. «Как ты представляешь, что я незнамо с кем приеду, — поясняла она мне в поезде. — А так, парень и парень. Хоть про личную жизнь донимать не будут. А то замучили своим: «Жених-то есть?»».

В общем, неудивительно, что комната нам досталась одна на двоих. Но что уж сейчас выговаривать Юльке.

— Потом разберёмся, а то сумки уже все руки оттянули, — признаюсь я.

Лиховерцева окидывает меня своим излюбленным взглядом, мол, ну и глупый же ты.

— Мог бы их поставить, — говорит она. — Не убежали бы.

И, не давая мне возразить, направляется в сторону дома. Я, чертыхаясь, тащусь вместе с сумками за ней следом.

— Кушай, кушай... — тетя Люба, несмотря на мои протесты, наливает ещё одну порцию холодника.

Он и впрямь вкусный, но третью тарелку осилить я не в силах. Но упрямство Лиховерцевой, видимо, семейная черта,

поэтому мои возражения здесь слышать не желают. С другой стороны, пока я молча хлебаю суп, Юльке приходится отвечать на неудобные вопросы, включающие в себя слова: «жених», «зятёк» и «свадебка». Лиховерцева, как умеет, изворачивается, но видно, что и она устала от нескончаемых разговоров о её скором замужестве.

Я вздыхаю и в очередной раз лезу за Юльку на амбразуры (когда я, первокурсник, начал это делать на семинарах, я не думал, что это так затянется и дойдёт до, тьфу, свадебных вопросов).

— Да, свадьба — это хорошо, но сами понимаете, дело это нынче затратное. Да и встать на ноги бы не помешало, — я размышляю, стоит ли применять козырь об «отсутствии квартиры и машины» и прослыть нищеводом, или же оставить эту карту в рукаве. Так и не решив, как лучше поступить, пытаюсь перевести разговор на другие рельсы. — А до пляжа здесь далеко, а то я в последний раз море видел в детстве?

Тётя Люба заглывает «наживку» и с удовольствием рассказывает, куда и каким маршрутом нам следует отправиться. Поблизости от нашего места пребывания, оказывается, легендарный Херсонес. Думаю, мы бы отправились туда, даже живя в самом дальнем от него районе. Но, если уж он ближе всего, то его надо посетить первым делом. Юлькина тётя тем временем продолжает расписывать красоты Севастополя, которые мы непременно должны увидеть. Периодически она замолкает, вспоминая, о каких интересных мероприятиях типа концерта на площади Нахимова или парада военных кораблей она слышала.

Я смотрю на Юльку и вижу, как она одними губами шепчет: «Спасибо». Я киваю, внезапно для самого себя задумываясь, сколько раз Лиховерцеву пытали всеми этими вопросами о женихах и свадьбах. Учитывая её неудачи на любовном фронте (в чём, на мой взгляд, она была виновата сама), неудивительно, что ей захотелось представить семье кавалера, пусть и липового. Возможно, я даже подыграю ей в этой порочащей меня истории (кто в здравом уме с Юлькой свяжется, у неё же один единственный серьёзный роман в жизни — и тот с моим подоконником).

— Да, спасибо большое, туда и отправимся, — я прерываю тетю Любу. Всё равно ж ничего не запомнил. Надеюсь, с памя-

тью у Лиховерцевой лучше, чем у меня. И, мысленно вздыхая, придвигаюсь к Юльке поближе и, о Боги, слегка обнимаю её. Юля вздрагивает под моей рукой, но не отодвигается. Зато её тётка смотрит на нас, улыбаясь.

Что ж, отпуск будет весёлым. Всё-таки по приезду закажу футболку: «Мы не пара».

— Странно, правда... — Лиховерцева смотрит куда-то вдаль, пока мы стоим на одной из «улиц» Херсонеса. — Здесь когда-то кипела жизнь. Нет, теперь она тоже кипит, посмотри, сколько туристов, несмотря на вечер. Просто, это не то. Можешь предположить, что через несколько тысячелетий люди вот также будут бродить по... Ну, не знаю, Питеру или Милану. Думать, а что это было за здание, а это?..

— Ну, ты загнула, думаю, Питер сохранится для потомков, — говорю я и тяну Юльку в сторону: мы стоим на проходе и мешаем остальным туристам.

— Кто знает, кто знает, — говорит Юля. — Если и сохранится, то совсем в другом виде. Ему триста с небольшим, а он уже иной, чем был при том же Петре. Кто может поручиться, что через тысячу лет он не уйдёт под воду, не будет покинут людьми и разрушен ветрами до основания.

Я смотрю на Лиховерцеву, пытаюсь понять, какая её ипостась сейчас здесь, рядом со мной. Нет, она не шизофреничка, хотя с уверенностью могу сказать, с головой она дружит ой не всегда. И все уверения моей мамы, что люди не могут быть столь разными (да, к своему стыду, я говорю о Юльке с родными), не состоятельны. Но. Я не могу понять, какая Юлька стоит сейчас рядом, хотя столько раз видел её в любом состоянии. Кажется, она... не обыкновенная, а просто Юля. Бывает же. Кажется, она и впрямь любит этот город. Возможно, даже сильнее, чем мой подоконник.

— Знаешь, мне нравится бывать здесь, — продолжает она. — В детстве мечтала вести раскопки. Я почти не застала их, просто папа рассказывал. Он же все юные годы здесь провёл. Столько историй вспоминал. Сейчас только отмахивается, когда прошу ещё что-нибудь рассказать. Говорит, хватит слушать чужие приключения, живи своими. Может, он и прав. Кстати, а вон там...

Юлька начинает рассказывать историю одного из зданий неподалеку, удивляя меня вновь. Исторические сведения у неё переплетаются со смешными историями из детства. Но удивляют меня не её знания, а то, что я действительно от души смеюсь вместе с ней. И когда она приводит меня к колоколу на краю Херсонеса и жалуется, что никогда не могла толком до «язычка» дотянуться, я приподнимаю её, позволяя дотронуться до колокола, а может быть — до мечты. По крайней мере, Лиховерцева радостно визжит. Всё-таки она неисправима. Может быть, мне даже это нравится... Правда, так я думаю, только до того момента, как моё персональное Лихо кидает меня в воду, прямо в шортах и майке. Когда я выбираюсь из воды, она уже предусмотрительно машет мне издалека.

— Ну и как я так пойду? — кричу я, не смущаясь (почти) взглядов окружающих. Впервые радуюсь, что не взял с собой мобильник — он очень вовремя сел.

— Да здесь же недалеко, — хохочет Лиховерцева, дожидаясь меня у бывшей крепостной стены. Когда я дохожу до неё, она доверительно шепчет:

— Я же говорила это лучший район Севастополя, иначе тебе пришлось бы в таком виде ехать на маршрутке.

Я не знаю как, но под самый вечер Юльке удаётся уговорить меня сходить на Приморский бульвар. Упираюсь я больше для порядка. Всё-таки времени у меня не так много, стоит, наверное, посетить по максимуму знаменательных мест. Тем более, там тоже можно насмотреться на море. Я сентиментальничаю, как девица. Ещё немного и я начну читать стихи, как любит делать Лиховерцева в своей экстравагантной ипостаси. Это уже практически клиника. Но что поделать, если море в моей жизни по сути было только на фотографии. Лиховерцева как-то откопала мой портрет в панамке с той поездки и долго умилялась, уверяя, что не думала, что я был таким милым, цитирую, «козленком». Ну и неоднократно шутила насчёт плавок в подарок — как понимаете, мои родители на море решили, что загореть я должен во всех местах, в том числе и тех, которые взрослые люди демонстрируют только на нудистских пляжах. Своего позора я не

запомнил, поскольку было мне на тот момент от силы года три. А вот шутки Юльки — очень даже.

— А ещё здесь частенько играют «Легендарный Севастополь» или «Севастопольский вальс», — прерывает она мои воспоминания. — Я их могу долго-долго слушать. ...Мы вдоль берега моря идём и поём, и поём... — напевает Юлька. — Это из оперетты Листова. Знаешь, неплохое произведение. Можем сходить дома, как приедем. Я знаю, где она идёт.

— Да после отпуска мы вряд ли и встретимся, — сдуру говорю я. Правда, понимаю свою опрометчивость только через пару минут — Лиховерцева замолкает и до конца прогулки только сухо отвечает на мои вопросы. Ей Богу, мне было бы легче, если бы она взялась острить. Она обижалась на меня тысячу раз, пыталась ударить, плевала на обшивку двери, нашептывала про меня гадости нашим однокурсникам... но вот так молча — впервые.

Здесь вообще всё было впервые. Хотя, о чём это я, мы же здесь всего один день, даже вечер. Всё ещё сто раз изменится...

«Всё изменилось», — понимаю я, когда утром меня расталкивает Лиховерцева с криками: «Вставай, я не хочу пропустить лучшие утренние часы из-за такого козла, как ты». Дальше идут жалобы на то, как неудобно со мной спать. Мне есть, что на это ответить. Так-то, спать с ней тоже было неудобно. Морально — из-за её продолжающейся обиды, физически — из-за духоты. Терпеть вертящуюся Юльку рядом с собой, когда хочется побольше свободного пространства, то ещё испытание. Неудивительно, что толком заснуть получилось лишь под утро. В общем, мы безбожно ругаемся, и я корю себя, что хоть на минуту предположил, что Лиховерцева где-то может быть нормальной. Да сумасшествие вписано в её генетический код! О чем я её и оповещаю. Она некоторое время пытается что-то сказать, но в итоге вылетает из комнаты, не забыв громко хлопнуть дверью. Куда же без этого!

Когда я, слегка остыв, спускаюсь на кухню, Лиховерцевой там нет.

— Чего не поделили-то? — встречает меня вопросом тётя Люба. Я бы предпочел нейтрально-вежливое «Доброе утро». Всё-таки неприлично чужим людям задавать такие вопросы.

Хотя, меня ж здесь за «своего» принимают. Прямо кино про разведчиков. «Свой среди чужих», так сказать. Грубость на языке всё же удерживаю. В конце концов, наши недо-отношения с Юлькой затрагивают уже слишком многих. Нечего пополнять список. Правда, что ответить, не знаю, и отделяюсь нейтральным:

— Да так. Есть повод.

— Ты на Юльку не сердчай только, она — девчонка хорошая, — убеждает меня Юлькина тётка, и я едва сдерживаюсь, чтобы не высказать всё, что про эту «девчонку» думаю. — Норов, конечно, тот ещё. В прадеда, царство ему небесное. Тот тоже — со всеми вечно переругается, а потом корит себя. Юлька такая же. Сердце у неё доброе. Да ты и сам, небось, знаешь. Не зря ж выбрал...

Выбрал... кто угодно Лиховерцеву выбрал, но не я. Да вот только мои попытки держаться подальше от этого Лиха вечно шли коту под хвост. Честное слово, отвадить её мне постоянно мешали обстоятельства, преподаватели и... черт возьми, моя к ней привязанность. Ну, прикипел я к ней за эти годы, что бы ни говорил. И про это отсутствие планов, конечно, зря ей там, на Приморском бульваре ляпнул. Я как раз думаю, что был не прав и даже размышляю, что можно бы и извиниться, перевести в шутку, когда в дверях появляется Юлька.

— А, — я прямо чувствую негласное продолжение «Земцов», но при тётке обратиться так ко мне Лиховерцева не решается, — и ты тут. Шёл бы, высыпался. Нормально, — она особо выделяет это слово, и я, конечно, улавливаю намёк. То, что назвал сумасшедшей, мне простят не скоро. И если в Питере я мог укрыться от косых взглядов Юльки за соседней партой или за дверью своей квартиры, то здесь придется терпеть, пока туча не пройдёт. Ну, или всё же пытаться вымолить (тьфу ты) прощение.

— Юля, — начинаю говорить, — я погорячился...

— Я не знаю, о чём ты, — перебивает меня Юлька, очевидно, не собираясь принимать мои извинения. — Тётъ, я на пляж, не теряйте.

— А Рома? — хмурится тетка. — Не лучше бы...

— А Рома — взрослый мальчик, который не любит загорать, — перебивает её Юлька. Вот коза! — Правда ведь?

И перед этой... даже слова подобрать не могу... Лиховерцевой (эта фамилия давно в лексиконе моих ругательств) я хотел извиниться? Ну, уж нет. Обойдётся. И я без неё обойдусь. Пляжи меня и впрямь не привлекают, лучше сам прогуляюсь без её назойливого жужжания в ушах.

— Да, Юля права, я лучше прогуляюсь, — как можно натуральнее улыбаюсь я, — иди, любимая... — вот же гадость.

— Спасибо, — Лиховерцева улыбается также искренне, как и я. — Козлик.

— Юля! — вспыхивает тётя Люба, но Юлька уже отпускает тюль, заменяющую здесь дверь (иначе совсем от жары сдуреть можно было бы), и через минуту за ней хлопает калитка.

— Да ничего, я привык, — успокаиваю я женщину.

В конце концов, я и впрямь привык. Но в груди обиженно кто-то сопит.

На пляж я так и не иду. Конечно, тётя Люба с особой тщательностью объясняет мне, куда и как я могу отправиться, но я выбираю другой маршрут — военный, так сказать. В конце концов, какой мальчишка не зачитывался в детстве книгами о героях. Да и Жюль Верн нашёл свое место на моей книжной полке, так что романтика морских глубин меня, эх, к себе манила. Наверное, поэтому я и поехал вместе с Лиховерцевой сюда, к морю.

Общеизвестно, что Севастополь пережил две крупные обороны. В детстве мне было непонятно, почему их признают героическими — ведь по сути оба раза город после продолжительных боев был сдан противнику и разрушен до основания. То ли дело родной Ленинград, так и не сдавший свои позиции. Но... Сейчас во мне куда меньше юношеского максимализма. Да, войска отступили, но и врагу это особой пользы не принесло. Корнилов, Нахимов, Тотлебен... Поднимаюсь на Малахов курган с мыслями о них и о славе русского флота в целом. Нет, я не собираюсь на флот, военной кафедры в родной альма матер мне хватило, но ценить чужое мужество я умею.

В размышлениях о героическом прошлом Севастополя, я не замечаю, как оказываюсь у бастиона. Чуть-чуть побродив, отправляюсь к кассе. Желающих посетить экспозицию музея

немного, но кассир пробивает билеты чудовищно медленно. Я подумываю о том, чтобы развернуться и уйти, но тут подходит моя очередь. Оплатив свой билет, отправляюсь ко входу в Оборонительную башню. Я осматриваю предметы, связанные с Первой обороной Севастополя, как вдруг слышу знакомый голос:

— Ну и что ты тут делаешь?

Вот же блин! Напротив меня стоит сердитая Лиховерцева.

— Посещаю музей, если ты не заметила, — я стараюсь говорить тише, а вот Юлька себя такими мелочами не утруждает.

Кажется, все слышат, как она произносит:

— Ты за мной следил?

Фыркаю. Ещё чего. Делать больше нечего. Возомнила о себе незнамо что. Одно дело приехать вместе, другое — ходить везде, как Шерочка с Машерочкой (и откуда я такое выражение знаю, небось, от той же Лиховерцевой).

— Хочешь сказать, что оказался здесь случайно? — допытывается Юлька, хорошо хоть громкость своей речи снижает.

— Ничего я не хочу, только узнать больше об обороне Севастополя, — обхожу Лиховерцеву и внимательно разглядываю очередной мундир XIX века. Интересно, хорошая копия или действительно с тех времён сохранился?

— Допустим, — Юлька движется вслед за мной, и мне это не нравится. — Но...

— Но ты, — перебиваю, — кажется, собиралась на пляж. Отсюда, как я успел заметить, море видно, но ты уверена, что здесь есть пляж?

— Есть вообще-то, — отрывисто кидает Юлька, она всё ещё злится, но я, неплохо её зная, понимаю, что скоро она остынет. — Но да, я изменила свои планы. Странно, что они совпали с твоими.

— Поверь мне, я удивлен этому не меньше. Ну что, пойдём дальше каждый по своим делам или уж вместе? — может, зря я это предложил, но уйти в разные стороны — это подкинуть дров в огонь Юлькиного гнева. Нет, пускай лучше затихнет, а то мне с ней ещё спать (да, двусмысленно звучит, но из песни слов не выкинешь).

Юлька молчит, но, когда я отхожу к следующему экспонату, она следует за мной. Что ж, выбор сделан. Остаток экспозиции, правда, мы осматриваем в тягостном молчании.

— Куда дальше? — спрашиваю я, стоит нам оказаться снаружи. Юля неотрывно смотрит на «Вечный огонь», расположенный неподалеку. Затем отзывается:

— Ладно, покажу тебя кое-что интересное. Корабельная сторона, конечно, не самая занимательная часть Севастополя, но всё же. Плавки взял?

— Нет, — я и впрямь не думал, что на прогулке по городу мне понадобится эта часть гардероба.

— Упущение, — ухмыляется Лиховерцева. — Запомни, в городе на море купальные принадлежности всегда должны быть при тебе. Если ты, конечно, не предпочитаешь плавать гольшом или в исподнем.

Только тут я замечаю, что у Юльки из-под платья торчит завязка купальника. Интересно, совсем по-мальчишески будет дёрнуть её и развязать? В конце концов, Лиховерцева меня вообще в воду столкнула. Пока я думаю подшутить над ней или нет, она отходит от меня на приличное расстояние. Разгадала замысел? Как бы там ни было, Юлька уже далеко от меня. Так далеко, что даже недовольно оборачивается, как бы говоря: «Ты идёшь?». Я, естественно, следую за ней.

— Ну, так и где тут пляж? — спрашиваю я, чтобы завязать хоть какой-то разговор. Юлька машет вдаль. Я осматриваю виднеющиеся вдалеке лодки у причала. Наверное, там. В общем, только киваю. Лиховерцевой, наверное, виднее.

— Ты хорошо ориентируешься в Севастополе?

Юлька оборачивается ко мне, явно размышляя, что ответить. Затем вздыхает.

— Честно говоря, хуже, чем мне бы хотелось. Вот Мишка, тот да. Всё-таки это его родной город.

О двоюродном брате Лиховерцевой, комнату которого мы сейчас занимаем, я, конечно, наслышан. Даже видел как-то мельком после его злополучной аварии, когда Юлька примчалась ко мне в слезах. Бррр. Такое вспоминать не хочется.

Юля тем временем продолжает.

— У нас случай был. Как раз здесь, на Корабелке. Это, конечно, не одесская Молдованка и не питерское Купчино, но порядки свои тут тоже имеются. Ну, в то время, по крайней мере,

имелись. И вот прикопались к нам как-то местные ребята. Мол, вы не отсюда, детки, гуляйте. Мне тогда лет двенадцать было, Мишке — шестнадцать. Меня, правда, все за его девчонку принимали, — Юлька улыбается, — мне это льстило безмерно. Ну а тут подколки начались, мол, валите, малолетки... Мишка-то у меня не особо высокий. В общем, дело близилось к драке и явно не в нашу пользу. Братец решил разрулить, говорил, что хоть и не местные, но тут тоже знакомые имеются...

— Без драки не обошлось? — со знанием дела уточняю я. В конце концов, я тоже в юности не был примерным мальчиком.

— Обошлось... — смеется Юлька и цыкает на меня. — Но ты не дослушал! Парни Мишку и спрашивают: «А Маккензи знаешь?» Он замялся... А я как выдаю: «Знаем!»

— Блефовала, — с уверенностью выдаю я. — Удивлён, в покер-то вечно сливаешь.

— Не вечно! Только на Новый год, — возмущается Юлька. — И то, мне просто играть не хотелось, — и пихает меня кулаком в бок, — ...ты дашь мне закончить или нет?

Я киваю, уверенный, что и так понял суть истории, но, оказывается, не всё так просто.

— Блефовать я и вправду не умею, — признает Лиховерцева. — Но в тот раз сработало... потому что я не врала, я правда знаю Маккензи. Вот только не того, которого они имели в виду. Это мне потом Мишка объяснил, он-то, оказывается, знал, о ком речь, просто не был уверен — поможет нам это знакомство или, наоборот, ухудшит положение.

— Так, а ты о ком говорила? — искренне интересуюсь я. Я могу скептически относиться к характеру Лиховерцевой, но истории она рассказывает неплохие.

— Об основателе Севастополя — Томасе Маккензи. — говорит она. — Здесь ещё горы Мекензиевы есть.

— Хм-м... — задумываюсь я. — А что он здесь забыл... с таким именем.

— Томас? — уточняет Лиховерцева. Я киваю. — Я плохо помню, честно говоря. Знаю, что он — шотландец по происхождению, а вот как он русским флотоводцем стал — не помню. Но факт остается фактом: именно он дал начало городу Севастопо-

лю. Кстати, в России его звали Фома. Даже Фома Фомич. Правда, смешно?

Я смотрю на смеющуюся Лиховерцеву и думаю, что всё-таки не готов с ней расстаться на совсем. Думаю, всё-таки изредка видеться мы будем. О чём ей и сообщаю. И терплю её оценивающий взгляд. Чуть покачав головой, она выдает:

— Я подумаю. Может, и не будем.

Вот же! А на меня за похожие слова обиделась. Может, мне стоит тоже обидеться. Но я только лениво пожимаю плечами.

— Так, где тут, говоришь, пляж? Уж придумаю, как испугаться.

С Лиховерцевой всё же не соскучишься. Дни летят. Ночи... хм-м... тоже. Мы приходим с Юлькой к компромиссу и спать становится проще. По крайней мере, не так жарко, да и в бока никто не пихает. Тетя Люба — прекрасный кулинар, а дядька Лиховерцевой — тот ещё балагур с запасом историй на любой случай. В общем, отдых, действительно, мне нравится. До тех пор, пока в доме не появляется брат Юльки, тот самый Мишка. Нет, он не злится, что мы заняли его комнату. Спокойно обосновывается в гостиной на диване, смеётся над шутками своего отца, треплет Юльку по волосам... и как-то странно посматривает на меня. Помнится, мама Лиховерцевой тоже на меня косилась, но с ней я встречался не часто, а тут...

В предпоследний вечер моего недолгого пребывания в гостях он словно выжидает, когда Юлька, умаявшись, отправится спать, и предлагает мне чаю. Особого желания я не испытываю, но всё-таки остаюсь на кухне. Кроме нас с Мишей — никого: Юлькин дядя — на смене, его жена — типичный жаворонок и никогда не засиживается долго. Только, если мы с Лиховерцевой где-то бродим допоздна. Тогда она выходит из дома, накинув на домашнее платье шаль. Читает, вяжет... В общем, делает вид, что не тревожится. Но я слышу, как облегченно она вздыхает, когда мы оказываемся дома. Сегодня все домочадцы на месте, и ей ни к чему бороться со сном.

Чай мы с Мишей пьём молча. Я поглядываю то на часы, то на дверь — вдруг Лиховерцевой захочется узнать, где я, и она

придёт. Юлька не приходит. Миша молчит. Я допиваю чай и благодарю за компанию. Правда, когда я встаю, чтобы покинуть кухню, Миша заговаривает со мной (а я-то надеялся, что чаем дело и ограничится).

— Что происходит? — спрашивает он, и я застываю на месте. Улыбаюсь.

— Где? — задаю уточняющий вопрос, а то не хватало ещё выболтать лишнего зазря. Но нет, увернуться не удастся.

— У вас с Юлей, — что ж, это с самого начала был проваль- ный план. И я не про увороты говорю, а про ложь, сочиненную Лиховерцевой. Да я и сам хорош.

— Всё в порядке у нас с... — запинаясь. — Юлей.

— Мне-то можешь не врать, — усмехается. — Я о ваших раз- борках столько слышал, что как-то мало верится, что вы внезап- но вспыхнули неземной любовью друг к другу.

Шах и мат. Говорю же, я хорошо играю в шахматы на слегка выпившую голову. «На чай» мои партии идут плохо.

— Не буду, — говорю я. — Просто Юльке показалось, что так будет проще объяснить моё присутствие здесь.

Миша внимательно смотрит на меня, взвешивая мои слова. Врать ему, действительно, бессмысленно. Если тётя с дядей и могли никогда не слышать о моём существовании, то любимый брат Лиховерцевой — вряд ли.

— Это-то понятно, — растягивая слова, медленно произно- сит он. Видимо, я всё ещё под подозрением, хоть и не понимаю, в чём меня обвиняют. — Но что ты вообще здесь делаешь? Отдох- нуть на халяву решил?

Мне перехватывает дыхание от такого предположения. Что ж, наверное, я и впрямь выгляжу... альфонсом? Тьфу ты. Вечно Лиховерцева меня в дерьмо втягивает. А сама-то дрыхнет небось.

— Нет, я... — и замолкаю. А что ответить? Я и сам не знаю, почему поехал, повёлся на странное предложение Юльки. Сам же весь выпускной мечтал о том, как окончательно распроща- юсь с ней, её хитрой лисьей мордой и множеством ипостасей. В общем, что ответить, я так и не придумываю, поэтому просто по- жимаю плечами. — Она позвала, а я согласился. Не спрашивай зачем, сам не знаю.

— Да верю я тебе, — внезапно смягчается Михаил. — Просто... Я ж от неё с двенадцати лет слишком назойливых кавалеров отваживаю. А она как мне назло — приедет, в самые короткие юбки нарядится. Все мои друзья заглядывались, хоть и мелкая. Я ей: «Нельзя так, Юлька», а она мне: «Так лето же». Лето... знаю я это лето, шилопопое. А тут приезжаю, а она с «женихом», а жених — ты. Я уж мамке с батей не стал ничего говорить, а с тобой вот надо было. Она ж глупенькая.

Я хмыкаю. Вот кем-кем, а глупенькой я бы Лиховерцеву не назвал. Бывает, конечно, дурой, а так — хитрая. И умная. И что уж, симпатичная. Неудивительно, что парни с подростковых лет заглядывались.

— Может, не надо было гонять кавалеров, сейчас авось настоящий бы жених был? — спрашиваю. Ну а впрямь, может, кто и «проскочил мимо», с таким-то братцем.

Но Миша качает головой.

— Не, Юлька не для них. Умная больно. Пусть лучше ровню ищет. Главное, чтоб не женатого, — и мы оба грустно усмехаемся, вспоминая женатую Юлькину любовь. Тот, конечно, ровня был, но... Вспоминать о нём не хочется.

— Я спать, — наконец говорю я. Разговор вроде окончен, а спать и впрямь хочется. Тем более, Лиховерцева обещала меня рано поднять. Говорит, что раз всего один день остался, надо уложить в него максимум. Я бы с удовольствием просто полежа у моря, но Юлька ж упёртая...

— Ты смотри там, — шуточно грозит мне Миша. И внезапно спрашивает. — Слушай, а как ты её зовешь? Юлька как-то говорила, а я забыл...

— Юля, Юлька, Лиховерцева, — задумчиво перечисляю я, затем чуть тише (не прилетело бы за такое), — моё персональное Лихо...

— А, точно! — Миша басовито смеётся.

— Она обижается, — говорю я, а он продолжает смеяться.

— Не всё, на что она обижается, ей во вред, — глубокомысленно замечает Юлькин брат.

Я только пожимаю плечами, не зная, что и ответить.

Прежде чем уснуть, я долго смотрю на спящую Лиховерцеву. Вот уж впрямь Лихо. Вот только есть большое «но»: оно — моё. И что с ним делать — непонятно.

— Знаешь, я никому это место не показывала, — торопливо тянет меня за собой Юлька. — Нет, мы, конечно, с ребятами, да и с тётей, бывали здесь не раз, но вот это конкретное — только моё. Даже родителям не показывала. Мишка, наверное, его знает, но мне нравится представлять, что оно только для меня.

Я оглядываюсь на золотой купол Владимирского собора. Я ожидал, что мы заглянем туда, но Юлька только отмахнулась: «Я не в юбке, да и голову нечем покрыть. Неудобно». И вместо этого вот тянет меня куда-то.

— Я искала собор и башню, ну которая Башня ветров — знаешь, она ведь одно из немногих памятных зданий в Севастополе, которое пережило обе осады. Да и просто красивая. А дальше спустилась сюда...

Юлька подводит меня к лестнице между домов, не переставая говорить.

— Здесь рядом есть гимназия. Наверно, я бы там училась, если бы была помладше. Ради этой лестницы-спуска рядом, — говорит она, а я считаю ступеньки. — На самом деле, это улица или переулок. Я не сразу об этом узнала. На карте увидела, но название, естественно, забыла. Так вот, я бы скакала по ней, размахивая портфелем. Вообще-то севастопольские школьники, которых я здесь видела, так и делают. Загорелые, пропитанные солнцем... Мне в детстве так хотелось здесь задержаться подольше. Научиться торговаться на рынках, знать, где купить самый вкусный виноград, проводить вечера на Приморском бульваре и давать подсказки «как проехать» приезжим. Стать своей для этого города.

— Стала? — спрашиваю я. Юлька останавливается и хмурится. Постукивает пальцами одной руки по другой. Волнуется?

— Не знаю, — нерешительно говорит она, и мы продолжаем спуск. — Иногда кажется, что да, вот-вот и мне откроются все тайны, а потом, бац, и я понимаю, что всё — ерунда и мне ещё открывать и открывать... — запинка. — Этот город.

Мы доходим до конца. Здесь тихо. Появляется ощущение, что мы где-то вне города и вне времени.

— Чувствуешь? — Лиховерцева смотрит на меня. Она так близко, что мне некомфортно, хоть мы и провели всю эту неделю в одной постели (другу Костяну лучше об этом не рассказывать, подколок будет...)

— Ч-что, — мямлю я.

И делаю трусливый шаг назад. Но Юлька вновь сокращает расстояние.

— Вневременно, — серьёзно говорит она. — Я ещё ежевику здесь люблю. Но главное — это безвременно. Кажется, что все звуки и проблемы исчезают. Однажды встретила здесь мальчишку. Он скакал по лестнице и громко хрустел яблоком. Я шла за ним и страдала из-за неправильного выбора профессии... А он скакал и был таким беззаботным. Мне тоже так хотелось. А вместо этого у меня был юрфак в анамнезе и один доставучий козёл.

— Я.. — не спрашиваю, утверждаю. Даже свою «женатую любовь» она козлом не величает, только меня.

Лиховерцева вроде кивает, хотя это неважно, потому что я... о Боги... её целую. Это не первый наш поцелуй с Юлькой. Игра в «бутылочку» на студенческом экваторе, её «личный проект», со злости и на спор... и впервые осознанно, желая этого.

Не летают бабочки, не ходят по спине мурашки. Просто я в безвременно целуюсь с Юлькой, моим персональным Лихом.

— Ты голодный? Знаешь, здесь неподалеку неплохое кафе. Мне нравится, хотя можно и просто на Приморский бульвар выйти. Там, наверное, есть палатки с едой. Правда, яблоки в карамели там невкусные. Натуральные, наверное, но невкусные. Однажды, червивое даже попало, — Юлька тянет меня за собой, и вот мы уже на оживленной улице. Мимо мчатся машины. «Век двадцать первый», — понимаю я. В этом веке нет места тревожному томлению насчёт Лиховерцевой. Безвременно кончилось, да и оставшееся время в Севастополе измеряется часами, а не днями. Уже вечером я буду мчаться в Питер. Лиховерцева останется здесь. И все глупости, конечно, останутся вместе с

ней. Когда она вернётся, всё забудется. Это просто волшебство Севастополя, моря... и безвременья.

С такими мыслями я провожу весь оставшийся день. Лиховерцева, кажется, о поцелуе и вовсе не беспокоится. Ну и я о нём думать не буду. Подумаешь. Первый, что ли. Вот только он, как белая обезьяна из притчи, застревает в моей голове.

Я стараюсь не думать о нём, когда тётя Люба обнимает меня на прощание, а Мишка крепко жмёт руку. Хотел бы я видеть их своей семьей? Тьфу ты. На них я, может быть, и согласился, а вот Лиховерцева... Она же... она же...

А что она? Нормальная девчонка со своими тараканами, к которой я всё-таки прикипел за эти годы.

— Ну, до встречи в Питере? — спрашиваю я Юльку на вокзале.

Она пожимает плечами. Я хмурюсь.

— Не знаю, — говорит она и ногой ковыряет асфальт. — Я, может, не вернусь... Нет, приеду, конечно. Но надолго ли — кто знает. Думаю, переехать.

— Лиховерцева, ты ж питерский человек! Тебе нельзя столько солнца, — я пытаюсь шутить, получается, наверное, неловко, но Юлька слегка улыбается.

— Может, ты и прав. Говорю же — не решила пока. Конечно, тут нет таких удобных подоконников, но и суеты нет. Здесь можно ловить безвременье, — и смотрит внимательно на меня. Я даже, ничтоже сумняшися, подумываю поцеловать её вновь (в безвременье и впрямь есть какое-то паршивое волшебство), но Юлька буквально ныряет в сумку и долго там копается. Наконец достаёт измятый конверт (у неё все документы такие, давно заметил).

— На, держи, в поезде прочитаешь. Не люблю провожать, я пойду, ладно? — быстро обнимает меня и устремляется прочь, прежде чем я что-то успеваю сказать.

Я окрикиваю её, но она не оборачивается. Знаю, что слышит, но от звуков моего голоса только прибавляет скорость. Я делаю шаг следом, но поезд гудит, и я принимаю это за сигнал. Тем более, Юлька, конечно же, вернётся в Питер. Она без него не сможет. Да и без моего подоконника. И, может, без меня тоже — на

кого будет злость срывать и козлом обзывать? На ум мне приходит её давнее эссе обо мне. Его я побыстрее хотел сжечь, это же письмо стремлюсь прочитать сразу, как оказываюсь в вагоне.

«Ромка! — пишет Юлька, и я, стыдно сказать, улыбаюсь, что не привычное «Земцов». — Ты, наверное, мучаешься вопросом, почему я позвала тебя с собой. А кто ж его знает. Я не планировала, просто... Просто мне так давно хотелось кому-то показать город моего сердца. Да-да, я про Севастополь. Как-то звала девчонок — они не смогли, потом пыталась поехать с... не буду называть его имя... но какой ему отдых со мной, была же жена (и как вы мне позволили с ним связаться?). В общем, я решила предложить поездку тебе. В конце концов, благодаря тебе я поехала в Венгрию, а я не люблю быть должной. Но во время госов ты так злобно на меня смотрел, что я почти передумала. Решила — откажешься. Почти сдала билеты. Кстати, удивительно, но ты не спрашивал, откуда у меня твои данные. Но это и неважно. Короче, я почти отказалась от этой идеи, но на выпускном ты шутил со мной и (я видела!) хмурился, когда я осушала очередной бокал. И я решилась. Так сказать, монетку подкинула: загадала, что если поедешь меня провожать, то предложу, нет — сдам билет. Ты согласился. Честно сказать, мне очень интересно: «Почему?». Но спросить я так и не решилась. Вряд ли из-за меня. Да, я обиделась, когда ты намекнул, что рад будешь избавиться от наших встреч. Конечно, я давно об этом догадываюсь. Что там — даже знаю, но мне сложно представить, что после этого отпустика я тебя, возможно, не увижу. Я пока не решила окончательно, но всё больше склоняюсь к тому, чтобы остаться здесь, в Севастополе. Меня ничего не держит в Петербурге. Кроме родителей (но надо ж от них отрываться), Эрмитажа (Даная «вздохнет спокойно» без моего пристального взгляда) и твоего подоконника (устал, бедный). У друзей всё равно начнётся своя жизнь, учёба закончена, а на работе я, думается, достигла своего «потолка». Парня у меня нет. Вот только ты не входишь в эти категории, и я никак не могу решить, буду ли я по тебе скучать. Такая глупая Лиховерцева. Мне нравится ругаться с тобой, но мириться

— нравится больше. Нравится, когда ты смеешься надо мной, но гораздо лучше, когда смеешься вместе со мной. Нравится...

Твоя неделя здесь оканчивается. Я якобы сплю, ты на кухне разговариваешь с Мишкой. Я бы подслушала, но боюсь узнать лишнее. Да-да, именно я, твоё персональное Лихо, боюсь услышать что-то, что мне придётся не по душе. Мне слишком понравился этот отпуск. Особенно, когда ты мокрый шлёпал домой. Прости, это было смешно... В общем, спасибо за поездку. Юля».

Ниже я вижу приписку. Шрифт там мельче и скачущий, явно написано в спешке.

«Нет, больше всего мне понравилось быть с тобой в безвременье. Жаль, что безвременье — кратковременно».

Я сжимаю письмо в руке. Нет, я не злюсь. Если только самую малость. Жаль, что безвременье — кратковременно. Жаль, что Лиховерцева решила остаться в Севастополе. Хотя, думается, она всё-таки не выдержит без Данаи и коней на Аничковом мосту, без посиделок с нашими девчонками в кафе недалеко от Казанского и их «самодельных» вечеров поэзии, без моего подоконника... и меня.

Надеюсь на это. Ведь письма я писать не умею, а объяснить-ся нам стоит.

Поезд мчался дальше.

Наша история, надеюсь, тоже.

Ведь безвременье — кратковременно, а Лиховременье — нет.

Александр ГРАНОВСКИЙ

г. Симферополь. Крым.

ЧИСЛА МУ

«Жизнь даётся человеку только раз и надо прожить её в Бостоне», — любил говорить Антон, когда ему было хорошо. А хорошо ему было теперь всегда, с тех пор как он окончательно перебрался жить в компьютер.

Если бы ещё в компьютере иногда давали пиццу (или на худой конец, гамбургер с кофе), и можно было выполнять супружеские обязанности, которые настигали его, порой, врасплох, и были похожи на партизанские вылазки в стан врага, — он бы считал, что жизнь в целом удалась. И можно с интересом смотреть в будущее, где Майкрософт скоро выпустит новую программу «Superlife», которая в чём-то даже лучше жизни, так как этой программой можно, по крайней мере, управлять.

А самое главное, с помощью этой программы он сможет управлять своей женой Юлькой, которая будет думать, что она думает, а на самом деле, Юлька просто не способна думать, такой уж ей достался процессор. Зато Юлька хороший друг, товарищ и брат, в смысле, сестра... и даже жена.

У неё вообще лучший в Бостоне борщ. А как она капусту квасит... с чабрецом! Он, Антон, может, ради этой капусты на ней тогда в Москве и женился. Просто в Бостоне капуста не такая — говорят, с геном не то каракатицы, не то медузы. Или это в картошке такой ген... Потому что в салате ген крысы.

Тут у них, в Америке, в каждом фрукте или овоще какая-нибудь «гена»... Что-то типа вируса в компьютере. Но с вирусом в компе хотя бы можно бороться, а как поборешься с геном каракатицы в капусте или с геном медузы в помидорах. Особенно во сне, когда холодные щупальца тянутся к твоим... а потом это оказываются руки Юльки... И никаких помидоров нет... А есть ночь, и завтра Юлька из этих помидоров приготовит борщ, на

пробу которого народ уже записывается на месяцы вперёд. Недавно, даже один индус записался. Натуральный такой индус в чалме, что называется, на босу... голову. Он думал, что Юлька семинары по борщу проводит. Сказал, что ему другой индус сказал, что борщ сильно продлевает жизнь. А ему надо, во что бы то ни стало, продлить жизнь, чтобы увидеть, кем станет в своей другой жизни совсем плохой индус, который увёл его девушку Зиту. На что Юлька сказала, что борщ не только жизнь продлевает...

А капусту она теперь покупает у китайцев. Говорят, они её прямо из Китая доставляют. На своих летающих тарелках. В смысле, самолётах... Словно специально для Юлькиного борща, благодаря которому скоро все будут жить вечно, только станут зелёными человечками, чтобы меньше места в капусте занимать и совсем перестанут размножаться. Да и зачем?..

Но всё это не имеет никакого значения, а имеет значение, как сказала этому индусу Юлька — кто кого имеет...

Всё это я вытащил из его файла в промежутках между раскуриванием сигареты и глотками пива, к которому Антон относился, как к ритуальному напитку игры. И рано или поздно наступал момент, когда пиво стирало зыбкую грань между жизнью в компьютере и жизнью вне, или, как говорили продвинутые юзеры — «расширяло сознание». И тогда в это «расширенное сознание» мог проникнуть «гость» из других миров, которого Антон воспринимал, как неизбежность — как плату за...

Он так и не придумал этому своему состоянию слова. А может, оно ещё и не существовало, это «слово». Он даже начинал бояться, что стоит этому слову появиться — и всё исчезнет, как «с белых яблонь дым». Как исчезло когда-то далеко в детстве, когда они с мамой и бабушкой жили в Крыму, и мама тоже любила говорить, что «жизнь даётся человеку только раз и надо прожить её в Крыму». А потом так говорила его жена Юлька, но уже в Москве, где они вместе учились в энергетическом институте.

Но Москва его предала, а точнее продала. Спасибо всё той же Юльке, которая, конечно, хотела как лучше, а получилось, как всегда. Это она тогда нашла организацию с загадочным названием «Global Corporation», которая по всему миру собирала лучшие мозги и продавала их в нужные места.

Ему ещё крупно повезло, что его мозг оказался в Бостоне. А ведь мог с таким же успехом оказаться в Гондурасе... Работать на террористов... Или на международный наркокартель, щупальца которого (опять эти щупальца!) дотянулись уже до... чтобы с помощью наркотиков превратить народ в... которым легче управлять и которому будет по барабану, что есть и что пить, и какая каракатица будет им, народом, управлять из своего помидора или из своей капусты.

Но у каждого своя карма. А карма случайностей не признает. В сущности, карма — это что-то вроде программы наперёд. А так как эта программа связана с другими программами, то лучше в ней ничего не менять. Ибо нам не дано предугадать, чем «наша глупость отзовется». И рано или поздно любая мысль упирается в буддизм. Поэтому все компьютерщики тайные буддисты. Для них не важна цель, а важен путь, который ведёт в пустоту Му. Но настоящий самурай не должен бояться пустоты, в которой обитают духи. Так как «духи» — это всего лишь не рожденные самураем мысли, которые ещё не успели стать словами... А словами они становятся потом, когда цифры начнут заменять буквы.

У него уже давно совсем другая жизнь и он другой, потому что так надо, чтобы соблюдать правила игры, которые лучше соблюдать... чтобы не было ещё хуже.

Так когда-то говорила его бабушка, которая каким-то образом тоже была причастна к этой игре. Что подтверждал выцветший чернильный номер на её левом предплечье, который он увидел случайно и всего раз, но запомнил навсегда, цепкой памятью одиннадцатилетнего ребенка, который родился стариком (как и все козероги) и всю оставшуюся жизнь старел (в смысле, молодец) задом наперёд. И сейчас ему было по всем признакам всё тех же лет одиннадцать, и тот выцветший номер всё больше и больше не давал ему покоя. Словно подсмотрел какую-то тайну, которую бабушка унесла с собой, но сделала так, чтобы он запомнил...

И он помнил: № 271276... И даже пытался расследовать, что мог значить этот номер... на наружной стороне левого предплечья ближе к локтю.

Первой, у кого он спросил, была историчка, Софья Львовна, которая рассказывала о древней истории, — о походах Александра Македонского, о мужестве спартанцев. О Великом Царе Царей Митридате Шестом Евпаторе, который воевал с Римской Империей целых 45 лет. О последних часах Митридата, который приказал своему телохранителю Битоиту убить его мечом, чтобы не дать это сделать своему сыну — Фарнаку, который поднял против отца родного восстание и вот-вот с минуты на минуту должен ворваться в этот последний оплот цитадели... Уже приняли яд любимые дочери Митридатис и Нисса, а его, Митридата, яд не брал, так как он всю жизнь принимал противоядие, в которое входило много ядов...

Но Фарнак и после смерти отца продолжил войну с Римом, и тогда войска возглавил сам великий Гай Юлий Цезарь, который где-то в районе теперешней Грузии разбил войска Фарнака и послал в Рим гонца со ставшей с тех пор знаменитой фразой «пришёл, увидел... победил...»

А потом они с Софьей Львовной на горе Митридат собирали древние черепки, каждому из которых было... подумать только!.. две и более тысячи лет!.. На некоторых ещё сохранились следы истории, которая совсем рядом... можно сказать, под ногами, но люди ходят по этим черепкам и не задумываются, потому что не знают... А те, кто знают, почему-то думают о другом...

Он ещё хотел спросить о Гае Юлии Цезаре, который убил сына царя Митридата и которого, в свою очередь, убьёт его тайный сын Брут...

Но урок уже закончен. Он видел, как дети незаметно выбрасывают черепки... которые завтра будут находить другие дети и так же с замиранием сердца искать на них остатки чёрного или красного лака.

И тогда, чтобы как-то отвлечь Софью Львовну от этого печального зрелища, он и спросил её о цифрах на руке бабушки.

— Дети, попрошу вернуть черепки на место, — сказала Софья Львовна, словно ничего не слышала. — Завтра у меня здесь урок... И только несколько шагов спустя, уже совсем другим голосом:

— А ты у мамы спрашивал?

— Спрашивал...

— И что она сказала?..

— Сказала, что бабушка не любила на эту тему говорить.

— Да, есть вещи... которые лучше не спрашивать.

Он потом и ещё у одного человека спрашивал, уже в институте — у седовласого доцента с такими же бездонными, словно выцветшими от времени, как у бабушки, глазами. Но этот человек сказал, что есть вещи, которые лучше не знать.

Однажды ему попалась книга Джерри Бауэра, в которой говорилось, что «ваша жизнь складывается так, как складываются Ваши числа». И он какое-то время, и в самом деле, играл в числа.

Всё это было интересно, но как-то несерьёзно. И только в одном случае его просто пронзил озноб — когда вместо цифр бабушкиного номера начал подставлять буквы (из специальной таблицы в книге). И получилось слово Бостон... в котором он сейчас и жил. Но как об этом могла знать бабушка... или те, кто накалывал ей эти цифры много лет назад — продолжало для него оставаться непостижимой тайной теперь уже навсегда.

Иногда он даже начинал думать, что, может, тогда и в компьютерщики пошёл, чтобы найти этот номер... и забыть. Потому что жить со всем этим дальше невозможно. Но его бабушка жила... И не просто жила, а своей жизнью помогала жить другим. Так как уже тогда знала то, о чём он сумел догадаться лишь много лет спустя — жизнь человеку даётся не раз и не два, а столько, сколько он, человек, этой жизни заслуживает...

А номер 271 276 это что-то вроде кода доступа, который он может набрать теперь, даже не выходя из своего компьютера...

И сразу увидел бабушку... Она, как всегда, перебирала гречку... Значит, сейчас зима и в печке весело трещат дрова. А, как стемнеет, к бабушке придёт соседский дед Трохим, чтобы рассказывать о конце света, который уже не за горами, совсем недолго осталось ждать... Поэтому и бояться большее нечего... Хотя могут кого-то и забрать... Из восьмого номера вон Кольку Пророка забрали... Но страха в этих словах не было, так как конец света был важнее. Он был, как высшая справедливость, которой не смогла помешать даже война. Люди в хрустящих сапогах тоже думали, что будут жить дольше хруста своих сапог,

а на рассвете за ними прилетали птицы... Просто Конец Света наступал не для всех одновременно. И в этом была великая тайна жизни, которая открывалась не каждому и не сразу, на каком-то пределе примиряя с другой не менее великой тайной — смерти, которая почему-то казалась ближе.

...И тогда дед Трохим непослушными и пожелтевшими от махры пальцами, начинал сворачивать из куска газеты «Правда» душистую «козью ногу», сквозь дым которой пытался рассмотреть будущее. Но сильно мешал кашель, от которого у него выступали слёзы. И сквозь кристальную чистоту слезы он успевал увидеть бабушку... которая как раз только приехала из Орловской области в затерянный в степях городок Бобринец, чтобы найти там свою судьбу... или потерять.

И даже сейчас, по прошествии стольких лет, и не вооруженному слезой взгляду было ясно, какая бабушка была красивая, словно её и в самом деле послали (ясное дело кто) этой немислимой красотой спасти мир, который уже начинал катиться в никуда. И бабушке ничего не оставалось, как спасти одного человека — его деда Никифора, который спасал уже потом бабушку.

Сначала от «белых», потом от «красных», потом от «зелёных», потом от банды Григорьева, потом от банды... да разве всех упомнишь. А потом и сам ушёл к батьке Махно, чтобы громить ненавистных коммуняк, которые хуже любых бандитов... хуже чумы и любого мора, потому что им было нечего терять.

Об одном только дед Никифор жалел всю свою оставшуюся жизнь — почему с батькой Махно не ушёл через Дунай в Румынию. Но это был бы уже совсем другой файл. А значит, тогда его дедом вполне мог бы стать дед Трохим... и его маму звали бы не Валентина, а Любовь... И тогда он, Антон, был бы уже не он... А это значит, что и женой его была бы не Юлька, а какая-нибудь...

Шарон... по фамилии Стоун... или 12736, если на цифры перевести.

А черепок с горы Митридат у него и сейчас с собой. Иногда Юлька тоже берёт его в руки, чтобы увидеть море. Но видит только пустоту Му, в которой живут числа 3 9 2 5 или её любимый Крым, если на буквы перевести.

Эрик АБИРИ

г. Хайфа. Израиль.

ПЯТЬ ВСТРЕЧ

Впервые он увидел Крым в неполные шесть лет. Эрик ехал поездом второй раз в жизни и первый раз — к морю. За окном вагона мелькали города и поселки, на станциях шумели толпы пассажиров и провожающих. Пахло углем, фруктами и чаем.

Перелески и рощи сменились бескрайними степями. И вдруг... Огромное зеркало воды. Но, оно не было похоже на то море, что мальчик видел в кино.

— Это Сиваш, Гнилое море, здесь соль добывают, — пояснил дедушка.

Эрик кивнул, сделав вид, что ему всё ясно. Гнилое так гнилое. Значит настоящее, Чёрное, ещё впереди. И он зачарованно смотрел, как поезд бежит по длинному-длинному мосту, прямо над водой! Потом снова была степь, ещё более сухая, без единого деревца. Но, постепенно, ландшафт менялся, показались какие-то холмы...

И вот поезд остановился. В вокзальной суете, сквозь людской гомон и ставшие уже привычными железнодорожные запахи, Эрик почувствовал что-то новое, неуловимо прекрасное. А через несколько минут он понял. Это море! Блещающее в солнечных лучах море.

Город с красивым названием Феодосия не был похож ни на Киев, ни на Львов, ни на Мелитополь. У этого города было своё, странное и притягательное лицо. Мальчику было уютно на его улицах, уютно в квартирке, которую они снимали. Ему нравилось подниматься на второй этаж по скрипучим деревянным ступеням. Нравилось завтракать с бабушкой и дедушкой в маленькой столовой. Нравилось идти по базару, разглядывая сувениры и украшения, сделанные из раковин. Здесь Эрик впервые попробовал настоящий леденец — петушка на палочке. Это лакомство было вкуснее любых конфет из магазина.

На пляже с ним случилось первое маленькое приключение. В тот день был довольно сильный прибой (а может и не очень сильный, но так показалось шестилетнему мальчику). Эрик нацепил надувной резиновый круг и радостно ринулся в море. Налетела волна и... Каково же было его удивление, когда он внезапно увидел мутный зеленоватый мир, где вокруг него плавали медузы. Кто-то крепко ухватил его за ногу... Только на берегу мальчик понял, что произошло. Круг сидел у него на поясе, и первая же сильная волна перевернула, познакомив Эрика с подводным царством. Дедушка усмехался, а бабушка охала и говорила, как испугалась, увидев над водой болтающиеся ножки внука.

Ещё одно приключение они пережили вместе, когда на несколько часов застряли в Планерском, куда ездили на экскурсию. Почему-то, очень долго не было обратного катера. Бабушка опять распереживалась, ворча о том, что им придется ночевать в чужом месте под открытым небом, как босякам! От этой поездки у Эрика сохранился, на долгие годы, маленький красивый значок с изображением летящего планера.

Вообще-то, что каждый день, для того, чтобы попасть на Золотой пляж, нужно было плыть на катере, страшно нравилось мальчику. Вот красота, так красота! Морской ветер, солёный воздух брызги волн и приятная качка — что может быть прекрасней?! Встречный корабль казался ему огромным, чуть не до самого неба. А однажды, вот удача, они увидели в море настоящую подводную лодку! Мальчик очень гордился этим и неоднократно рассказывал товарищам в детском саду, а потом и в школе.

Уже перед самым отъездом домой, они посетили знаменитую картинную галерею Айвазовского. То, что Эрик увидел, потрясло его: Море, сколько у него, оказывается, цветов и оттенков, сколько чувств и настроений. Какое оно может быть разное — то нежное, ласково искрящееся, а то суровое, губительное. С тех пор, если Эрика просили назвать великих художников, первым он неизменно называл Айвазовского.

Поезд нёс мальчика обратно домой, а Эрик всё ещё слышал плеск черноморской волны, её запах и вкус.

* * *

Семь лет спустя состоялась его вторая встреча с Крымом. Короткая, но яркая. Они с мамой поехали на Кубань, куда их пригласили давние друзья семьи. Всю дорогу от керченского вокзала говорливый таксист развлекал их местными новостями. Но Эрик его почти не слушал. Город всё тянулся и тянулся, он казался бесконечно длинным. Мальчик вспоминал дедушкины рассказы о том, как в начале тридцатых тот жил здесь, работал на заводе и учился в техникуме. О том, как дедушкин друг, Яшка-татарин, угощал невероятно вкусной кониной. О том, как много змей водится у горы Митридат и ещё о чём-то...

Порт-Крым оказался вовсе не портом, а обычной большой пристанью. Катера возили пассажиров через пролив в Порт-Кавказ.

— Смотри, — сказала мама. — Это знаменитый Боспор Киммерийский!

Катер шёл на восток, к Таманскому полуострову. Справа, со стороны Чёрного моря, накатывали большие тёмно-синие валы. Слева, со стороны Азовского, сновали мелкие зеленоватые волны. А вокруг маленького кораблика, то и дело вскипали водовороты, чтобы тут же распасться. Эрика поразило зрелище здоровенных медуз. Кто бы мог подумать, что такие громадины водятся не где-то далеко, в тропических морях, а прямо здесь! Всё это настолько впечатляло мальчика, что он ощущал себя чуть ли не аргонавтом...

* * *

На следующее лето было решено познакомиться с Крымом уже по-настоящему. Была подготовлена палатка и намечен план действий. Но, в конце мая, маму прихватила аллергия, и она решила остаться дома. Её место в «экспедиции» занял Игорь, парнишка из народного театра, который она возглавляла.

В дождливый июньский день, Эрик, отец и Игорь вышли из вагона поезда «Москва—Симферополь». И пусть погода никак не вязалась с летним, курортным образом Крыма, всё окупил поездка в удивительном междугороднем троллейбусе. Наличие такого транспорта стало для Эрика настоящим открытием, а скорость, им развиваемая — просто восхищала!

Не обошлось и без маленького дорожного происшествия.

Склон размыло дождями и, около получаса они ждали, пока с дороги уберут завал из камней. А уже в Ялте, на набережной, они видели, как милиционеры ведут какого-то человека в наручниках, очевидно преступника. Ну, всё как в кино!

Алупка оказалась маленьким симпатичным городком, немного странным, но, довольно милым и уютным. После двух часов блуждания по окрестностям компания нашла удобную поляну на пригорке, где и была установлена палатка. Место оказалось очень удачным. Тропинка проходила ниже по склону и здесь не шастали любопытные. С трёх сторон полянку окружали «таинственные» густые заросли. И конечно — шикарный вид на море!

Следующие две недели были удивительны.

Эрику так нравилось просыпаться в палатке, радостно бежать на каменистый пляж, начиная день морским купанием. Они много ходили пешком, катались на катере, а вечерами, у костра, пели под гитару. Чудесный Воронцовский дворец, будто вышедший из сказки, напомнил Эрику старый и очень смешной фильм «Праздник святого Йоргена».

Увы, эти две недели пролетели, как два дня. Но, сидя в кресле душного автобуса, мчавшего по раскалённой солнцем степи, парень всё ещё видел волшебные зубцы Ай-Петри, уютную полянку и Чёрное море.

* * *

Прошло девять лет. Страны, где Эрик родился и вырос, больше не было. Безумные вихри носились по просторам Родины, разделенной на маленькие удельные квартирki. Пустели заводы, в полях уже ржавели скелеты бывших ферм и миллионы купонов, лежавшие в кармане студента, не делали его богатым.

В тот год их команда КВН стала победителем сезона, и руководство университета решило премировать ребят. Третьекурсникам полагалась летняя педагогическая практика, которую традиционно проходили в пионерских лагерях. И хотя пионеров уже не было, лагеря оставались и работали. А что может быть лучше, чем работа на южном берегу Крыма?! За это удовольствие ещё и деньги платят!

Эрик прошёл по берегу от Алушты до Семидворья пешком. Всего-то семь километров. Лагерь с громким названием «Днепророгэс» появился внезапно, лишь только он перевалил через небольшую горку. Курорт, маленький курорт! Три скромных корпуса-сталинки. Ещё несколько зданий более поздней постройки. Всё в окружении огромных старых кипарисов. И розы, просто невероятное количество роз на цветниках. Это райское место понравилось студенту сразу и навсегда.

Две смены, почти два месяца счастья.

Конечно, временами приходилось трудновато. Ведь ему катастрофически не хватало времени на сон, а детские порции в столовой не насыщали молодой организм. Да и повозиться с малышкой пришлось изрядно. Ему достался самый младший отряд, детишки семи-восьми лет. Вот была морока! Но они искренне любили своего вожатого, и этим окупались все неудобства.

А во вторую смену он влюбился. Так сильно, как никогда прежде. И были удивительные дни, и были волшебные ночи. И они заплывали в море так далеко, что видели вершину Демерджи.

А когда смена окончилась, Эрику уже не хотелось уезжать.

* * *

Прошли годы. Новый век и новое тысячелетие.

Эрик повидал чужие страны. Он видел Мраморное море и море Эгейское. Он купался в Средиземном и Красном. Но лучшим, всё равно, продолжал считать Чёрное.

Когда приятели предложили съездить в Судак, он с радостью ухватился за это предложение. Тем более, что там работал официантом человек, который должен был ему крупную сумму денег. Так почему бы не совместить приятное с полезным!

Три дня в Судаке превратились в целую круговерть ярких событий. Приятели постоянно куда-то ходили, постоянно пили чудесное вино. Эрик был очарован Генуэзской крепостью, которую умудрился облазить всю за несколько часов. Он фехтовал с реконструкторами, ел лагман, пел песни и снова пил вино. Он пешком пришёл в Новый свет и кричал от восторга, глядя на бухту, которую видел в десятках фильмов. Лучшее шампанское,

которое ему когда-нибудь приходилось пробовать, он пил здесь — холодное, прямо из погребов винзавода.

Проснувшись на четвёртый день, Эрик осознал, что у него в кармане осталось несколько гривен, а долг, от неуловимого официанта, получить так и не удалось.

Историю о том, как и на какие средства он добирался домой, оставим за рамками нашего правдивого рассказа...

* * *

В тот день по телевизору показывали документальный фильм о Второй Мировой, смонтированный из материалов сделанных немецкими кинооператорами. Вдруг, сидевший в кресле дедушка, вскрикнул. Там, на экране, советские моряки прыгали в море с высокого утёса. В одном из них дедушка узнал своего младшего брата.

Эрик знал, что тот сражался в морской пехоте, защищал Севастополь и пропал без вести летом сорок второго года.

По лицу деда текли слёзы.

Чёрное море принимало в свои солёные объятия защитников Родной земли...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИСТИЧЕСКИЕ

Наталья РУБАНОВА

г. Софьино. Московская область.

ВОСЬМАЯ НОТА

— Ялос, Ялос! — услышала Мария, и обернулась. — Ялос!

Человек в белом напудренном парике, одетый по европейской моде восемнадцатого века, шёл по Набережной и, размахивая руками, говорил сам с собой.

— Ялос! — человек приблизился к Марии, а, поравнявшись, пошёл дальше. — Ялос!

— Ещё один... Нажрутся, легенд этих идиотских наслушаются, — пробубнила про себя уставшая от самой себя Мария, и посмотрела вниз, где, недалеко от воды, фотографы с пошленькой бутафорией красивой жизни (якобы двухсотлетней давности) пытались привнести «красоту» в мир: приезжим — в изгаженную Ялту — за гривны.

Будто прочитав её мысли, странный человек обернулся и, немного медля, поспешил назад, к Марии, пытавшейся достать сигарету. Но ветер был слишком силён для этого времени года: Мария никак не могла прикурить.

— Позвольте? — предложил незнакомец огниво.

Мария, быстро заглянув в зрачки мужчины, отметила, что тот трезв необычайно, и что его платье заметно отличается от тех дурацких пёстрых подделок, оставшихся там, внизу, у фотографов.

Мария глубоко затянулась, и хотела уже, было, ограничиться «спасибо», однако что-то удержало её. Быть может, это были руки безымянного человека с удлиненными фалангами пальцев, быть может, его выпуклый лоб, а, может, глаза, цвет которых Мария удивленно и бессознательно, подобно 25-му кадру, отложит в выдвижные ящички памяти.

...Ночную сорочку можно было надевать только спереди: из-за нарыва он не мог поворачиваться: руки и ноги были воспалены и отекли. Ватный халат сиротливо висел на спинке стула. Снова пришёл доктор, чтобы сделать кровопускание и поставить на голову холодные примочки с уксусом: после таких процедур больной часто терял сознание. Пение любимой канарейки слишком волновало его, поэтому клетку пришлось перенести в другую комнату. Рвота отнимала все силы: почти полная неподвижность в течение последних пятнадцати дней. Когда 5 декабря 1791-го, около часу ночи, он умер, его и без того больная жена легла на ту самую постель, чтобы умереть от той же инфекции. Д-р Клоссет дал ей успокоительное: затем женщину с двумя детьми отправили к друзьям.

«Любой труп должен быть обследован перед погребением, чтобы было ясно, что не произошло насильственное умерщвление... Умер ли человек естественной смертью или его жизнь закончилась насильственным образом. О выявленных случаях необходимо сообщать властям для дальнейшего официального расследования».

My tres chere Cousine!

Прежде, чем написать Вам, я должен сходить на двор... Теперь дело сделано! Ах, как стало снова легко на сердце! Словно камень с души свалился! Теперь снова можно лакомиться! Если опорожнися, то можно жить в своё удовольствие... Да-да, моя любимая девица-сестрица, вот так на свете этом: кому кошель, а кому монеты. Воистину, кто верит, тому воздастся, а кто не верит, тот в рай попадет; но попадет напрямик, а не так, как я пишу. Так что вы видите, что я могу писать, как захочу — красиво и дико, прямо и криво... Ничего нового не знаю, кроме того, что старая корова навалила нового дерьма. Засим addieu, Анна-Мария-Замочница, урожденная Ключеделка. Будьте отменно здоровы и всегда любите меня; напишите мне поскорей, потому как страшный холод на дворе...

Мария не знала, что делать: то ли тут же брать интервью, то ли пустить на самотек, то ли... — нечто третье. Он пристально посмотрел на неё и, видя замешательство, улыбнулся:

— Вы всегда сможете найти меня в трактире Серебряная змея. Там всегда собираются актеры и музыканты.

— Но где это трактир и как я найду его?

— Там, сразу за гостиницей. Вы непременно его увидите!

— А они? Они — тоже увидят?

— Какое вам дело ни них? Я же сказал, вы всегда найдёте меня в Серебряной змее.

Мария отвернулась всего на секунду: рядом с ней уже никого не было. Она потёрла виски и огляделась. Набережная гудела, плыла, покачивалась на тяжёлых волнах шашлычных испарений и промозглого морского воздуха.

«Дикая смесь! — подумала Мария. — Совершенно дикая смесь! Как же я хочу в то место, где нет этих ужасных гор и этого проклятого чистого воздуха!»

Мария кашляла, вдыхая чистое.

...В комнате стоял кисловатый запах; Констанце и Софи приходилось шить по несколько ночных сорочек — больной сильно потел, и на теле его от этого выступала просовидная сыпь. «Четыре гранта рвотного порошка растворить в одном фунте воды. Каждые четверть часа давать больному. После рвоты, чтобы облегчиться, давать пить тёплую воду», — настаивал д-р Штолль.

А Он вспоминал узкие улочки Зальцбурга и — сразу же, без модуляций — проданную за игорные долги клячу: она обошлась покупателю в четырнадцать дукатов. Ему хотелось на воздух: жареные рёбрышки, кусок белуги, пиво... — было это или не было? А его слуга, Йозеф «Примус»? Он был? А струнный квинтет ре минор? Его классифицируют потом, после, как «KV 516»; квинтет был написан за 12 дней до смерти отца; что такое «KV 516»?! Что можно запихнуть в этот шифр? А пропахшие мышами ратуши Аугсбурга? Откуда этот запах, эти шорохи, эти голоса? И чье, черт возьми, это воспоминание — его, или его отца? Он не помнит, не помнит, не помнит... Он только видит, как Констанца склоняется над ним, видит, как дрожат её ресницы, как сжимаются её губы.

А ведь он женился, чтобы сделать свою жену счастливой!
Умирающий оставлял семье 200 гульденов наличными, на
400 гульденов — имущества и долг около 3000 гульденов.

Маленький Карл плакал за дверью.

Mademoiselle

Ma tres chere Cousine!

Возможно, Вы подумали или даже считаете, что я уже скончался! Я помер! Или издох? Но нет! Не думайте так, прошу Вас, потому что подумать и посрать — вещи очень разные! Как бы я мог так чудесно писать, если бы я был мертв? Как это было бы возможно?...Теперь же я имею честь задать вопрос: как Вы изволите поживать, регулярно ли ходили на двор? Не мучит ли Вас запер? Любите ли Вы ещё меня? Между делом, часто ли пишете мелом? Вспоминали ли Вы обо мне хоть иногда? А повеситься пока ещё не желали? Не злились ли Вы на меня, несчастного дурака? А если не хотите кончить добром, то, клянусь честью, обещаю Вам громкого подпустить! Что, Вы смеетесь? Я победил! Я так и знал, что Вы не сможете дольше сопротивляться...

Мария приехала в Ялту, чтобы сменить обстановку. Собраться с мыслями. Взять интервью у некой знаменитости с тем, чтобы перевести текст и продать за очень неплохие бабки в очередной «...news». Мария приехала в Ялту, сменила обстановку, взяла интервью, почти перевела, но с мыслями так и не собралась.

Между тем, оставалось ещё несколько дней. Праздношагающая толпа на Набережной, лениво шаркающая тапками и задевающая жирными пальцами пальмы, не вызывала у Марии ничего, кроме снисходительного презрения. Толстые — и не очень — тётки и дядьки, парни и девицы, худошавые, загорелые, торговцы бог знает чем, и — солнце, солнце... Проклятое пофигистичное солнце, от которого никуда не!

Мария понимала, что с каждым часом всё больше и больше стерженеет, и ненавидит эту, изгаженную «разумными млекопитающими», красоту. Ей слишком хотелось исчезнуть, но об-

ратный билет был только на понедельник. Ещё несколько убитых дней. Вся жизнь и ещё несколько убитых дней. Но что-то ведь Он говорил о Серебряной змее. Быть может, это её, Марии, шанс? Быть может, она приехала сюда именно за этим интервью? Не сочтут ли её сумасшедшей? Но ведь она видела Его только что — здесь и сейчас, на Набережной!

У него был цвет глаз, который Мария сразу отложила в выдвижные ящички памяти. Это всего лишь 25-й кадр.

Погребение по третьему разряду. 8 гульденов 36 крейцеров. 3 гульдена на дроги. Вполне приемлемое решение для вдовы с двумя детьми. Двое похоронщиков. «Свой-свой» и «свой». Зюсмайер, Дайнер, ван Свитен, Сальери. Сильная буря: снег и дождь. Констанца Моцарт остаётся дома.

Катафалк едет по большой Шуллерштрассе к кладбищу Святого Марка, что расположено в четырёх километрах от Собора Святого Стефана, в котором отпевали усопшего. Последние из сопровождающих рассасываются у Штубентор, не дойдя до самого кладбища: кучер подгоняет лошадей, буря усиливается — никак не поспеть за дрогами, да и какой уже в том смысл? Ужасная, вся в выбоинах, дорога. Полная темнота.

Приехав, могильщики оставляют тело в «хижине усопших», двери которой никогда не закрываются. Погребение совершается на следующее утро Симоном Пройшлем.

«Так как при похоронах ничего другого не предусматривается, как только быстрее отвезти тело, и чтобы не препятствовать этому, следует зашить его в гроб без всякой одежды в полотняный мешок, опустить в могилу, засыпать негашеной известью и сейчас же закрыть землей... Священники не должны сопровождать покойников до их могилы», — гласит приказ Иосифа II-го.

Необозначенные ряды могил. Надгробные камни только у стен кладбищ. Спустя восемь лет общие могилы заполняются заново. Спустя 17 лет после смерти мужа Констанца пытается найти место его погребения. Могильщик говорит ей, что предшественник сам недавно скончался, а он ничего не знает о тех,

кто был похоронен до его вступления в эту должность. Констанца Ниссен поджимает губы и уходит.

У-хо-дит.

Мария оглядывается по сторонам: ищет. Но всюду одна только Ялта, город контрастов. В Макдональдсе не улыбочивые — в отличие от столичных ребят — дивчата и парубки, приехавшие с Украины на заработки. Отдыхающие, не знающие, на что ещё истратить эти гривны. Местные, предлагающие жилье «у самого синего моря». Букетики сушёной лаванды и можжевельные подушки. Дыни, персики, пальмы, волны, чайки и... — равнодушная к тому, что творится у собственного подножия, — Ай-Петри. Солнце.

Тихий ужас. Между тем, Мария мечтает взять интервью у Моцарта. Ведь он жив. Она только что с ним разговаривала! И где эта Серебряная змея? Нужно найти этот трактир... Найти во что бы то ни стало... Срочно продумать вопросы... так-так... ещё... Ведь это будет настоящей сенсацией — интервью с самим Моцартом! Никто никогда не брал у него интервью, а она — Мария — сделает это первой! Нет-нет, её не сочтут сумасшедшей и не отправят в дурдом. Нет-нет! Нет-нет... так-так... ещё...

Мария сворачивает на Чехова, и оказывается как раз перед трактиром.

«Странно, раньше я не замечала здесь этого заведения! Значит, всё правда... Как трогательно!»

Мария заходит в «Серебряную змею» и чувствует, что голова плывёт. Обонянию не известны эти запахи. Оно не привыкло. Где-то как-то даже подванивает. Пожалуй, её, Марию, сейчас стошнит. Странно: неужели здесь и вправду — Он?

— А-у, маэстро! — кричит Мария. — А-у! Есть здесь кто-нибудь?.. — и окидывает взглядом пустой зал.

— Я здесь, — отвечает Он издалека; Мария слышит Его приближающиеся шаги из второй комнатки. — Здесь.

Марии кажется, будто она впадает в глубокий сон, и в этом самом сне — наяву — всё видит.

— Выпейте тамариндовой настойки! — улыбается Моцарт. — Выпейте, выпейте! Не стесняйтесь, я же знаю, вы иногда-час то пьёте, — подмигивает Моцарт. — И даже позволяете себе напиваться! — Моцарт легонько хлопает Марию по плечу:

— Я же не дам вам яду! Или вы думаете, что я предоставлю вам смесь из сурьмы, свинца и белого мышьяка, которую в семнадцатом веке получила некая Феофания ди Адамо? Говорят, между прочим, будто впервые подобное ассорти было применено дочерью этой самой сицилианки, Джулией Тофана, с целью убийства... — разговаривая, Моцарт подвёл Марию к грубому деревянному столу, накрытому клетчатой скатертью, и предложил сесть.

Присев, Мария обнаружила на себе вместо джинсовых шорт и открытой белой майки длинное пышное платье розового цвета с почти выпадающей из него — наружу — грудью: последняя деталь, казалось, доставляла Моцарту ни с чем не сравнимое удовольствие: он довольно долго косился на вырез, а потом сказал:

— Вы напоминаете мне сейчас одну потаскушку из Милана. На ней было точно такое же платье и её вымя так же вываливалось наружу. Не обижайтесь! Я говорю не про ваше... — у вас шикарная грудь! Пожалуй, я не вижу только сосков. Что ж, наверняка, мужчины уже много раз оценили их по достоинству, а Мария? — Моцарт подмигнул ей.

— Что вы себе позволяете? — привстала она, хмуря брови. — Мне плевать, что вы гений. Если вам нужна шлюха, то на Набережной их хватает...

— Погодите, — перебил её Моцарт. — Извините меня. Просто я хотел сказать, что ваше тело создано для любви, вот и всё. А у меня лет двести уже не было женщины, понимаете?

Блуд — слово это включает в себе двоякий смысл: уклонение от прямого пути, в прямом и переносном смысле, а так же относится собственно к незаконному, безбрачному сожитию, к любодейству.

My tres chere Cousine!

В большой спешке, с полным раскаянием и сожалением и с твёрдой решимостью пишу я Вам и сообщаю, что завтра отправляюсь в Мюнхен. Любимая сеструха, не будь страшнухой!... Если Вам также захочется видеть меня, как и мне Вас, то приезжайте в чудный город Мюнхен. Поста-

райтесь ещё до Нового года сюда поспеть, чтобы мне вас спереди и сзади осмотреть. Я Вас хочу по городу поводить, и если нужно, то и клистиром угостить. Об одном я только сожалею, что не могу Вас у себя поселить. Потому что я не в гостинице, а у... где? Хотел бы я знать. Теперь шутки в сторону. Мне важно, чтобы Вы приехали, потому что Вам, возможно, придется сыграть большую роль. Так что приезжайте, а то срано очень...

Напишите мне тотчас в Мюнхен *Poste restante* небольшое письмишко странички на 24, но не пишите мне, где Вы остановились, чтобы я Вас, а Вы меня не нашли...

— Так вы согласны дать мне интервью, господин Моцарт?
— спросила Мария гения, утопившего глаза в тамариндовой настойке.

Моцарт улыбнулся, поднимая голову:

— Что ж, вертите столик. Вертите, вертите, не бойтесь!

Мария подняла брови и крутанула грубый круглый стол.

— После каждого поворота задавайте вопросы.

— Но почему? — удивилась Мария. — Зачем мне вертеть его? Почему я не могу задать вам вопросы без этого?

— Потому что нам понадобятся третьи лица, — сказал Моцарт, и закурил сигару.

— Ну вот, он и завершил полный оборот, — сказала Мария, поглядывая на останавливающийся столик. — Мы кого-то ждём?

— Чуть позже, — ответил Моцарт, и снова покосился на грудь Марии.

— Я могу достать диктофон?

— Конечно, — улыбнулся Моцарт. — И всё-таки, вы удивительно похожи на ту потаскушку. У неё были такие же большие влажные глаза. Карие. Как вишни в коньяке!

Мария сделала вид, что не расслышала: у гениев свои причуды, — решила она, забив на кое-что, и включила диктофон. В конце концов, именно от этого интервью зависит её карьера. Да что там карьера!

Именно эта публикация принесет Марии известность, возможности, деньги...

Возможный гипертекст можно будет использовать в различных модификациях — наверняка, если его разложить на несколько уровней...так-так...ещё...

Интервью:

— М.: Скажите, господин Моцарт, как более двухсот лет вам удавалось скрываться ото всего человечества, до сих пор с упорством кладоискателя ищущего место вашего захоронения, и так хорошо сохраниться? Где вы находились все это время на самом деле?

— В. М.: ми-ь ре-ре, ми-ь ре-ре, ми-ь ре-ре-си-ь ...

— М.: Не совсем точный перевод, господин Моцарт. Не могли бы вы рассказать об этом поподробнее?

— В. М.: ре-до-до, ре-до-до, ре-до-до-ля, ля-соль...

— М.: М-м-м. Спасибо, маэстро. А не могли бы вы рассказать о ваших отношениях с кузиной — небезызвестной Марией-Анной Теклой? Известно, что она была дочерью младшего брата вашего отца, и вы провели с Марией-Анной две недели в Аугсбурге, по пути в Париж. Сохранилось восемь или девять писем не совсем пристойного содержания, которые много раз хотели уничтожить ваши родственники. Что вы может сказать по этому поводу? Было ли у вас что-нибудь?

— В. М.: До-ре-ми-до-ре-до.

— М.: Вы, так же как и ваш отец, считаете, что «...жопа лечит голову?» Я позволила себе цитату из его письма к вашей матери.

— В. М.: До-ре-ми-до-ре-до.

— М.: Дорогой Моцарт, я чувствую, вы не в духе, и всё же... Миллионы людей хотят получить правду из первых уст... неужели после двухсотлетнего молчания вы так ничего и не скажете? Милый Моцарт, вы не можете так поступить! Они же ждут, ждут, ждут ваших признаний! Они готовы сожрать их с потрохами! Я вырежу потом этот текст, не беспокойтесь... Скажите мне только, как вы относитесь к тому, что Констанца решила посетить вашу могилу лишь через 17 лет после вашей смерти? Как известно, она была особой ветреной и склонной к мотовству.

За что вы любили её? Почему «занимали у Пьера, чтобы отдать Полю», в то время как ваша жена отдыхала на курортах?

— В. М.: Ля-ля-до#-ми-ре-ре... Ре-ре, до-си-ъ ля-соль-соль...

— М.: К тому же ваша страсть к её старшей сестре, Алоизии Вебер, модной певице, впоследствии вытершей о вас ноги... вышедшей за актера и художника Ланге...

— В. М.: соль-ля-соль-фа-ми-ре-до#-до#...

— М.: Вы не хотите говорить?

— В. М.: Ля-ми-до#-соль-ми...

— М.: Отец лишил вас наследства — за «непослушание» — несмотря на то, что с помощью денег, заработанных вами в многочисленных турне, он открыл свой музыкальный магазин и даже издал «Школу скрипичной игры». Ирония судьбы! Леопольда Моцарта лишила наследства собственная мать, когда тот забросил университет, и стал музыкантом... Ваша сестра так же была обижена на вас...

— В. М.: си-ля-соль#-ля-до, ре-до-си-до-ми...

— М.: Констанца после смерти второго мужа поселилась в Зальцбурге, но никогда не встречалась с вашей младшей сестрой Наннерль — женщины успешно обходили друг друга, хотя и ходили по одним и тем же улицам...

— В. М.: фа-ми-ре#-ми-си-ля-соль...

— М.: Вы любили карты, бильярд, вино и удовольствия, не так ли, господин Моцарт? Не прикрывайтесь масонством, вы были ещё тот игрок, и ваши долги...

— В. М.: Всё, что я хотел сказать, я сказал своей музыкой, Мария. Закончим этот маскарад и отправимся поскорее в постель.

— М.: В постель? С вами? Но вы же мёртвый! К тому же, в вас всего 153 сантиметра росту! И вместо уха у вас щель, которую вы старательно прикрываете волосами! Думаете, врождённый дефект карлика не заметен?! Да и не испытываю я никакого влечения... Как же я пойду с вами в постель? — повысила голос Мария.

— В. М.: Ножками, милая, ножками! Они очаровательны не в пример вашему острому язычку — хотя, в деле и тот согдится! У вас есть одно преимущество: вы — живая. И вот вы, такая живая,

берете интервью у мёртвого карлика. Интервью, которое потрясёт мир. Какая вам разница — брать интервью у гения или спать с ним? В обоих случаях, об этом напишут во всех газетенках! Боже, как же вы похожи на ту шлюху! Так бы и ущипнул вас за!..

— М.: Моцарт, вы самый гениальный на свете хам.

— В. М.: Я? Я — хам? — Моцарт расхохотался. — Это Вы, Вы выворачиваете наизнанку моё нижнее бельё, пишете свои мерзкие статьи и ещё смеете издавать мои письма и письма моей семьи! «Событие века!», «Впервые в истории!», «Полное собрание писем Моцарта», «Исповедь звезды!» Да как вы посмели? Как вы посмели ворошить то, что никогда нельзя трогать руками? Я представляю, что будет с архивом этой русской Цветаевой, когда до него допустят жаждущих информации букводумов! Знаете, больше всего я ненавижу всех ваших «...ведов». Да потому, что они — недоумки, недоделки! Посвятить всю собственную жизнь тому, чтобы узнать, в каком году у Франца Шуберта был сифилис? Потратить её на изучение диагнозов? Между делом слушая музыку? И вы — вы — туда же? Когда я увидел вас там, на Набережной, вы показались мне такой... другой! Поэтому я и предложил вам огниво! И вот, вы приходите сюда, в Серебряную змею, чтобы задавать мне гнусные вопросы? В таком случае, кроме сисек и задницы в вас ничего нет, вы просто безмозглая дырка — отвратительная благоуханная дырка, с которой я не хочу иметь никаких дел! Более двухсот лет такие как вы не дают мне спать спокойно. У меня постоянно болят ноты!!! Постоянно!! Уходите, — Моцарт закурил сигару и отвернулся. — Убийрайтесь к чёртовой матери!

То, что он увидел, когда повернул голову назад, удивило и смягчило его: плачущая обнаженная женщина стояла перед ним на коленях:

— М.: Если я не дам в номер это интервью, то навсегда сгнию в паршивой газете. Сгнию. Ты ведь знаешь, как это легко — сгнить?! Вольфганг...

— Моё рождение едва не стоило матери жизни. В восемь вечера 27-го января 1756-го, я появился на свет — хотя, лучше сказать, «во тьму», последним из семи детей. Правда, в живых

остались только мы с Наннерль. Как и многих, нас не кормили грудью, давая вместо молока медовую воду.

— Нет, милый, нет! — запротестовала Мария, целуя тонкие пальцы Вольфганга. — Об этом можно прочитать в любой твоей биографии!

— Но что ты хочешь услышать? — Моцарт откинулся на подушку и положил руку на грудь Марии. — Неужели ты думаешь, что я расскажу тебе что-то новое? То, чего нет в этих дурацких «исследованиях»? Да, мой прадед был кучером, а дед — картузником. Отца лишили наследства из-за того, что он не захотел стать иезуитом. Мама умерла в парижской конуре, и я долго никак не мог сообщить об этом в Зальцбург... Моё полное имя — Иоганн Хризостом Вольфганг Теофиль. Он же — Готлиб. Четыре имени означают четырех покровителей перед богом. Что ты ещё хочешь знать?

— Я люблю тебя в твоей музыке, поэтому хочу знать о тебе всё. Я не буду давать интервью в номер. Я...

— Любишь? Любишь гениального карлика-мертвеца с врожденным дефектом уха? Карлика-Моцарта, про которого сняли «Амадеуса»? Карлика, которому, как пишут ваши «критики», Констанца изменяла с Зюсмайером, и не только? Карлика, так сильно увлѣкшегося ученицей Магдаленой, женой своего друга — масона Франца Хофдемля, что довѣл его до самоубийства? Он бросился с ножом на Магдалену, бывшую на пятом месяце и вскрыл вены бритвой сразу после моей смерти... Но Магдалена выжила... Только... Только... — Моцарт взял лицо Марии в свои ладони. — Неужели ты не понимаешь, что меня уже нет?

— Врёшь, милый! Ты есть! Есть! Я чувствую тебя, я слышу повсюду твои мелодии... Вольфганг! Я знаю, что без Констанцы ты иногда не мог написать ни ноты, но... что же делать мне? Вот я лежу с тобой — влюбленная, незащищенная, голая... Неужели ты выбросишь меня на помойку только за это?

— Знаешь, в детстве, гастролируя по Европе, я часто болел: отвратительные гостиницы, и всё такое. Ни к чему объяснять, про это тысячу раз писали. Так вот. Тогда отец клал поперек моей кровати доску. Ну, чтобы я мог сочинять. Записывать.

— К чему ты это говоришь?

— Тебе тоже нужна такая доска. Ты болеешь. Ты сочинишь блестящий текст. Запишешь его. Ты уйдёшь из своей паршивой газеты.

— Это говоришь мне Ты?

— Это говорю тебе Я, — сказал Моцарт и исчез.

Мария осталась одна в гостиничном номере. Она не могла определить точно, где заканчивался сон, а где начиналась явь. Мария потрогала смятую простынь: та была ещё теплой и, казалось, пахла только что исчезнувшим Моцартом. Мария снова закрыла глаза, и отчетливо увидела щенка Пимперля, вилявшего обрубком хвоста перед Вольферлом. Тот за обе щеки уплетал жареного каплуна, приготовленного кухаркой — толстухой Трезль. Рядом, за стулом Леопольда, примостилась любимая кошка Вольфганга.

«Вы меня любите?» — спрашивал чудо-ребенок родителей: действительно красивую пару. Те кивали, сдержанно улыбаясь, а Вольфганг уже нёсся к клавесину, несмотря на попытки Анны Марии его остановить, лелея мечту о свободе: с детства он воображал себя королём-музыкантом выдуманного царства Рюккен, где жили одни лишь дети.

Однако внезапный звук трубы, раздавшийся совсем близко, испугал «короля»: тот заплакал, и долго не мог остановиться — ведь звуки трубы такие громкие, такие грубые! Они так не похожи на те мелодии, что текут вместе с кровью по его жилам! Он долго боялся их... Поэтому стал сочинять свою музыку в пять.

Она (фаворитка курфюрста) — та, у которой в заднице торчит лисий хвост, а на ухе висит острая цепочка от часов, на пальце же — красивый перстень, я его сам видел, да порази меня смерть, если я вру, несчастный я человек без носа...

Входит родная сестра Моцарта.

При виде 76-летней почти слепой старухи Мария смущённо натягивает на себя простынь. Марианна же ходит по номеру, постукивая палочкой по полу — тихо-тихо, будто метит что-то: будто

кошка, прикармливающая территорию. Мария смотрит на неё, не в силах шевельнуться. Наконец старуха останавливается.

— На карту было поставлено Его будущее, — говорит она, пристально глядя в стену. — Я не была гениальна, но была талантлива. Ты не поймёшь, — Марианна машет рукой. — Не поймёшь. Я никогда не завидовала, хотя... — она поднимает слепые глаза к потолку. — Ты не знаешь, что такое объездить всю Европу в юности, а потом — до смерти — жить в Зальцбурге. Как бы тебе объяснить... — она ёжится. — Представь, ты выступала и в Париже, и в Риме... Но, после того как тебе приоткрылось всё их великолепие, приходится возвращаться в свою дыру: пре-по-да-вать. Уроки музыки с тупыми учениками. Не только тупыми, и всё же... Нет, тебе не понять, — Марианна снова машет рукой. — Не понять... С детства всё лучшее было отдано ему. Но я любила брата, это правда. Только не могла простить ему этой ужасной свадьбы, Констанци этой... Как-то в апреле он прислал мне из Вены письмо. Туда были вложены прелюдия и трехголосная fuga, «вдохновлённые», как он писал, его... женой. Оказывается, цыпа наслушалась фуг Генделя и Баха, и ничего кроме них слушать не желала. А узнав, что Вольферл не написал ни одной fugи, не отставала от него, пока мой брат не сочинил того, что ей так хотелось услышать... И он сочинил, конечно же! Лишь позже, значительно позже я поняла, что уже никогда не вырвусь из Зальцбурга. К тому же, что проку в том, если твоё чувство — пусть глубокое и прекрасное — не приносит тебе счастья? Пытаясь жить дальше, я вышла замуж — так, как вы сейчас говорите, «выходят в тираж». Он был на пятнадцать старше и с пятью детьми. Похоронил двух жен. Жизнь с попечителем Зонненбургом превратилась в дурной сон, от которого мечтаешь проснуться — но, сколь не щипай себя за руку, не просыпаешься — рад бы, да не выходит... После смерти папы, после всех этих наследных дел мы перестали общаться с Вольферлом. Я ничего не хотела. Или не могла. Не помню, я ведь давно умерла... События как-то стираются... Последние годы, после смерти мужа, я зарабатывала уроками: фортепиано, ученики — в сущности, гроши, но лучше, чем ничего. Потом — глаза... Я пере-

жила Вольферла на тридцать лет. Я не хочу, чтобы ты говорила кому-нибудь о том, что встречалась с ним в этом городке, тем более, в этой гостинице. Про Вольферла и так ходит слишком много сплетен... А он был замечательный. Действительно — замечательный! Его замечали. Но только я, наверное, чувствовала его стремление к совершенству и... его отвращение к своим же «старым» сочинениям. Мне было слишком хорошо известно, что мой брат тем меньше мог исполнять свои прежние произведения, чем сильнее он рос как композитор...

Слепая старуха смотрит сквозь Марию. Мария натягивает до подбородка одеяло. Марии холодно. Старуха поворачивается к ней спиной и исчезает. Марию трясёт: она еле-еле успевает добежать до туалета: «Что такое тошнота? Какого-такого Сартра?»

Моцарт шёл узкой ялтинской улочкой, размахивая руками. Дорога поднималась в гору: одышка не прибавляла радости так называемой прогулке по кастрированной жемчужине Крыма. Моцарта порядком достало интервью, но следующая за ним сцена вызвала странное, иное чувство — ему даже показалось, что на какую-то долю секунды он оказался вместе с Констанцей! Обхватив голову, постоянно сталкиваясь с отдыхающими, Моцарт приближался к какой-то пристани. Вдруг он остро ощутил запах Странной Женщины, которая в эту самую минуту уже видела перед собой Леопольда с Анной-Марией, и снова натягивала на себя одеяло. До подбородка.

Мария заметила, что тени на потолке приобрели очертания человеческих фигур.

— Кто здесь? — крикнула она.

В ответ раздался сухой кашель Леопольда, секундой позже — Анны-Марии. Постепенно Мария различила мужской и женский силуэты. Казалось, они надвигались на неё. Мария закричала. Силуэты как будто отделились, а потом придвинулись снова. Анна-Мария присела на краешек кровати, а Леопольд — на стул, стоявший рядом. Мария вскрикнула.

— Не бойтесь! — сказал отец чудо-ребенка. — Мёртвые на самом деле не так страшны, какими могут на первый взгляд по-

казаться! Мёртвых бояться не надо; имеет смысл бояться живых! — он покачал головой. — Что, в сущности, сейчас перед вами? Мыслеформа. Всего лишь ваша собственная мыслеформа. Пусть вас не удивляет, что мне знакомо это слово. Поверьте, за столько времени можно научиться понимать не только это...

Мария немного расслабилась и вымученно улыбнулась:

— Здравствуйте...

— Так-то лучше. Вам, наверное, интересно знать, зачем мы здесь и почему наше семейство никак не оставит вас в покое?

— М-м-м... — Мария посмотрела на мыслеформу матери Моцарта, и её передёрнуло: уж больно реальной та казалась.

— Сказать по правде, — продолжил Леопольд. — Я вижу в вас неплохую жену для Вольфганга. Да-да, неплохую жену! Знаете, я всегда был против брака с Констанцей — впрочем, это вам должно быть известно по многочисленным биографиям моего сына, в которых, кстати сказать, так мало правды! Но скажу вам одно: Констанцу привлекали в Вольферле не столько его мужские, скажем так, достоинства, сколько то, что будущий муж вхож в высший свет и аристократы называют его «чудом Вены» да «несравненным и божественным музыкантом». На свадьбу он подарил этой стерве, помимо нескольких десятков золотых луидоров, платьев и колец, ещё и роскошный дом с залом! Даже не получив моего благословения! Что самое неприятное — её мамаша, грязная хабалка, до этого всего потребовала с Вольферла расписку! Впрочем, об этом тоже писали: ему надлежало жениться на Констанце в силу определённых причин, или платить 300 гульденов ежегодно...

— Не забывай, что Констанца порвала эту бумажку, — встала, молчавшая до того, Анна-Мария.

— Не важно. Факт остается фактом! Он променял меня, нас — на паршивую девчонку! Бросил нас с Наннерль, стал жить своей жизнью! Как он смел?!

— А вам не кажется, — осмелела на последней фразе Мария. — Что именно это вообще и нужно делать — жить своей жизнью? Глупо превращать её в жертву — и не важно, в чьё имя! Если бы ваш сын не сделал этого, и если бы в какой-то момент

он не бросил службу у Колоредо — простите, но в таком случае Моцарт просто не был бы Моцартом!

— Не идеализируйте! — поморщился Леопольд. — Это всё басни. На самом деле, если бы не дурь, Вольфганг смог прожить ещё немало лет, и написать тысячи — слышите? Тысячи! Прекрасных произведений! Но он выбрал...

— Он сделал правильно, — перебила внезапно мужа Анна-Мария. — Он сделал всё правильно! За всю жизнь я не сказала тебе ни одного слова против. Но с колокольни стольких лет я стала видеть тебя лучше — тем более, в какой-то мере я и старше тебя, потому что умерла раньше, чем преуспел в этом деле ты, Леопольд...

— Что? — он оторопел.

— Ничего, — спокойно и грустно продолжала Анна-Мария. — Я умерла в ужасной комнате в Париже. Ты хотел славы для нашего сына. Денег, чтобы потешить собственные амбиции. Ты, конечно, не мог отпустить его тогда во Францию одного. Я же была принесена в жертву так называемому Искусству. Я жила — с марта по июнь — в чудесном городе в тёмной отвратительной квартирке с окнами на грязный двор. Я даже не могла вечерами вязать — настолько было темно, а на свечах приходилось экономить... Когда же мы переехали на новое место в середине июня, мне стало плохо ещё и физически, — мыслеформный голос Анны-Марии срывался, дрожал. — Во всех этих ужасных биографиях только и пишут о том, какой у меня был прекрасный, мягкий характер, и как легко... Так вот что я скажу: к чёрту. Уж на том-то свете я стану жить, как хочу — с этой самой минуты! Надеюсь, вы слышите меня, Мария? — мать Моцарта повернулась к ней. — Это единственное, что мы можем сделать хорошего на том и на этом свете, поверьте! Жить так, как хотим...

Леопольд стоял с опущенной головой, а Анна-Мария продолжала — казалось, она не говорила лет тысячу:

— У меня тогда поднялась температура. Знобило так, что, кровать подо мной тряслась. Голова болела жутко. Потом охрипла. Ещё подробности? Понос, да. Понос... Я не верила французским врачам, и только через неделю согласилась пригласить

знакомого немецкого лекаря — доктора Гайна. Через пару дней тот сказал Вольфгангу, что положение моё безнадежно: я была в коме. Вольфганг очень плакал: я умерла 3 июля 1778 года. В половине одиннадцатого, когда было уже темно.

Леопольд укоризненно посмотрел на жену и, достав из кармана камзола бумагу, развернул её и начал читать:

«Дорогой папа!

Я должен сообщить Вам неприятную и печальную новость... Моя дорогая мама очень больна. Ей, как она привыкла, пустили кровь. Это было необходимо, так как ей после этого становилось лучше... Она очень слаба... Пусть будет то, что должно быть, потому что я знаю, что Бог делает, всё на благо, если даже нам не всегда хорошо. Я верю в это, и никто меня не сможет переубедить в том, что ни доктор, ни какой-либо человек, ни горе, ни случай, никто не дает человеку жизнь и не сможет её взять, один только Бог...»

— Так какого дьявола он не сказал мне это сразу? Написал в Зальцбург, что ты ещё жива... А тебя на самом деле уже не было, Анна Мария... — с этими словами Леопольд опустился на колени и подполз к ногам жены. — Я так любил тебя... Прости...

— Я тоже любила тебя, Леопольд. Быть может, слишком сильно для того, чтобы оставить кусочек жизни для себя лично... Но я ни в чём не виню тебя. Как не должен ты винить и Вольфганга, и даже Констанцу. Он просто боялся. Хотел подготовить тебя к тому, что меня уже нет. А девочка? После роскошного дома, который стоил половину годового дохода Вольфганга, они переехали в дешёвую квартирку. Жили скромно... Чтобы заработать, наш сын брался за всё... И как тебе в голову пришло лишить его наследства? Неужели забыл, как сам остался без гроша в его годы? Впрочем... — Анна Мария странно улыбнулась. — Всё это в прошлом. Главное, теперь мы можем жить так, как мы хотим.

— Так, как мы хотим? — повторил за ней Леопольд, продолжая стоять на коленях.

— Да, — улыбнулась мать гения и помогла ему встать, а потом поцеловала в щеку.

Мария почувствовала, что этот поцелуй был бесподобно и безнадежно нежен — на земле таких не бывает.

Мария спала плохо. Ей снились странные сны: партитуры «Реквиема», залитые сгущённой. Когда она проснулась, оказалось, что её пальцы сладкие. Подняв глаза вверх, Мария заметила Констанцию — та была молода, и, если уж не очень красива, то прекрасно сложена и великолепно одета: длинное голубое платье с глубоким декольте подчёркивало фигуру.

— Ні! — сказала она.

— Ні! — ответила ей Мария, решившая уже ничему не удивляться.

Две женщины — живая и мёртвая — смотрели друг в друга.

Каждая — неосознанно — видела в другой соперницу.

Каждая — неосознанно — тянулась к другой.

Мария встала с кровати и, накинув на ночную рубашку халат, подошла к госте.

— Ты действительно всего лишь моя мыслеформа? — спросила она Констанцу.

— Похоже, так, — улыбнулась Констанца. — И, несмотря даже на это, свёкр наговорил про меня кучу гадостей. Да, я знаю — они с дочерью до сих пор не могут меня терпеть — в любом качестве... Именно поэтому мы и не встречались с сестрицей Вольфганга в Зальцбурге, куда меня занесло под конец той жизни.

— По-моему, ты ошибаешься, — запинаясь, сказала Мария. — Анна-Мария вчера сделал что-то совершенно особенное. Боюсь, что у мыслеформ не бывает таких поцелуев; мне кажется, я каждой своей клеточкой почуяла её тепло. Она что-то такое сделала... и с Леопольдом... я не могу объяснить... Это — не язык земли! Самим своим присутствием...

— Я понимаю, — перебила её Констанца. — Но ведь историю не перепишешь...

— Ты была счастлива? Ты была счастлива с Моцартом? — выпалила неожиданно для себя Мария.

Констанца поёжилась и стала накручивать на указательный палец тончайший шарф:

— Собственно, не знаю, зачем тебе всё это, да и нужно ли это мне самой... Весь этот «моцарт»... Странно, что тебя занимает прошлое — люди вашего времени обычно другие. Они торопятся. Зарабатывают деньги. Кладут их в банки. Ходят на презентации. Толкаются в час пик... Впрочем, если тебе интересно. Наш первенец, Раймунд, умер от колик на первом году. Третий, Иоганн — от удушья через месяц после появления на свет... Терезия и Анна-Мари также не успели пожить: последняя, бедняжка, скончалась через час после рождения. Выжили двое: Карл Томас и Вольфганг Амадей. Карл почти всю жизнь прожил в Италии, служил чиновником, немецкий знал не очень. Младший, родившийся за полгода до смерти Моцарта, ушёл в музыку, но до отца «не дорос». Карл не был женат. Вольфганг тоже умер бездетным: на том род Моцартов и угас.

— Ты была счастлива? — снова спросила Мария.

— О наших отношениях написано слишком много дряни. И не только. Пусть каждый думает, что хочет. Представь, недавно я прочитала о себе то, что якобы «страдала дефектом личности генетического происхождения» и «по своей природе была неспособна любить». С тех пор не люблю этих ваших модных психологов.

— Ты была с ним счастлива? — настаивала Мария.

— Я пережила его на 50 лет, — вздохнула Констанца. — Я пришла к нему на кладбище 17 лет после. Я подписывалась как «Констанца, статская советница Ниссен, в прошлом жена Моцарта». Я никогда ничего не расскажу тебе, Мария.

— Почему? — оторопела та.

— Да потому что с ним счастлива Ты...

...Милейшая жёнушка, у меня к тебе масса просьб:

1-е — прошу, не будь печальна.

2-е — следи за своим здоровьем и не особенно доверяй весеннему воздуху.

3-е — не выходи из дому одна пешком, а лучше всего совсем ходи пешком.

4-е — будь вполне уверена в моей любви к тебе; ещё ни разу не писал я к тебе письма, не поставив перед собою твой милый портрет.

6-е и последнее — прошу тебя, будь обстоятельна в своих письмах.

...

5-е — прошу тебя, согласуй свое поведение не только со своей, но и моей честью. Думай о том, как оно может выглядеть со стороны. Не сердись на эту просьбу. Ведь тебе нужно ещё более любить меня за то, что я дорожу своей честью.

Прощай же, милочка, чудо мое. Знай, что каждую ночь, прежде чем отойти ко сну, я добрые полчаса беседую с твоим портретом и то же делаю при пробуждении.

О штру! Штри! Целую тебя и прижимаю к груди своей 1095060437082 раз (можешь поупражняться в чтении этого числа) и остаюсь всегда

Твой самый верный супруг и друг

В. А. Моцарт m/p2

Мария прочитала это, найдя на полу забытое Констанцей письмо, и улыбнулась чему-то.

Она вышла из гостиницы и огляделась: та же толпа отдыхающих, те же пальмы, те же рестораны, те же экскурсии... Каким боком она вообще встретила здесь, в этом жалком подобии рая, Моцарта? Не сошла ли она с ума? Что это — реальность или невроз навязчивых состояний? Но почему ей тогда так легко, чёрт возьми? Почему ей так спокойно и хорошо? Мария купила пиво и посмотрела вглубь бутылки: она чуть не вскрикнула, увидев на дне крошечного человечка. Он увеличивался у Марии на глазах, и через какое-то время уже заполнил собою все застекольное пространство. Мария ахнула, узнав в лилипуте человека, имя которого навеки срослось с именем маэстро.

— Выпусти меня, — попросил он Марию.

— Но как? — удивилась Мария.

— Просто разбей бутылку. Не бойся, не убьёшь.

Мария посмотрела на лилипута с недоверием, зажмурилась, а потом шарахнула бутылкой о пальму. Когда она открыла глаза, то обнаружила перед собой самого Антонио Сальери — в полный рост. У него были крупные черты лица, суровые и не вызывающие неприязни. Мария сказала ни с того, ни с сего:

— Боже. Бывает ведь и нормальная жизнь, да?

— Да. Где-то, определённо, бывает, — согласился Сальери.

— Вы думаете, я начну говорить с вами об отравлении? Не дождётесь, — сказала Мария, с сожалением посмотрев на разбитую бутылку: капельки пива блестели на солнце. Хотелось пить: разговор с Констанцей утомил её, и, как будто, осушил.

— Нет, и дело не в Моцарте, — усмехнулся Сальери. — Я даже на Пушкина уже не злюсь — больно хороша трагедия получилась! Я всего лишь пытаюсь, старый дурак, понять природу гениальности! Но несколько веков жизни говорят мне только о том, что познать сие невозможно... На самом деле, барышня, наши отношения с Моцартом не были из рук вон плохи. И, между прочим, в 1791-м я сам дирижировал его реми-норной симфонией — вас тогда на свете не было, вы не можете всего знать. Я очень любил его оперы. Как-то Моцарт лично привёз нас с Кавальери на постановку «Волшебной флейты». Моцарт, которого Я отравил? Как глупо! Вот все пишут, что осенью 1823-го в состоянии «помрачения» я хотел перерезать себе бритвой горло; якобы, меня замучила совесть. Но... мне почему-то хочется сказать это тебе, Мария: ничего правдивого в слухе об отравлении нет. Я говорил когда-то то же самое Мошелесу, перед смертью. Ты ведь знаешь — говорят, я отправил на тот свет гения. Но нет, злость, чистая злость, скажите об этом миру...

— Дорогой Сальери! — Мария взяла его за руку. — Не парьтесь. Я ни в чём не обвиняю вас. Мне просто иногда кажется, что я в этой проклятой Ялте — «жемчужине Крыма», будь она неладна — совершенно сошла с ума. Я разговариваю с давно умершими родственниками Моцарта, с вами, с Вольфгангом — как с живыми, а с теми — ну, с ними, — Мария показала рукой на живых людей, — не могу! Я вся как будто на другом языке.

— Понимаю, — сказал Сальери. — Но тебе нужно ещё разок увидеть Его.

— Ещё разок?

— Ещё разок! — подмигнул Марии Сальери, и исчез.

...нежный, избалованный ребёнок...

родился 1756-го года, 27-го января... хроническое заболевание почек... протёртая ячменная каша — с утра, а на ночь маленький стакан молока с толчёными зёрнами Melaun, немного макового семени... самое большое потрясение — в мюнхенском госпитале: безносый, из-за сифилиса, композитор Йозеф Мыслевечек... пьёт чёрный порошок и настой бузины, чтобы пропотеть: это катар, сопровождающийся... катар переходит в бронхит... принимает винный сок и миндальное масло, после чего чувствует себя лучше... соната для клавира a-moll KV 310, посвящённая матери... наряду с Гёте и Лессингом был одним из трёх виднейших масонов восемнадцатого века... «Масонская похоронная музыка» KV 477... жена теряет пятого ребёнка... первые упоминания о роде датируются 1630-ми гг., когда его прадед-каменщик, Давид... Алоизия... бежать из Зальцбурга... бильярд, карты, верховые прогулки... австро-турецкая война, когда музыка по известным причинам переживала упадок... первый струнный квартет написан за вечер в заштатной харчевне итальянского городка... «очень болят пальцы, потому что всё время пишу оперу»... за полчаса сочинен в Болонье сложнейший четырехголосный контрапункт... оба Гайдна и падре Мартини... трактир «Серебряная змея»... типа, гения нельзя оскорбить бытом... среди великих музыкантов был первым, кто предпочел необеспеченную жизнь свободного художника полукрепостной службе у... средства к существованию добывал эпизодическими изданиями сочинений, уроками игры на фортепиано и теории композиции, а также «академиями» (концертами)... должность императорского и королевского камерного музыканта сковывала творчество... «приезжающий в Зальцбург через год глупеет, через два превращается в кретина и лишь спустя три года становится настоящим зальцбуржцем»... гармоническое и яркое по

выразительности искусство... один из важнейших этапов в мировом развитии оперы, симфонии, концерта, камерной музыки... основоположник классической формы концерта... композитор нередко обходился без предварительных эскизов... отнюдь не был ангелом в земной жизни... парлировать... пардонировать... сложнее дело обстояло с синтаксисом музыканта... судьба публикаций сохранившихся писем к кузине необычна: сначала они были признаны непристойными... но его склонность к проказам... «Реквием», концерт ре-минор, «Женитьба Фигаро»... щелчки фотоаппаратов... Фантазия ре-минор, «Дон Жуан»... камера наезжает... «Пражская симфония»... глаза героя крупным планом... да здравствует ...до#-ре-до# ми-ми, си-до#-си ре-ре...

Мария, надев наушники и нажав на «Play» маленького диктофона, в котором приютилось интервью на кассетке «Sony», стёрла игру сразу после прослушивания, а потом положила на язычок конфету «Mozart», забыв снять обертку. Не без удовольствия Мария откусила гению голову: это снова оказалось реально вкусно — «Mozart»!

Впрочем, только что Мария выпила достаточно виски — она всегда боялась летать самолетами «Аэрофлота»...

— До#-ре-до# ми-ми, си-до#-си ре-ре... — напевал человек в камзоле и белом парике, шагающий по воздуху: он ещё не знал, что Мария не долетит. — Ля, ля-си, си-до#, ми-ре-до#, си...

Но с 1791 года он был счастлив: так говорила Мария...

Елена КОРО

г. Евпатория. Крым.

МОРОК МИРМЕКИЯ

Мёртвые города, как всем известно, ещё со времён Марко Поло и Кубла Хана, живут своей тайной жизнью, а, вернее, ведут своё странное существование по законам, несколько отличным от жизни живых городов.

Вот Керчь.

Город живых, моих современников.

А вот в нём — Мирмекий — городище мёртвых: небольшой холм на берегу моря, курган, в котором археологи и откопали развалины древнего города.

Насколько живы люди, населяющие современную Керчь?

Вероятно, ровно настолько, насколько мертвы мороки из Мирмекия.

Каков он, морок?

Внешне ничем не отличается от живого человека, если, конечно, смотреть на него отрешенно-сдвинутым взглядом. Такой взгляд, предшествующий состоянию мимолетного, или же глубокого транса, появляется у путников, долго блуждающих по территории древних городищ. Детям случается вот так постепенно и незаметно для них самих впасть в состояние длительного транса.

Тогда и появляется морок.

Лето, сухостой, жара. Вокруг — степь да холмы. Пейзаж однообразный, привычный до невосприятия. И только необычная деталь на горизонте: то ли точка движется, то ли пыль курится, то ли воздух в дымке струится... — в общем, что-то привлекает своей необычной странной подвижностью, рассеянное жарой и полным однообразием, внимание. Нечто увеличивается в объеме, постепенно превращаясь в тёмную фигуру, движущуюся в столбе пыли. Оно не идёт на тебя, оно проходит стороной, равнодушно-незаинтересованное. Мужская фигура, очертания головы, мимолетный поворот — и взгляд, пустой взгляд то ли

зомби, то ли просто невидящий взгляд случайного прохожего, идущего по своим делам.

Странно же он идёт. Странно движется. Будто летит над травой — и ногами даже не перебирает.

Смотришь на него, заинтригованный, ничуть не напуганный, — что главное.

К тому же, сам ничем не занят, бредешь себе по степи, куда взбредёт. И, движимый любопытством, начинаешь потихоньку идти за странной фигурой. А она движется себе в отдалении, не приближаясь, не отдаляясь, по-прежнему не обращая на тебя никакого внимания.

— «Может, окликнуть?» — думается тебе.

Но нет, как-то не окликается: жара, разморило, лень губами пошевелить. А ноги сами ведут за этой фигурой, а день весь впереди, а цели нет, вот и движешься, уже отстраненно, за впереди идущим.

А он всегда впереди, всегда в отдалении, не оглядывается, не смотрит, но уже полностью в центре твоего внимания. И сам не замечает, что идешь за ним, в точности повторяя его движения.

Взгляни на вас сейчас кто-нибудь посторонний, удивился бы тому, что и ведущая, и ведомая фигуры движутся по степи зигзагами, но так, будто обе соединены невидимым стальным тросом: чёткие одновременные повороты, параллельные движения, автоматически выверенные жесты.

«Кто же из них кто?» — удивился бы этот посторонний наблюдатель. — «До чего же оба друг на друга похожи, близнецы, копии».

Да ведь ещё смотря, откуда смотреть! В некоторый момент времени в некотором месте две фигуры для наблюдателя на мгновение сливаются в одну. Вот он, этот миг отрезвления: видит наблюдающий, что идёт по степи человек совершенно один, в состоянии полного транса, сам себе не принадлежит, идёт механическим шагом, глаза пустые, взгляд полностью зафиксирован на некоей точке впереди (видимой только для него, идущего). Зови его, кричи ему — идёт, молчит, не отзывается, потому что не слышит. Догони его, за плечо потряси: холодный, жесткий, прямой, как доска. Идёт, ничего не чувствует. Не оста-

новишь, сил твоих живых, человеческих, не хватит, — тянет его сила непреодолимая, нечеловеческая, механическая какая-то. Эдакий бездушный «вечный двигатель» — движется и движется куда-то в заданном ритме. А куда? Откуда ж ему знать? Взгляд абсолютно пуст, ничто в голове.

Страшно становится постороннему человеку!

Он ведь только на время в чужую грань вошёл, живыми глазами увидел, как морок человека подцепил и повёл; как постепенно человек с мороком в единое целое слился, и как, наконец, человек сам не заметил, как мороком стал.

Не всякий человек гипнозу морока поддаётся, и ты, посторонний, сильным оказался, разумным, — миг осознания отрезвил тебя. Да ведь тебе-то что, ты со стороны смотрел, как морок, тебе, себя показывая, силу свою демонстрировал — на другом, на слабом, на праздношатающемся.

Ребёнка легче всего мороку увлечь, поработить да увести. Ребёнок ведь и сам не заметит, как за мороком пойдёт — да во власти его и окажется.

А ты, наблюдатель посторонний, смотри да на ус мотай. Что, вспомнил, сколько случаев было, когда дети в степи пропадали, и мёртвыми их находили впоследствии неизвестно где...

Вот как мороки работают.

Для устрашения это тебе, странник, и для назидания.

А назитайся наглядностью существования города мёртвых, который живых в свой стан заманивает. Вот так и сам не заметишь, как пойдёшь за ним за грань смерти, как в живого мертвеца — в морока — превратишься, тем самым из жизни в смерть перейдёшь, как перекаати-поле по степи, по пути покатишься в этот самый мёртвый город — в Мирмекий мороком.

Наблюдай за собой, будь осторожен.

Дарья СВИТАЙЛО

г. Ялта. Крым.

БЫТЬ СВОБОДНОЙ, КАК ЧАЙКИ

А ей сегодня приснился такой красивый сон, — ванильный, как сказала бы лучшая подруга Настя:

— Вот, какая чайка! Украла у меня мороженое! Ну и ладно... На здоровье! Оно всё равно кусалась своими ледяными хрусталиками!

Кто бы ещё мог додуматься есть мороженое, когда февральское небо, словно недовольные волны, бушует и злится? Возможно, оно поссорилась с солнцем, и поэтому сегодняшний рассвет был таким... Особенным... Совсем другим...

Даже каким-то дерзким.

За все дни, когда она взяла за привычку совершать ранние пешие прогулки по набережной, потягивая чай или кофе из новенького термоса цвета марсала, — подобного неба ещё не было. По отдельности всё достаточно просто: белые, словно пенящиеся от реакции соды с уксусом, облака тяжёлым одеялом укрывали морскую гладь; над ними небо — картина таинственного художника, тщательно выписанная маленькими мазками от лилового до нежно-персикового...

Кому-то это может и не особо приглянуться. Вероятно, наши Ялтинские рассветы не так красивы, как где-нибудь на побережье Тихого Океана. Но для неё они — самые родные и потому невероятно трогательные. Там, во сне, она кормила чаек крошками хлеба и думала о том, как здорово быть такой же свободной как эти птицы и в тоже время сильной...

Вдруг совершенно неожиданно её окликнул незнакомый парень; она вздрогнула... — что-то в последнее время она стала слишком пугливой.

Вероятно, выражение лица её было столь милым и воодушевленным... (как ребенок, широко распахнув глаза, смотрела девушка на кружащихся птиц), что незнакомец задал ей вполне логичный вопрос:

— Вы что, чаек никогда не видели?

— Таких вальяжных и смелых? Ни — ког — да. Только утром этого понедельника.

Она улыбнулась во сне...

Вздрогнула, резко открыла глаза. Ещё рано и можно было бы поспать, но фрагментами стал всплывать тот необычно живой сон. Встала с постели и поспешно отправилась в ванную, а затем обратно в спальню. Открыла свой волшебный шкаф, где хранились очень важные для неё вещи: платье с выпускного вечера, всё ещё пахнущее цветами, фамильный старинный платок, что подарила бабушка, и, конечно же, десятки плечиков с её любимыми нарядами. Одеваясь быстро и даже не перебирая все возможные варианты, поспешила выйти из дома.

На часах — 7:00 — нужно торопиться. Безумно хотелось застать рассвет и особенное небо. Наслаждаясь лучами едва пробудившегося солнца, она медленно шла по Набережной.

На пристани, что около часовни, стоял высокий темноволосый парень и кормил чаек крошками хлеба.

Он обернулся, — она резко переменялась в лице и даже чуть-чуть пошатнулась — утонула в его взгляде. Ещё пару секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

— «Это судьба... — подумала она и... бросилась в обратном направлении: — Я ведь хотела быть свободной и сильной как чайки... так зачем идти у неё на поводу?»

Он же провожал её долгим и улыбчивым взглядом, зная, что точно встретит Её завтра. И на этом же месте...

Анастасия ПРОТАСОВИЦКАЯ

г. Керчь. Крым.

БАБА ФРОСЯ И САТАНА

Баба Фрося с трудом разогнула ревматически скрипящую спину. Поясница ныла. Апрель выдался ненормально жарким, солнце ехидно блеснуло в зените, а степь, подступившая к самым окраинам Керчи, походила на сковородку.

Старушка вытерла платочком лоб и обвела взглядом кладбище — чёрными нахохлившимися воронами гранитные надгробия убежали к подножию кургана. За последний год их стало заметно больше.

Евфросиния Михайловна вздохнула, поглядела на могилку покойного супруга, и взялась было вновь за цапку, когда её внимание привлекло нечто странное. По залитой солнечным светом степной дороге двигались две тёмные фигурки — под стать всё тем же пресловутым воронам. Худющие, в капюшонах, чёрных балахонах. Даже то, что это парень и девушка, баба Фрося поняла лишь, когда они поравнялись с крайней могилой в её, «бабы-фросином», секторе.

Странная парочка остановилась, повозилась с рюкзаками, скинутыми с сутулых плечиков, пошепталась друг с другом. Затем парень бодро сбросил куртку, оставшись в чёрной футболке с сатанински оскалившимся на груди черепом; откинул с лица пряди длинных смоляных волос, которые тут же вернулись на место.

Баба Фрося ахнула и схватилась за сердце, увидев, что молодой человек беззастенчиво принялся раздеваться дальше, снимая чёрные обтягивающие джинсы...

Старушка зажмурилась, переводя дух, а когда открыла глаза, её ждал ещё больший удар — парень был уже облачён в шорты, обнажающие не только его худые ноги, но и подозрительные символы, просматривающиеся на коже под волосами.

— «Дьявольщина!» — ужаснулась Евфросиния Михайловна, осеняя себя крестным знаменем...

С коленок и кривоватых лодыжек на неё смотрели рогатые черепа, перевёрнутая пятиконечная звезда и недвусмысленная надпись «Зло», подкреплённая тремя inferнальными шестёрками.

Тем временем обладатель всего этого пиктографического великолепия достал из рюкзака сапёрную лопатку и принялся деловито её раскладывать. Его спутница, не снимая балахона, лениво натягивала перчатки. Горячий ветер подхватил её фиолетовые волосы, выбившиеся из-под капюшона.

— «Сатанисты... — пронеслось в голове бабы Фроси. — Принесут в жертву средь бела дня! Это про таких показывали в программе «Криминал...»

Тут она заметила, что мальчик обратил на неё внимание.

— Добрый день... — он шагнул в её сторону, радостно взмахнул лопатой.

Солнце сверкнуло на стальном лезвии.

Ефросиния Михайловна попятилась, продолжая креститься. Продолжая отступать, лодыжками почувствовала холод оградки:

«Ну, вот и всё...»

Чувствуя, как на неё падает тень, старушка подняла глаза. Над ней стоял почти мальчик. Ветер сдул чёлку, открыв бледную мордашку с курносим носом. На носу плясали веснушки. Он похлопал светлыми, рыжеватыми ресницами.

— Мы тут подумали... Может, вам помочь что-то надо?

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
----------------------	---

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИЕ

Ксения Нели. ЖЕМЧУГ ДЛЯ РУСАЛОЧКИ	6
Андрей Бочаров, Елена Щетинина. ЭНГРАММА ЛЮБВИ...	20
Евгений Поляков. НА ЗЛАТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ	29
Нина Моисеенко. Я ПОДАРИЮ ТЕБЕ КРЫЛЬЯ	32
С. Г. Малиновски. ГРАНАТ ОТ ГАДЕСА	42
Михаил Кормин. ТРИ ПИСЬМА ИЗ-ЗА ЖЕМЧУЖНОГО ЗАНАВЕСА	51
Станислав Янчишин. ПОМНИ МОЮ УЛЫБКУ!	71
Елена Шмидт. ИЗ ГЛУБИНЫ... ..	77
Алексей Евтушенко. ДОЛИНА	89
Ольга Артамонова. РОМАНТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ	113
Сергей Савинов. СОБАЧЬЯ РАДОСТЬ	130
Дарья Воронина. ЧАЕПИТИЕ	141
Сергей Молодцов. СПАСЕНИЕ	149

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ

Андрей Герасимов. СОКРОВИЩЕ АЛИМА АЙДАМАХА ...	160
Тимур Казанлиев. КРАЙ ГРЕЧЕСКОГО СВЕТА	183
Евгения Дериземля. НЕВЕРОЯТНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ	186

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОЕННЫЕ

Андрей Лободинов. ПРАВИЛЬНЫЕ ПОСТУПКИ ЛЕЙТЕНАНТА ПИМЕНОВА	201
Вячеслав Пронь. КАК СПАСТИ ДВОРЕЦ	208

Игорь Сергеев. КРЫМСКОЕ СОЛНЦЕ	217
Лев Кружко. ВЕЩИЙ СОН	225

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖИТЕЙСКИЕ

Анна Матвеевко. ПУТЕШЕСТВЕННИК («Кошачий» отпуск)	227
Сергей Гулевич. ЗАКАТЫ	237
Цветана Шишина. ЗНАМЕНИТЫЕ ФАМИЛИИ	239
Светлана Бормотова. СИМЕИЗ	250
Ульяна Киршина. ЛИХОВРЕМЕНЬЕ	252
Александр Грановский. ЧИСЛА МУ	275
Эрик Абири. ПЯТЬ ВСТРЕЧ.....	281

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИСТИЧЕСКИЕ

Наталья Рубанова. ВОСЬМАЯ НОТА	287
Елена Коро. МОРОК МИРМЕКИЯ	311
Дарья Свитайло. БЫТЬ СВОБОДНОЙ, КАК ЧАЙКИ	314
Анастасия Протасовицкая. БАБА ФРОСЯ И САТАНА	316

Литературно-художественное издание

КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ-2017

сборник

Выпуск третий

Главный редактор Майкл Львовски.
Редактор Юрий Иваниченко.
Вёрстка и дизайн ТПО «Вариант».

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 18,60. Тираж 1000 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru